Д. П. КОНЧАЛОВСКИЙ

ПУТИ РОССИИ

РАЗМЫШЛЕНИЯ О РУССКОМ НАРОДЕ, БОЛЬШЕВИЗМЕ И СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

YMCA-PRESS

Д. П. КОНЧАЛОВСКИЙ

ПУТИ РОССИИ

РАЗМЫШЛЕНИЯ О РУССКОМ НАРОДЕ, БОЛЬШЕВИЗМЕ И СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

YMCA - PRESS
11, rue de la Montagne Ste Geneviève
Paris 5e

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ АВТОРА

Дмитрий Петрович Кончаловский родился в 1878 г. в Харькове.

В 1902 г. он окончил историко-филологический факультет Московского университета и был оставлен при кафедре древней истории.

До войны 1914 г. он читал курс римской истории сначала в университете, потом на Высших Женских курсах, готовя одновременно свою профессорскую диссертацию.

Занятия эти были прерваны войною. В 1914-1917 г.г. он был на фронте. В 1918-1921 г.г. он вел занятия по римской истории в Московском университете. В то время он пользовался уже среди своих коллег известностью в своей специальности — истории Рима.

В 1921 г., не будучи марксистом и не желая маскировать своих убеждений, Д. П. отказался от преподавательской деятельности в университете. Дети его тогда еще учились, положение семьи было бедственное, но он предпочел нужду и даже голод измене своим убеждениям.

После ухода из университета Д. П. занимался, главным образом, переводами и продолжал свою научную работу для себя. В 1926 г. ему удалось перевести на французский язык и переправить в Париж в форме резюмирующей статьи результаты своих исследований. Работа эта была сразу принята и напечатана в журнале Revue Historique в Париже. Но от дальнейшего сотрудничества с этим журналом, предлагавшим ему печатание его исследований, ему пришлось отказаться из-за практических причин: трудностей, связанных с дальнейшим переводом его работ и пересылкой их заграницу.

С 1929 по 1941 г. Д. П. преподавал в ряде московских вузов сначала немецкий язык, а затем также и латинский язык. Осенью 1934 г. он читал курс древней истории в МИФЛИ (Московском Институте Философии, Литературы и Истории).

Но после первого же триместра он был удален от преподавания этого предмета.

Летом 1941 г. Д. П. с семьей оказался в оккупированной немцами зоне. Не желая ни возвращаться в Москву, ни переправляться в нацистскую Германию, он 3 года — до июля 1944 г. — пробыл в прифронтовой полосе, наблюдая политику немцев в России и реакцию русского населения. В этот период он занимался главным образом восстановлением и организацией русского народного образования в занятых немцами областях.

В июле 1944 г., при окончательном отступлении немцев из России, Д. П. с семьей выбрался в Германию и попал в Берлин, а затем в Гамбург, где его и застал конец войны.

В 1945-1947 г.г. он жил в лагере Ди-Пи. В октябре 1947 г. он приехал в Париж и поселился у своей сестры, преподавательницы русского языка в Школе Восточных Языков.

Еще во время войны Д. П. начал углубленно заниматься вопросами русского общественного развития и проблемами большевизма и современной цивилизации. Предлагаемые статьи являются частями задуманного и начатого им большого труда по этим вопросам.

Димитрий Петрович скоропостижно скончался в июне 1952 года в Париже.

Знаем ли мы самих себя?

Да и возможно ли знать Россию и русский народ?

Он что-то странное и загадочное.

Как бы то ни было, попытка должна быть сделана.

Я не случайно взял эту тему. Я думаю о ней уже четыре года неотступно.

К сожалению, почти нет средств для разрешения проблемы.

Предприятие со скудными средствами.

Оно должно быть сделано, хотя бы ответ был неполный, частичный.

Пусть мои мысли покажутся спорными и частичными.

Они найдут себе отклик в слушателях, возбудят их собственную мысль.

Пусть каждый придет к собственному решению или собственным предположениям, догадкам или надеждам.

1945 г.

СОВРЕМЕННЫЙ МИР ПЕРЕД ЛИЦОМ БОЛЬШЕВИЗМА [1]

Современный кризис, переживаемый человечеством, неизмеримо глубже, нежели те, какими когда-то являлись Возрождение или 15 век с его изобретениями и открытиями. Во всей мировой истории аналогию нынешнему кризису представляет только появление христианства и падение античной цивилизации. Если тогдашние события представляли собою нарождение новой цивилизации, то события, переживаемые нами, означают ее конец. Из всех явлений современности, знаменующих собою этот конец и содействующих ему, самое значительное и страшное представляет большевизм. Большевизм многообразен и многогранен. Он захватывает все области жизни: нравственность, религию, высшую духовную деятельность, экономику, политику. Выявления и достижения большевизма в политике для поверхностного постороннего наблюдателя нагляднее и очевиднее всех остальных. Весь мир

---

[1] Термин большевизм понимается в книге в различных смыслах в соответствии с его постепенным расширением, по мере того, как он конкретно воплощался в русскую жизнь и русскую общественную и даже частную психологию. Сначала это понятие производное от понятия «большевики». Затем, в начале революции, да и в предшествующей истории партии, это доктрина большевиков и их образ действий. Затем феномен расширяется — большевизм становится определенной универсальной формой жизни с ее государственностью, общественностью, культурой, психологией и этикой — общественной и частной, с ее типом человека (советский человек).

смотрит на них с напряженным ожиданием. Они заключаются в том, что судьбы нашей планеты сосредоточены сейчас в одном жизненном фокусе, и фокусом этим является кучка людей — членов политбюро большевистской партии, держащих в своих руках безраздельную власть над огромной Россией.

Насколько беспримерным и поразительным является этот факт — сосредоточение мировых судеб в одном пункте — настолько же поразителен самый этот комплекс большевизма, как он постепенно сложился и раскрылся в течение последнего полувека мировой истории. Я говорю « мировой », а не русской только, потому что моя цель именно в том и состоит, чтобы показать, что большевизм, несмотря на его русское название и первое его выявление в России, представляет собою не местный комплекс, а мировой. Когда в октябре 1917 года произошла революция, навеки положившая предел между старым и новым миром, тогда никто (в том числе и сами большевики) не подозревал, что событие это коснется не одной только России, но представляет собою предрешение судеб всего человечества. Не отдавали себе в этом отчета и в последующие годы, когда в муках голода, гражданской войны и большевистского террора, было подавлено белое движение и восторжествовала советская власть. В значении происходящего не отдавали себе отчета и позже, когда под небывалым давлением этой власти один за другим совершались большевистские « эксперименты » — военный коммунизм, НЭП, пятилетки « строительства социализма », коллективизация и, наконец, колоссальные вооружения. И как это ни странно, также и теперь, когда послевоенные события открыли глаза на многое, и огромная роль Советского Союза в мировой политике стала ясна для всех, не только сущность « большевизма », как мирового фак-

тора, остается неразгаданной, но и в сознании широчайших кругов мыслящих людей большевизм не вызывает к себе того глубокого интереса, которого он требует в силу своего насущного значения *для каждого ныне живущего на земле индивида.*

В прошлом, враждебные Советскому правительству иностранные державы, неспособные угадать смысл всего происходящего тогда в России, в конце концов примирились с Советским правительством, руководясь исключительно желанием вернуть себе какую-то долю отнятых у них революцией капиталов и коммерческих выгод. А русская интеллигенция — и ушедшая в эмиграцию, и оставшаяся на родине, в огромном большинстве своем упорно продолжала считать все происшедшее в России результатом роковой случайности; действия большевиков она рассматривала, как махинации преступной банды, желавшей во что бы то ни стало удержать власть и спасти себя от заслуженной кары; все планы « построения социализма » эта интеллигенция расценивала как безумную химеру, рано или поздно обреченную на провал. О неминуемом провале, казалось, действительно говорили факты. В беспощадном терроре страна теряла своих ведущих людей — общественных деятелей, ученых, мыслителей, техников, лучших рабочих и крестьян; потери эти в конце концов стали насчитываться миллионами людей. Экономика страны уродовалась, природные богатства расточались, народный труд истрачивался впустую, неудачи и прорехи во всех областях жизни вопияли о себе во всеуслышание и не могли замалчиваться даже правителями, народ нищал, и сама природа периодически отвечала стихийными бедствиями на бессмыслие всех « экспериментов ». Система держалась на голоде, страхе и унижении народных масс, еще небывалом в истории терроре и принудительном труде

из-под кнута. Наружно казавшийся сильным и самоуверенным, советский режим внутренне был слаб. Для всякого, кто жил и действовал внутри него, это была не иллюзия, но самая очевидная реальность, и потому общий крах системы представлялся неминуемым.

Но чудо ! время шло, а крах не наступал. Напротив, из года в год придумывались новые бессмыслицы, на народ наваливались новые цепи, изобретались новые способы порабощения и обезличения людей, советская власть становилась все безраздельнее хозяином души и тела « советских граждан ». Такого рабства народа, такого всевластия и произвола правительства, такого цинизма в обмане не знали ни один народ, ни одна страна и никакая эпоха мировой истории.

Но вот еще один знаменательный факт. Ни из массы задавленных гнетом советских подданных, ни из среды сохранивших свободу мысли и слова русских эмигрантов не вышло ни одного настоящего идейного протеста против большевизма. Я говорю не об « оппозиции » в самой партии, не о военных заговорах, не о вспышках недовольства среди рабочих и особенно крестьян. Под протестом я понимаю здесь новую идею, способную разрушить идеологию большевизма, обличить лживость тех философских и научных основ, которыми он оправдывал свои практические планы и действия. Ибо социально-политический режим свергается не частичными возмущениями, а единственно лишь новой идеей, способной стать предметом веры и знаменем борьбы за ее осуществление. Ни в Советской России, ни среди зарубежных русских за тридцать два года существования советского режима такой идеи не появилось.

Пусть даже правы те, которые в отношении советских людей объясняют этот факт истреблением их умственной верхушки и атмосферой тюрьмы, окутав-

шей всю жизнь. Но что сказать об идейном бессилии эмиграции ? Ведь заграницей оказалась значительная часть виднейших представителей русских политических партий — монархистов, кадетов и социалистов всех оттенков, крупнейшие русские мыслители и писатели, а также десятки тысяч рядовых образованных людей. Жизнь этой зарубежной России слагалась взаимодействием духовных руководителей и интеллигентской массы, способной понимать и усваивать их идеи. В ее среде имелись высшие школы, научные общества, политические группировки. В мире возникла как бы вторая Россия, неизмеримо меньшая по объему, но сохранившая в себе все проявления ее мысли, духа и культуры, подавленные в России большевиками. Жизнь *этой* России протекала в атмосфере умственной свободы, ее взоры были устремлены на родину, она жила всецело ожиданием нового переворота. Умственная деятельность эмиграции была кипучей, писались книги о России, о большевизме, по русской социологии, политике, экономике и истории. И несмотря на все это, тоже и в этой зарубежной русской среде не родилась та общая новая положительная идея, которая была бы способна противостать идее большевизма, в качестве символа веры и боевого знамени. Поиски такой идеи предпринимались, но положительного результата они не принесли. В основном русская эмиграция осталась исключительно на позициях критики большевизма, исходящей из принципов гуманитарной морали, национальных чувств и традиций, а также политической и экономической целесообразности.

Может ли столь кардинальный факт быть случайным, не является ли он обусловленным какими-то глубокими причинами, направляющими общий ход событий нашего времени не только в России, но и повсюду в мире ? Действительно, не одна только русская

эмиграция оказалась неспособной выставить новую идею, противоположную большевизму, но и весь западно-европейский культурный мир. Более того, в этом культурном мире появилась целая категория людей, которые видят в большевизме спасение человечества. Я говорю здесь не о коммунистических партиях, членах Коминтерна. Они существуют давно, и в каждой стране имеют свои корни и свой raison d'être. Я говорю о западно-европейских « внепартийных большевиках », сочувствующих и попутчиках, которые не составляют никакой организации, рассеяны в массе европейского общества, живут его буржуазной жизнью, но верят именно в большевизм, его успехи и его миссию, и закрывают глаза на самые достоверные факты и очевидные доводы рассудка. Такими поклонниками большевизма полон весь мир. Значение всего сказанного мною выше усугубляется еще одним замечательным явлением.

Явление это — умственный и нравственный облик большевистских вождей. Я не вдаюсь здесь в рассмотрение того, заслуживают ли Ленин и Троцкий тех лавров, которыми награждают их люди, привыкшие видеть в успехе доказательство величия. Что́ в этом успехе приходится на долю их талантов и что послано им стечением обстоятельств, решить этот вопрос в настоящее время еще невозможно и едва ли когда-либо будет возможно, ибо слишком основательно искажены большевиками исторические документы и факты. Но каковы бы ни были эти « вожди », окружавшая их толпа сподвижников, все эти Луначарские, Зиновьевы, Радеки и иже с ними представляли собою частью бойких журналистов и говорунов, частью же темные и подозрительные фигуры российского политического подполья. Сам Ленин не доверял им и отчасти их презирал. Но чем больше укреплялось « дело боль-

шевизма », вместе с восхождением звезды Сталина, тем зловещее становился отбор большевистской верхушки из людей совершенно особого типа, если угодно, ярких своей посредственностью и даже бездарностью, тупых, абсолютно лишенных культуры и сходных между собою в одном — безусловной покорности воле единственного вождя. Вот какие люди стали в конце концов вершителями судеб России и ныне претендуют на владычество над миром. И против таких-то людей оказалась бессильной вся страна и зарубежная эмиграция, а теперь пасуют государственные люди Европы и Америки.

Более того. Все, казалось бы, резко противоположные и враждебные большевизму факторы, то-есть, люди, события, комбинации внешних условий каким-то чудом, прямо-таки мистически, соединялись и соединяются в целях наилучшего ему содействия. В самые, казалось бы, критические и грозные для него моменты эти факторы сами спешат ему на выручку и выносят его на гребень исторической волны. Сколько перебывало таких ситуаций, составляющих почти непрерывную цепь, звеньями которой явились интервенция и белое движение, дипломатическое признание советской власти западными державами, торговые договоры с ними и их же помощь « строительству социализма », пакт с Гитлером, его роковые ошибки в отношении русского народа и, как венец всего, трамплин в центральную Европу, услужливо подставленный Сталину Черчиллем и Рузвельтом в Тегеране, Ялте и Потсдаме. Здесь перед нами еще небывалый пример того, как определенный результат реализуется самим так называемым « ходом истории », и как чья-то невидимая и всесильная рука превращает факторы по существу враждебные в факторы содействующие.

Все это приводит к мысли, что разгадка больше-

вистской революции и всей последующей судьбы большевизма кроется где-то в глубинах мировой цивилизации, и что какие-то мощные и универсальные исторические силы работают на него.

⁂

Сущность большевизма не в абсурдах, уродствах и ужасах созданного им в России быта и усвоенных им методов управления, политики и дипломатии, а в том, что он в конечном счете оказался мировым фактором власти и, в качестве такового, претендует на мировое господство. При этом упомянутые только что уродства и ужасы, кажущиеся западному культурному человеку печальными аномалиями, отказом от кодекса морали и гражданственности, суть его неотъемлемые органические свойства, благодаря, а не вопреки которым он и является первостепенным фактором власти на мировой арене.

Противники большевизма — социалисты и демократы — упрекают его за измену своему идеалу, первоначальной программе и обещаниям, но они упускают из вида, что только благодаря своим многообразным приспособлениям и оппортунизму он создал особый тип общежития, в высшей степени пригодный для роли махтфактора в нынешней борьбе империализмов, выполнив этим свое назначение для России в международной ситуации последнего 70-летия (на что оказался неспособен царский режим, ибо его идеологический арсенал выдохся и обессилел) и готовясь выполнять это назначение и в дальнейшем. В настоящий момент, из всех мировых партнеров он, повидимому, наилучше подготовлен для этой роли.

Такой результат «перманентной» революции в

России очевидно не случаен: следовательно, не случайна сама эта «перманентность», не случайны победа генеральной линии партии, вознесение наверх такого монстра, как Сталин, успех коллективизации, индустриализации, строительства социализма, несмотря на все, казалось бы, очевидные нонсенсы, недочеты, ошибки, потери, убытки, уродства и ужасы, с которыми связаны все эти триумфы большевизма. *История, видимо, творится не только пригинами, но и целями.* И не случайными, а, напротив, непреложно обусловленными и направленными к определенной цели представляются все события, ситуации и конъюнктуры внутри этого процесса революции. Но и самый этот процесс с его фактическим содержанием и основными факторами в свою очередь строго обусловлен российской действительностью в ее прошлом как непосредственно предшествующем революции, так и отдаленном. Ибо большевизм с его приемами и порядками, с созданным им общественным укладом, бытом и общественной психикой стал возможен в России лишь потому, что он mutatis mutandis, с соответствующими времени вариациями степеней и качеств возродил традиционный русский тип общежития, для которого характерным является господство беспощадного и всепоглощающего государства над стихийным, безбрежным и бесформенным анархизмом личности и массы. В борьбе этих двух противоположных начал, среди создаваемых ею крайностей и эксцессов протекала внутренняя история России, которая потому и не сумела создать свойственного Западной Европе гражданского порядка, с его, в частных случаях, большей или меньшей гармонией во взаимоотношениях государства, личности и органически сложившихся общественных групп. Под маской социализма, демократии и свобод большевизм инстинктивно черпает свои приемы и методы в сущности из традиций русской

государственности, вызывая в подвластных тоже традиционную реакцию тупой покорности или стихийного анархического протеста; большевизм держится на исконной русской общественной психологии, он означает подчинение народной стихии, творческой и анархической, государственному началу, принуждающему, организующему, но и мертвящему. Вообще же большевизм, отдавая призрачную дань унаследованным от демократии 19 века лозунгам гражданских свобод и гражданских прав, сам со своим советским государством устроился на основах авторитета, подчинения и дисциплины.

Как бы ни относиться к большевизму с точки зрения религиозных, нравственных или гражданских идеалов, с точки зрения реальной мировой политики он представляет явление весьма актуальное, так сказать, своевременное, а для участников состязания за мировое господство он оказывается противником настолько страшным, что в гадательных прогнозах будущего его победа представляется не только не исключенной, но, пожалуй, наиболее вероятной. Ибо в наше время, более чем когда-либо прежде, решающими факторами борьбы являются не идеалы, моральные или гражданские, не служение правде и человечности, даже не рациональное распоряжение материальными и техническими средствами, а идущая напролом концентрация в одних руках всех этих средств, равно как всей умственной и волевой энергии личностей и масс, с возможностью их бесконтрольного и безапелляционного напряжения и расходования в направлении к одной ясно поставленной и настойчиво преследуемой цели. В этом смысле превосходство большевизма неоспоримо и не требует доказательств. Достаточно сослаться на то, что нынешний паралич европейских правительств есть явление, от которого Советская

Россия застрахована, несмотря на то, что ее экономическое положение, пожалуй, наихудшее в Европе. Весьма знаменательным фактом на фоне этого положения является отсутствие и полная исключенность забастовок или каких-либо публичных изъявлений неудовольствия.

Итак, большевизм отвечает практическим требованиям мировой политики нашей эпохи. Но он отвечает и так называемому «духу времени». Правда, это соответствие как будто затемняется и ослабляется его внутренними противоречиями, его маневрированием и оппортунизмом, а также его уродствами и ужасами. Но, во-первых, эти отрицательные явления обычно либо не замечаются, либо игнорируются, либо с легкостью объясняются и оправдываются, а во-вторых, что гораздо важнее, в нашу переходную и мятущуюся эпоху большевизм, повидимому, действительно представляет искомую общественную форму, отлитую по мерке современного европейско-американского человечества; ибо человечество это, шествуя с эпохи Возрождения по пути научного и технического прогресса, докатилось до всех видов фашизма, до фактического восстановления рабства, и до атомной бомбы. И, если путь прогресса вел человечество от религии, мистики, абсолютных норм нравственности к материализму, безбожию, утилитаризму и всевозможному релятивизму, то можно утверждать, что большевизм с его общеизвестной идеологической основой и всеми его атрибутами представляет последнее слово этого развития, является подлинным, хотя еще и не всеми признанным, выразителем нашей эпохи.

Все вышесказанное ставит перед современниками практическую задачу: в целях дальнейшего существования и строительства жизни определить свое прак-

тическое отношение к большевизму, как угрожающей человечеству новой универсальной форме, и соответственно избрать немедленно свою линию поведения во всех вопросах политики, общественности, экономики, религии, вплоть до воспитания молодежи и частного быта. Ибо вопросы эти не шуточные и переживаемый момент — критический. Время не ждет. В еще не столь отдаленном прошлом европейское человечество питалось тысячелетней традицией христианского общества, построенного на религии, идее долга и верности, дисциплине, солидарности, самоограничении. Оно было гармонично, стройно и прочно. Под влиянием указанных выше умственных и нравственных моментов, внесенных « прогрессом », человечество близко к разложению и готово созреть для восприятия той формы, которую история на всякий случай заготовила в большевизме. Несколько перефразируя слова одного русского общественного деятеля, складывающуюся сейчас в человечестве ситуацию можно кратко формулировать так: « Там, где понятие о *грехе* утратило свою силу, где исчезает из общественного оборота понятие о *стыде,* единственной защитой от распада и хаоса являются принуждение и страх ».

Париж. 1949 г.

БОЛЬШЕВИЗМ КАК РУССКОЕ ЯВЛЕНИЕ И КАК ЯВЛЕНИЕ МИРОВОЕ

Разнообразие и противоречивость всех донынешних суждений о большевизме происходит от субъективизма их авторов и от узости, частичности их точек зрения. Большевизм берется обычно в каком-нибудь одном аспекте, положительном или отрицательном с точки зрения говорящего, и соответственно оправдывается или осуждается. Правильное суждение о большевизме возможно только при рассмотрении его: во-первых, с точки зрения исторической, т.е. в качестве русского и мирового явления, обусловленного прошлым развитием как России, так и всего мира; во-вторых, с точки зрения практическо-политической, т.е. в качестве актуального фактора мировой борьбы империализмов.

Неоспоримый факт нынешней мировой политической ситуации: Советская Россия является решающим ее фактором, мировым арбитром.

Она является им благодаря большевизму и большевикам.

В настоящее время ставкой в мировой игре является не только власть над миром, не только сохранение своего суверенитета, но и собственное существование.

В виду этого в моем рассмотрении я беру большевизм, как особую форму тоталитарного государства, в небывалой степени концентрирующего силы и средства страны, материальные и моральные, в руках

правительства. Эта концентрация создана ценою тех условий советского режима, которые отличают его от прочего мира, являются его специфическими особенностями.

Я беру большевизм под свое рассмотрение и анализ в его бесспорном аспекте, как мировой политический фактор. В качестве такового он угрожает всему миру, представляет антагониста Америки в борьбе за Европу и за мир.

Несмотря на всю внутреннюю слабость Советского Союза и его бедность всякими ресурсами сравнительно особенно с США, именно большевизм как определенный политический, бытовой и психический уклад, придает ему необычайную силу и ставит его в исключительное положение среди всех прочих партнеров мировой политики.

Большевики, так сказать, побили все рекорды. Но чтобы достигнуть такого результата, надо было уничтожить все наследие прошлого в России, весь запас нравственных, культурных и прочих «ценностей», которые теперь уже оказались не ценностями, а балластом, гандикапом, который стесняет движения, связывает руки партнеров в происходящем состязании. Так связаны руки у всех противников большевиков, ибо им приходится считаться с массою интересов, предрассудков, прихотей, привычек, капризов, общественным мнением, привычками комфорта, развлечений, гуманности, приличий и т.д. Ни с чем этим большевики не считаются.

Но не только это важно.

Вместе с русским господством над миром большевизм несет миру определенную программу нового социально-политического строя, культуры и морали — и не только программу, но и сложившийся уклад психический и бытовой.

В нынешней противоположности американская сторона представляет собою старый мир, русская — новый.

Замечательно, что такой результат в мировом плане получился помимо воли и стремлений большевиков. Их революция в России имела целью: во-первых, внутреннее ее переустройство, причем цель эта совпадала с целями других революционных и прогрессивных партий, отличаясь от них лишь в деталях; во-вторых, содействие мировой революции, которая ожидалась ими как результат 1-ой мировой войны и мыслилась в виде самостоятельных, стихийных внутренних переворотов в каждой стране без внешнего вооруженного вмешательства, притом в весьма близком будущем.

Большевики выступали как анти-империалисты и анти-милитаристы, они были против войн и тайной дипломатии, их подготовлявшей.

Теперь империализм, милитаризм и тайная дипломатия имеют в Советской России своего самого яркого представителя.

Этот внешний мировой факт имеет свою внутреннюю русскую подкладку и основу. Здесь опять мы наталкиваемся на противоположность двух полюсов в большевизме. Он начал борьбу с старым русским государством за освобождение общества от государства, которое он в конечном счете отрицал. Он кончил созданием всепоглощающего тоталитарного государства, уничтожившего как общество, так и личность, которые в своем собственном естестве в России не существуют, но лишь несут государственные функции.

Это новое образование можно обвинять в чем угодно, но только не в « анархизме » и не в господстве «индивидуализма». Но это не значит, что оно построено органически. Оно построено чисто механически вследствие именно отсутствия органических предпосылок. Это не значит, что анархизма, индивидуализма и

эгоизма в психологии общества и его членов нет. Напротив, они есть в высшей степени. Благодаря им-то все и построено.

Но против них пущена в ход также высшая ступень механического принуждения и подавления. Вся советская организация государственная представляет непрерывную борьбу с сопротивляющимся материалом. Сопротивление большевистскому принуждению имеет два источника: во-первых, неприятие их системы старой человеческой — обывательской, « буржуазной », гуманной, культурной, религиозной — психологией, т.е. то обстоятельство, что здесь « старый мир » сопротивляется « новому », и, во-вторых, всегдашнюю русскую анархичность и безалаберность, неспособность к самопроизвольной организованности, к устроению порядка, чем так сильна напр. германская общественность, которая при всех внешних условиях и режимах будет стремиться к созданию « космоса » вокруг себя. Эта русская безалаберность и беспорядочность, т.е. один из видов анархичности, несомненно лежали в основе множества случаев так называемого « саботажа ». Отсюда непрерывный и непрекращающийся террор, бдительность, сыск, чистки, проверки и контроль литературы, быта, поведения и т.д. Опасности на каждом шагу для большевистского правительства и системы. Но как бы то ни было, новое государственное « образование » есть отрицание всего, с чего большевики начинали, что они пропагандировали и обещали. Общество построено на классовом принципе, на системе неравенства и принуждения. Отрицается право личности, свободного суждения, общественное, независимое от государства мнение.

Большевистское « строительство социализма » превращает Россию в иерархически построенное общество абсолютистско-полицейского типа с классовым разделением , иерархической бюрократией, строгой дисци-

плиной, отсутствием свободы, личных прав. Как бы вычеркнут 19 век. Возврат к 18 и даже 17 веку.

Это по сущности. Но по видимости, в угоду эпохе и недавним привычкам, создается и всячески поддерживается декорация демократии и свобод. Она нужна как для внутреннего, так и для внешнего употребления.

Чтобы создать такую двойственность и противоречие нужно одурманить, запутать людей.

Отсюда пропаганда усиленная на каждом шагу (чтобы не дать людям опомниться и одуматься), отсюда пресечение контакта с людьми, увидевшими Запад, их обезврежение по мере возможности, отсюда « железный занавес ».

Поэтому думать, что все это может перемениться — ошибка. Это ведь самая сущность большевизма.

Возникает вопрос — сила это или слабость, жизненно это или мертво ? Конечно, с точки зрения всего нам привычного это мертво. Но ведь, может быть, само это привычное обречено на смерть, как непригодное в современной борьбе мировой.

В пользу большевистской системы говорят два момента:

1° В конечном счете она восстановила традиционное международное положение России, конечно, с изменениями соответственно новой мировой обстановке. Она удовлетворила потребности самосохранения русского государства и не только отстояла его от порабощения немцами, но и разрешила в пользу России все прошлые империалистические антагонизмы с Австрией на Балканах, с Англией на Ближнем и Дальнем Востоке и наконец начала подготовку к разрешению в пользу России возникшего тем временем нового антагонизма с Америкой, который рано или поздно должен был наступить в процессе развития обеих стран. Таким образом в результате революции Россия в качестве

внешнего фактора выдвинулась наряду с Америкой на первое место в мире.

2° В сущности большевики достигли того, что оказывается неосуществимым для западных государств: какою бы то ни было ценою, но они укротили расходившуюся стихию индивидуализма и эгоизма группового и индивидуального, возникшую в Европе в результате « либерального » и « гуманного » развития 19 в. Для них не существуют проблемы и затруднения, связывающие сейчас Францию, Англию и даже Америку.

Россия в настоящий момент, несмотря на свои внутренние трудности, перед лицом партнеров обладает несомненными преимуществами.

Конечно, мировое положение России создано также привходящими, посторонними обстоятельствами, но оно было бы немыслимо без этой внутренней основы.

Констатируя этот мировой факт, я не делаю никакого открытия. Я хочу лишь подчеркнуть его и показать, что факт этот не случаен и в мировом, и в русском аспекте, что он представляет естественный и неизбежный результат как мирового, так и чисто русского развития не только социально-политического, но и культурно-нравственного.

Повидимому, большевизм и в мировом и в русском плане есть что называется « по Сеньке и шапка ». Факт этот я считаю тем более важным, что многие противники большевизма считают его если и не совсем случайным недоразумением истории, то во всяком случае явлением преходящим, временным пароксизмом, по миновании которого организм человечества вернется к прежнему нормальному состоянию, лишь обновившись в своих отдельных частях.

В моем понимании, напротив, большевизм есть не болезнь, а норма, в том смысле, что он является орудием строительства нового мира, в котором займут

надлежащие места новые элементы жизни, выработавшиеся уже в старом мире, но еще подавляемые в нем старой, отживающей средой, обреченной, однако, на гибель.

Посмотрим, каким образом оказался возможным тот внутренний русский факт, который стал необходимой основой нынешнего мирового положения и мировой роли большевизма.

Факт этот выражается:

В наличии всепоглощающего тоталитарного государства с полицейскими методами управления.

В полном упразднении « общества » как некоей формы общежития, независимой и противоположной государству, как она и поныне существует в Европе и Америке и как она, в более слабом выражении, существовала в дореволюционной России.

В полном порабощении личности (со всеми ее потребностями и проявлениями, материальными и духовными) государству и в превращении ее в слепое орудие последнего.[1]

В подчинении внутренних отношений внешним международным целям правительства и, в связи с этим, военно-империалистический дух государства.

Факт этот есть конечно результат внутренней « революционной » деятельности большевиков за время их диктатуры. Но в отношении к прошлому России, независимо от степени его выразительности, он не является ни чуждым ни новым. Деятельность большевиков лежит целиком в русле русской истории. Она, правда, рвет с непосредственным прошлым русской общественности, предшествующим революции, но она в то же время возвращает это новое развитие к старым традициям, которые тем легче были воскрешены боль-

---

1 Рабочий, колхозник, студент, артист, ученый, художник, писатель (инженеры душ) работают и творят для целей государства и по его заданиям.

шевиками, что они слишком успели вкорениться в русскую психологию и быт и в латентном состоянии дожили до самой большевистской революции под новыми, заимствованными с Запада формами русской общественности непосредственного предреволюционного периода.

Более того: если проследить процесс общественно-государственного развития России от ее исторических начал и до сегодняшнего дня, то характерное для большевизма соотношение между началами государственным, с одной стороны, и лично-общественным, с другой, покажется лишь новейшим вариантом той формы этого соотношения, которая в прошлом России являлась господствующей. Напротив, соотношение между этими двумя началами, как будто бы устанавливавшееся в несколько последних десятилетий перед большевистской революцией, представится временным отступлением от государственной русской нормы, вызванным специфическими причинами.

Анализ русского государственного и общественного прошлого показывает, что определенное, свойственное русскому народу соотношение между государством, обществом и личностью с такой силой и так глубоко вкоренилось в русскую действительность, так воспитало русскую общественную и личную психологию, что восстановить это соотношение для большевиков оказалось возможно, коль скоро внутренние условия и внешние задачи потребовали такого восстановления. [2]

Рассматриваемый с этой точки зрения исторический процесс России представляет поразительное постоянство: в противоположность всем западно-евро-

---

[2] Иначе говоря, в ходе революции, под действием многообразных перекрещивающихся факторов, большевизм под маской социалистической демократии с бесклассовым обществом, свободами и прочее, восстановил старую форму общества, построенную всецело на подчинении классовой дифференциации, неравенстве прав и обязанностей.

пейским странам личное и общественное начало не может ни развиться, ни укрепиться наряду и тем более в противоположность государственному началу. Для России во все ее эпохи вплоть до 60-х годов 19 в. типичным является такой внутренний уклад, при котором личность и общество в его различных формах находятся в подчинении и на службе государству. Степень давления государства на общество и личность в различные моменты варьируются в зависимости от внешних обстоятельств, в особенности от нужд самозащиты или активной агрессивной политики.[3]

Закрепощение общества и личности государству идет crescendo до 18 в., когда начинается раскрепощение верхов общества с оставлением крестьянской массы в подчинении до 1861 г. и отчасти даже до 1905 г. Процесс раскрепощения нерешительный и неполный, в особенности же важно, что длительная аномалия успела укрепить в психологии общества и народа анархизм и создать целый класс — « интеллигенцию », как носителя критического и разрушительного начала.

Россия, таким образом, никогда не могла достигнуть « политической зрелости » в западно-европейском

---

3 Нам важно констатировать этот факт, не углубляясь в исследование причин. Но все же можно указать главные причины: 1) характер территории, 2) соотношение между территорией и населением, 3) повидимому, национальная психика (причем последняя все же является в значительной степени продуктом воспитания в результате долговременной практики).

Этапы данного развития: 1) Киевская Русь с ее хаосом взаимоотношений, 2) Московская Русь и возникновение абсолютного тяглого государства, 3) апогей абсолютизма при Петре и в 18 в., 4) раскрепощение общества в 19 в. и введение (государственною же властью) противоположных западно-европейских начал, личного и общественного, 5) анархическое начало в народе и обществе как противовес государственному при отсутствии начал дисциплинированной личности и организованного общества: народный бунт и интеллигентский протест и критика, 6) периодические усиления и обострения государственного начала перед лицом внутренней анархической стихии и внешней опасности.

смысле слова, т.е. взаимопонимания между правительством с одной стороны и обществом и народом с другой. Правительство всегда сохраняло диктаторские замашки, общество и народ всегда были склонны к эксцессам и к анархизму. Оба в своем антагонизме были и правы и неправы одновременно, но платилось за это целое, т.е. Россия.

Если взглянуть на мировую ситуацию начиная с конца 19 в. (эпоха империализма и мировой борьбы за власть), тогда доведенный до высшей степени государственный абсолютизм в Советской России окажется в соответствии с прошлым и объясняется как закономерная реакция России на внешнюю опасность и внутренний разброд общества, едва не погубивший страну в первой мировой войне.

Если в виду массы отрицательных черт большевизма его внешне-политическая целесообразность до 1941 г. могла подвергаться сомнению, то результаты войны с Германией вполне оправдали его как определенную военно-государственную систему, направленную на борьбу за существование и за захват мировой гегемонии.

Мировое явление большевизм представляет в двух смыслах. Он, очевидно, отвечает каким-то запросам и исканиям части людей Запада: рабочего класса и всех жаждущих новых идеалов и новой веры. Что еще важнее, он, в качестве идеологии, представляет этап в развитии именно европейской, а не русской мысли. Русской мысли во второй половине 19 века был свойствен идеализм. Притом этот идеализм динамичен: в дворянстве и интеллигенции он представляет pendant религиозной экзальтированности народной массы.

Большевистский материализм представляет так сказать последнее слово в развитии гуманистического, по

существу анти-религиозного миросозерцания, возникшего в эпоху Возрождения в противоположность и на смену религиозному миросозерцанию Средневековья. По существу Западное миропонимание и мироощущение движутся в том же русле, как и большевистское. Разница лишь в том, что первое еще не хочет рвать с прошлым и еще в значительной степени живет пережитками христианства. Отсюда внешний почет церкви, уважение к свободе, культурным ценностям, права личности и т.д. Но все это на Западе вяло, безжизненно, отвлеченно. Это скорее объект для литературы и публицистики, словопрений и наблюдений, нежели конкретное переживание. Напротив, в большевизме материализм динамичен и целостен. Он религия и в убеждении его адептов он творческое начало для всех культурных и нравственных ценностей. В большевизме западный материализм облечен в русскую религиозную динамичность и в силу замечательного противоречия оказался преображенным в свою противоположность, т.е. идеализм.

Из всего вышесказанного явствует значение и сила большевизма. Вот почему он держится так долго и вкоренился так глубоко. Вот почему из среды его противников не возникает никакой положительной программы. Вот почему его приемлет и Россия и внешний мир.

Париж. 1948 г.

ЗАПАДНЫЕ ДЕМОКРАТИИ И БОЛЬШЕВИЗМ

Из сказанного мною выше о большевизме, даже из одного указания его роли в нынешней мировой ситуации, ясно, по крайней мере, одно: никто из ныне живущих на земле людей не может отмахнуться от этого мирового фактора, прямо или косвенно определяющего также и его личную судьбу, и каждому необходимо занять в отношении его ту или иную позицию. Конечно, способен на это не всякий, ежедневно читающий газету. Но я говорю здесь о людях, маломальски разбирающихся в вопросах политики. Много верного, тонкого и даже проникновенного написано о большевизме и о Советской России, но во всех этих писаниях все же, по моему мнению, недостаточно выдвигается вперед то, что указано мною выше: мировой и растущий успех большевизма в его целом, как универсального жизненного комплекса, несмотря на все его противоречие здравому смыслу, человеческой нравственности, логике жизни, историческому опыту всего человечества. Почему не может укрепиться в умах представление о такой исключительности, беспримерности большевизма, как всемирно-исторического явления ? Причина этому лежит в той основной лжи, которой проникнута вся мировая политическая атмосфера, и которая не зависит от воли отдельных людей, но обусловлена тем, что в современном противостоящем Советской России мире так называемой « демократии »

и свободы политические деятели, как еще никогда в прошлом, являются, каждый в отдельности, игрушкой событий. И под давлением этих событий, так называемой мировой конъюнктуры, они своими действованиями и высказываниями распространяют в общественном мнении такой взгляд на большевизм, Советскую Россию и ее правителей, который противоречит жизненной правде и их собственному внутреннему убеждению.

Недавние иллюзии на их счет, искренние и напускные, ныне исчезли. Большевизм без стеснения показывает миру свое лицо, и западные союзники стоят к нему в полном и непримиримом антагонизме. Разительный контраст, если вспомнить, как еще недавно всему советскому пелись дифирамбы, как афишировали свою с ним солидарность, как ему верили и заставляли верить массы своих граждан! Такая перемена должна бы заставить эти массы задуматься о многом, если бы рядовому человеку, хотя бы в демократии, были свойственны способность и привычка мыслить самостоятельно. Но нет, такая перемена в отношении к Советскому Союзу во мнении этих демократических масс не находит себе ни надлежащей оценки, ни надлежащего отклика. Также и то положение, в какое ходом вещей западные союзники поставили себя перед своим восточным партнером, осознается не во всей своей реальности. Действительно, перед лицом советской дипломатии и даже советских генералов полномочные представители европейско-американских демократий представляют собою поистине жалкую фигуру. Факт этот приходится констатировать, как ни горько звучит такое признание для престижа демократии. И положение это жалко не столько даже потому, что ее представителям повсюду приходится уступать и ретироваться, а потому, что они

всеми своими предшествующими действиями сами создали нынешнюю ситуацию, наведя этим на мысль о том; уж не является ли демократия вообще несостоятельной, как фактор в борьбе мировых сил ?

В нынешнем антагонизме двух противников один, большевизм, имеет определенное лицо, для некоторых прекрасное, для других отвратительное, однако, важно, что лицо это всегда остается самим собою в самой своей изменчивости, которая является ничем иным, как сменой масок. Ибо большевизм признает лишь один принцип — собственную выгоду, ставит себе одну лишь цель — мировую революцию, употребляет один прием — всемерное использование без разбора решительно всех средств. Для него не существует понятия дозволенного и недозволенного, он отрицает Бога, религию, мораль, право, и он утверждает, что только он и избранный им путь приведут все человечество и каждого человека к полному материальному благополучию, дающему единственный ключ для разрешения всех жизненных проблем.

Поскольку основные предпосылки большевизма просты и ясны, поскольку он в сущности их никогда не отрицал, а отступления от них всегда называл тактическим приемом, все его внешнее поведение, как бы ни было оно изменчиво и как бы ни казалось противоречивым в различные моменты, всегда остается верным самому себе и имеющим все то же значение и оправдание. Как ни парадоксально прозвучит для многих такое утверждение, но про большевизм можно сказать, что он остается правдив в самой своей лжи, ибо он с самого начала предупредил своих контрагентов, что ложь и притворство есть его главное орудие. Какое же может быть обвинение во лжи, если противник заранее предупрежден, что против него пускается в ход ложь ? В отношении большевизма не может быть

также речи о совести, ибо, во-первых, совесть в общепринятом смысле для него не существует, а во-вторых, его собственная своеобразная совесть оправдывает все, что содействует достижению его конечной цели. Таким образом позиция большевизма совершенно ясна. Напротив, поведение его противников — западных демократий — представляет полную неустойчивость, сплошное виляние и непрерывные компромиссы. Иначе не может и быть, так как в самой основе их мирового положения лежит ложь. Провозгласив великие принципы демократии в борьбе с тоталитарными державами оси, они увидели себя вынужденными вступить в союз с державой, представлявшей принцип тоталитаризма в гораздо более сильной степени и осуществлявшей его с беспощадной жестокостью. Этому большевистскому тоталитаризму они сделали все уступки, которые тот требовал, поступившись для него своими принципами и свободой восточно-европейских стран, для защиты которой они и начали войну с Германией. Чтобы оправдать себя в глазах мирового общественного мнения и в своих собственных глазах, они создали миф об истинном демократизме Советского Союза и в течение ряда лет создавали ему рекламу во всем мире. Теперь им приходится пасовать перед противником, принцип которого они укрепили собственными руками. А какие принципы, какие конечные цели, какие идеалы могут они противопоставить принципам, целям и идеалам большевизма? Никакой идеи нового социального и экономического порядка они миру не предлагают. Вместо своей собственной положительной программы и какого-либо нового идеала на все лады повторяются давно знакомые фразы и потертые слова: свобода, справедливость, гуманность, общее благо, милосердие, уважение сильного к слабому, культура, человеческое достоинство, мораль, Бог, религия, церковь. Все это

взято из арсенала тысячелетнего прошлого. Все это представляет общие понятия, в которые каждый может вложить свое содержание. Ибо большевизм утверждает, что именно он осуществляет истинную свободу, да и вообще представляет единственную истинную демократию. Но даже отбрасывая эту претензию, приходится все же признать, что западная демократия изменяет своим принципам на каждом шагу. Я только что сказал о двойственном отношении к тоталитаризму в лице гитлеровской Германии и Советского Союза в зависимости от нужд момента и шкурного вопроса. Религия и церковь в западных демократиях терпятся и даже поощряются лишь потому, что они не выполняют своего долга и попросту забыли о заповедях Христа. Если бы католицизм и протестанство, следуя этим заповедям, выступили с обличением «князей мира сего », их бы живо заставили замолчать. Господствующие на Западе церкви находятся в тесном союзе с власть имущими, с теми, кому выгоден существующий социально-экономический строй. Народные массы это видят и в огромном большинстве своем они отворачиваются от религии.

Наше время мечется в поисках правды. Почему ? Очевидно, люди каким-то инстинктом чувствуют, что в основу жизни легла ложь, и что нет выхода из заколдованного круга. Люди чувствуют также, что что-то драгоценное разбито, что-то важное безвозвратно утрачено, более того, рушится мир и зловещие голоса предвещают его падение. Для всех ясно, что крушение началось с первой мировой войны, которая явилась гранью, разделяющей две исторические эпохи: в начале 20-го века в культурном человечестве господствовала надежда на близкий конец всяким войнам, ибо главному носителю милитаризма готовилось поражение; была уверенность в торжестве социализма

и всяческих прогрессивных начал, в грядущем преодолении последних материальных бедствий человечества, еще не побежденных в 19 веке, открывались бесконечные горизонты научных и технических достижений и вслед за ними успехов общежития в осуществлении начал гуманности, справедливости и свободы. Одно время казалось, что сама эта страшная мировая война будет в конечном счете способствовать этим целям, поскольку весь мир объединился в ней против германского милитаризма и вместе с сокрушением его эта война окажется последней.

Напрасная иллюзия. Четырехлетняя бойня с небывалым ожесточением, беззакониями и зверствами отравила нравственную природу современного человека, отравила международную атмосферу. Война явилась школой, из которой вскоре вышли большевизм и фашизм с их принципами, психологией, моралью и их человеческими кадрами. Война явилась неожиданным и дерзким вызовом всем казавшимся незыблемыми идеалам современной гуманистической цивилизации, их полным посрамлением. В особенности молодежь она воспитала в представлении, что ради успеха все позволено, что договоры и обязательства не более как клочок бумаги, что заповеди и моральные запреты — отживший предрассудок. Пример всем показала Германия, но и остальные, каждый в своем роде, не поколебались фактически последовать ему, хотя формально его и осуждали. Однако, параллельно с победой зверского начала нарастал против него также и протест. Он оказался особенно силен и привел к взрыву там, где страдания оказались сильнее всего, где благодаря технической, культурной и гражданской отсталости страны, напряжение войны оказалось слишком неравномерно переложено на народные массы. Страной, из которой раздался голос против войны,

была Россия. Какие формы ни приняла впоследствии русская революция, все же является знаменательным и надлежит быть отмеченным, что не создатели гуманистической цивилизации 19 века, не Англия, не Франция, не Германия, заявили свой стихийный протест против посрамления ее идеалов, против начавшегося озверения, а убогая и отсталая царская Россия. Этот протест однако не был вменен ей в заслугу, ни тогда, ни позднее, когда победители стали делить между собою добычу. Аналогичные русским вспышки отчаяния и протеста против бойни были подавлены благодаря исправно действовавшему военному и государственному аппарату. Поделив добычу, победители успокоились в достигнутом и создали новый европейский порядок, целиком построенный на игре и соперничестве грубейших эгоизмов и в то же время освященный такими идеологическими санкциями, как демократия, международная солидарность и международный арбитраж вместо войны. Результаты, по крайней мере отчасти, казались осуществлением прогрессивных начал 19 века. Факт этот с удовлетворением провозглашался политиками и дипломатами на международных конференциях и в Лиге Наций. Ослепление или сознательное лицемерие, безразлично, однако по существу радоваться было нечему. Победившая Западная Европа могла устраиваться, как хотела с ее Лигой Наций и германскими репарациями, Франция могла залечить свои раны и устремиться к новому процветанию, равно как и новые государства, выкроенные из Западных территорий России и из развалившейся Австрии. Вопреки всему этому прогрессу в мире водворилось два зловещих явления, от которых победители всячески старались отмахнуться, как от злого кошмара, но которые в конце концов стали орудиями гибели Европы. То были совершенное над Германией насилие и ее унижение, а также воцарившийся в России боль-

шевизм. В годы послевоенного торжества Западной Европы оба факта должны были послужить к вящей выгоде победителей. Однако торжество оказалось недолгим и вторая еще худшая мировая война разразилась через 20 лет.

Что Версальский мирный договор был несправедлив, бессмыслен и неисполним — это в свое время блестяще доказал молодой английский экономист Джон Майнард Кейнес, ставший с тех пор знаменитым. Его книга о Версальском договоре теперь забыта, но его предсказания сбылись в точности. Мировая война, породившая в России протест против « старого мира » в форме большевизма, вызвала своим исходом в Германии совсем другую реакцию. Немцы возмутились не против « старого мира », а против нового мирового распорядка, который изгнал их с пира жизни, превратил их в рабов победителей. В еще небывалом подъеме германского национализма и расовой гордыни безоружная Германия под носом у вооруженных, но разъединенных победителей одну за другой сняла с себя цепи Версаля и заявила победителям о своем праве на существование. В своей кратковременной исторической карьере национал-социализм осудил себя сам своими злодеяниями и преступлениями. Но за ним числится одна несомненная историческая заслуга. Он доказал, что « идеальные » ценности, созданные европейской цивилизацией нового времени, представляют все же не пустой звук, а некоторую реальность, и что порядок, противоречащий этим ценностям, но устанавливаемый в великой европейской стране людьми, выросшими в атмосфере этой цивилизации и имеющими ее лозунги постоянно на устах, не только не может держаться, но так или иначе должен отомстить за себя, обрушившись на голову победителей. Такое именно возмездие произошло в процессе восхождения

национал-социализма в Германии и в вызванной им второй мировой войне. Здесь конечные последствия Версальского мирного договора обрушились на головы главных его виновников — Франции и Англии. Однако мировая ситуация, созданная исторической Немезидой, этим не ограничилась. Нацистская Германия, давшая урок своим угнетателям, этим уроком не воспользовалась сама. Она не только повторила, она усугубила безумную политику своих врагов. Мне нет надобности распространяться слишком об относящихся сюда фактах. Они общеизвестны. Коротко говоря, Гитлер, на деле доказавший все безумие попытки наложить цепи рабства на великий народ, сам в удесятеренной степени повторил это безумие своей попыткой не только поработить Европу, но и истребить некоторые ее народы. И снова сказала свое слово Немезида истории: преступление обрушилось на голову самих ее виновников — Германия как государство более не существует. Если смотреть на все происшедшее с точки зрения западно-европейской цивилизации и западно-европейских интересов, то конечный результат второй мировой войны одинаково посрамил всех ее участников, как побежденных, так и победителей, за исключением одного, а именно Советского Союза. Среди развалин Европы поднялся на ее востоке этот новый фактор мировой политики и нового жизнетворчества и он стоит над миром, как грозный великан, все еще загадочный, пугая одних, привлекая других и, как это становится все очевиднее, держа в своих руках судьбы всего мира.

Создавшаяся мировая ситуация глубоко смущает подлинно искренние и ищущие правды души и, конечно, более всего молодежь. Они видят, они нутром чувствуют всю накопившуюся в мире и еще усугубленную исходом последней войны ложь. Старые духовные кумиры, старые идеалы потеряли над ними власть:

лозунги демократии превратились для них в громкие, но опровергаемые действительностью слова. Христианство и церковь остаются прибежищем лишь для немногих. Многие, живущие духом, оказались в духовной пустыне. Мудрено ли, что их притягивает к себе восточный гигант, хотя бы уже одним тем, что он незнакомец, что он представляет загадку ? Несмотря на очевидные, доказанные проявления его во внешней захваченной им в Европе сфере, люди хотят верить в него и продолжают верить. Как раз пороки собственной европейско-американской действительности подрывают в глазах таких искателей правды авторитет европейских обличителей большевизма.

В своих программах и обещаниях, т.е. в своем идеальном преображении, большевизм претендует на роль воплотителя в жизнь европейских идеалов материального и духовного прогресса и на роль вождя в дальнейшем мировом развитии культуры. Многим ищущим и мятежным душам на Западе, видящим большевизм в его идеальном преображении, он и представляется таковым. В действительности же большевизм являет собою подлинную картину материализма в действии, в осуществлении и в случае победы в предстоящей мировой борьбе он грозит гибелью человеческой культуры.

Париж. 1948 г.

РОССИЯ И ЕВРОПА

Основную особенность соотношения России и Европы мы можем определить сразу, с первого взгляда на историю той и другой. Русский народ есть народ арийского племени и народ христианский; следовательно он принадлежит к европейской семье. Однако два момента отделили его от Европы и отчасти поставили в противоположность к ней: географическое положение и разновидность христианского вероисповедания, а именно принятие Русью восточного православия. Этот последний момент привел к тому, что русские в их истории одновременно и принадлежали к Европе в общей противоположности их Исламу и Востоку, и сами представляли противоположность Европе, как последователи византийского православия перед лицом римского католицизма.

В начале своей истории Россия принадлежала Европе, правда, как ее далекая восточная окраина. В то время православие еще не успело сделаться таким фактором разъединения, как это было впоследствии. Своих князей Киевская Русь получила из Скандинавии; торговля тесно связывала ее с Западной Европой; уже начиная с первого поколения Ярославичей и позже браки князей и княжен показывают близость Руси даже к таким отдаленным странам, как Франция и Англия. В дальнейшем культурные влияния несомненно сделали бы свое дело в смысле европеизации России. Однако ее развитие пошло другим путем. В

силу общеизвестных причин население отлило на северо-восток, и туда же переместился политический центр страны. Здесь, вокруг Москвы, было создано единое централизованное русское государство, до которого не сумела дорасти раздробленная Киевская Русь. Это было великое приобретение для русского народа, ибо государство обеспечило его дальнейшее политическое и национальное существование, а следовательно и возможность культурного развития. Но то и другое пошло неравномерно. Московская Русь как политическое и национальное целое непрерывно складывалась и определялась в своем собственном сознании в борьбе с татарами и Азией. В культурном своем развитии она более чем стояла на месте, сравнительно с Киевской Русью она была отброшена назад. Здесь играл роль не только разрыв с Западной Европой, происшедший вследствие почти полной утраты непосредственных сношений, прекращения династических связей и роста могущества Литвы и Польши, ставших стеной между Европой и Россией и неспособных быть источником культурного влияния; здесь было важно также новое дикое окружение русских, попавших в соседство татар и финских инородцев. Во внутреннем своем быту Московская Русь остановилась на ступени варварства; печально и для будущего развития опасно было то, что нравы народа от соприкосновения с азиатами и инородцами подверглись глубокой порче и огрубению, которые усиливались также свойствами государственного порядка, каковой в свою очередь во многом определился чисто внешними, независимыми от народного характера условиями.

Для нашей задачи нет надобности решать вопрос о том, что представляла собою в Московском периоде своей истории оторвавшаяся от Европы Россия, принадлежала ли она все же, вопреки этому отрыву, Европе или превратилась в Азию. Мы считаем пра-

вильным видеть в ней нечто промежуточное, точнее говоря, нечто, имеющее европейскую основу с примесью известных азиатских элементов, однако для обоснования нашего взгляда потребовался бы целый подробный экскурс, которому здесь не место. Впрочем, определение сущности до-петровской России для нашей цели значения не имеет. Гораздо важнее то, что независимо от этой сущности, самый ход истории как Европы, так и России делал их сближение, их сотрудничество, их взаимодействие неизбежным. Наступил момент, когда обе стороны стали друг для друга необходимы.

В глазах Европы Московское государство получило значение с тех пор, когда после падения Византии для ближайших стран — Венгрии, Австрии, Италии — возникла турецкая угроза. Немногим позже Иваном III было свергнуто татарское иго, и восточное христианское государство — Москва, наследница Византии — стала представляться Западу естественной союзницей в борьбе с турками и исламом. Со времени Флорентийского собора через три века тянутся, все учащаясь, попытки европейской дипломатии включить Москву в общий фронт против Турции. Для папства здесь дело шло еще и о том, чтобы посредством Унии соединить под своей властью московское православие с католицизмом. Однако, влечение Запада к Москве происходило также в другой плоскости — экономической; оно началось, когда избыточные силы Европы начали отливать во все стороны через ее средневековые границы, всюду ища себе приложения, гонясь за счастьем и добычей. Тогда-то все новые и более многочисленные толпы иностранцев стали искать службы в Москве, а западные купцы открыли в ней новый рынок сбыта собственных товаров, а также вывоза местного сырья и произведений далекого Востока.

Но еще более важные и насущные интересы

влекли к Европе самоё Москву. В 15, 16 и 17 веках, победоносно продвигаясь на Восток против татар и инородцев, Москва оставалась бессильна осуществить на Западе свои притязания на наследие Рюрика и объединить под скипетром царя все русское православное племя. Уже при Иване Грозном в борьбе с Литвой, Ливонией и Швецией была вполне осознана необходимость воспользоваться средствами европейской техники. Тогда же были сделаны попытки получить с Запада нужных людей, которые, однако, не увенчались успехом. Борьба Ивана Грозного окончилась печально. Вскоре затем во время Смуты и занятия Москвы поляками России грозила потеря национальной независимости. Опасность была вполне осознана династией Романовых, но Россия, ослабленная пережитым потрясением, с трудом держалась против своих западных соседей. К концу 17 века вопрос созрел: чтобы существовать дальше, Россия должна была открыть себе новые пути для экономического развития и овладеть западным образованием и техникой. Эти новые задачи выполнил Петр Великий.

Существует взгляд, что Петр, к несчастью для России, ограничился внешними заимствованиями с Запада и не перенес оттуда просветительных передовых идей. Взгляд этот обнаруживает полное непонимание причин, окружающей обстановки и сущности петровских преобразований. Необходимость их была подсказана Московскому правительству непосредственными практическими нуждами государства задолго до Петра, и преобразователь, не колеблясь, пошел прямо к цели, повинуясь в этом также и своей направленной на все чисто практическое натуре. Уже в самом начале реформ Петр публично поставил их

целью достижение внутреннего спокойствия и внешней безопасности государства посредством хорошо устроенного войска, а также обогащение страны путем торговли. Только самое необходимое, практически оправдываемое этими целями и было совершено Петром в его преобразовательной деятельности, в которой он отнюдь не ставил себе широкой задачи наверстать упущенное Россией время и во всех отношениях приблизить ее быт, материальный и духовный, к быту Западной Европы. Петр ограничился лишь тем, что « прорубил в Европу окно », тогда как образовавшаяся исторически между ней и Россией стена продолжала стоять.

Отныне культурные влияния из Европы будут действовать через это окно нерегулярно, с перерывами, в зависимости от прихоти случая, от личных склонностей того или другого монарха, от меняющихся комбинаций внутренней и внешней политики, дипломатической игры, словом от самых разнообразных и переменчивых условий.

Здесь важно обратить внимание на одно весьма существенное обстоятельство.

Культурные влияния Европы уже со времени Петра протекали параллельно с весьма важным процессом во внутренней жизни народа, процессом, который, в своем источнике будучи обусловлен одинаковыми причинами, тем не менее не имел ничего общего с этими культурными влияниями и представлял нечто прямо им противоположное.

Самым важным здесь является то, что одновременно с европеизацией высших классов русского общества, аристократии и дворянства, принявшей вскоре форму офранцужения, одновременно с их постепенным раскрепощением от государственного тягла, крестьянство, т.е. основная масса русского народа, в периоде от Петра Великого до Екатерины II постепенно все

более закабалялось власти помещиков и тем самым решительно отбрасывалось к полюсу жизни, диаметрально противоположному Европе. Крепостное право, достигшее своего высшего развития при Екатерине Великой, наглухо отделило главную массу русского народа от всего, что мы привыкли связывать с именем « Европы », т.е. от образованности, господства права, прогресса, свободной мысли, гуманности. В силу такого совпадения, несмотря на последующий рост просвещения в России, создалось и все усиливалось глубокое отчуждение народной массы от дворянства и от позднейшей духовной его наследницы — интеллигенции. Это отчуждение стало для нашей родины роковым; как мы увидим дальше, именно в нем оказались скрыты зародыши окончательной катастрофы России в Октябрьской революции и господстве большевизма.

К несчастью, в этом отношении судьбу крестьянства на долгое время отчасти разделили и другие два сословия, ставшие на Западе сильнейшими факторами прогресса: городское торговое сословие и духовенство. Первое при Петре, да и долго еще после него, мало чем отличалось от крестьянства, представляя собою закрепощенных государственному тяглу « городских мужиков ». Второе в прошлом и в момент преобразований являлось призванным руководителем духовной жизни народа. Однако уже раньше, при ясно обозначившейся в до-петровской Руси тенденции к европейскому просвещению духовенство в целом заняло в отношении к последнему враждебную позицию. Отсюда проистекли важные и для страны весьма неблагоприятные последствия. Старые наставники, духовные лица, в массе естественно были устранены от дела преобразования. Подчинение церкви государству при Петре вполне соответствовало устранению церковного авторитета от вступившей теперь на новый путь умственной жизни общества. Отныне православие и цер-

ковь остались, как еще уцелевший уголок старой, дореформенной Руси, единственном местом, где на общей почве сходились крепостной мужик и его барин, который в глазах первого, только здесь оставался до некоторой степени русским, в других же отношениях представлял собою непонятного и, в общем, смешного иностранца. Позиция духовенства в отношении реформ и последующего дела просвещения России роковым образом ослабила не только его умственный и нравственный авторитет, но и удельный вес в общей жизни страны. При происшедшем в обществе разделении по признаку образования духовенство было отброшено на одну сторону с невежественной и закабаленной массой. Унижение представителей известного начала унизило и само это начало — православие. Это последнее осталось в стороне от начавшегося затем умственного движения, почти застыло на ступени развития, на которой его застали реформы Петра. Более чем где-либо в Европе, жизнь и умственное созревание общества пошли мимо церкви, вне ее влияния. При этом в высшей степени печальным оказалось то, что все новые явления церковной жизни, в ее особом кругу идей и понятий выдающиеся и замечательные, каковы старчество, нравственный пример и творения целого ряда церковных деятелей, также и в 19 веке прошли бесследно для развития дворянства и интеллигенции и почти не оказали влияния также и на народ в его массе. Лишь в конце 19 века и начале 20 века русское православие, постепенно открывшееся воздействию общей образованности и поднятое рядом выдающихся религиозных мыслителей, начало заявлять о себе с большим весом, приобретать влияние в обществе и привлекать к себе внимание религиозных кругов Запада. Однако это начавшееся плодотворное развитие было насильственно прервано разразившейся в 1917 году катастрофой.

*
**

Взглянем теперь на те главнейшие новые явления, которые внесла в жизнь страны петровская реформа.

Среди них одним из самых заметных не только в начале, но и позже, вплоть до середины 19 века, было сильнейшее проникновение в администрацию, армию и вообще на руководящие посты чужестранного элемента, преимущественно немцев, а среди последних главным образом балтийских уроженцев. В особенности при Анне, в эпоху всесильного Бирона, господство немцев казалось безраздельным; но и много позже, при Николае I, оно оставалось явлением весьма заметным. Всякий раз оно вызывало реакцию со стороны русских людей. При восшествии на престол Елизаветы народ ждал, что коронация будет сопровождаться избиением всех немцев; сто лет спустя генерал Ермолов иронически просил Николая I « произвести его в немцы ». Здесь не место решать спор о благотворности или вреде этого непосредственного вмешательства иностранцев в администрацию и общие судьбы страны. Заметим только, что если деятельность многих образованных иностранцев при недостатке русских была неоценима, то, с другой стороны, остзейское чиновничество внесло в российскую бюрократию не столько те замечательные немецкие качества, которые впрочем были свойственны в особенности прусскому чиновничеству, сколько мертвящий формализм, который в соединении с национальной грубостью и нечестностью русских приказных превратил российскую бюрократию в целом в мучителей народа. Говоря о массовых появлениях немцев на верхах жизни, нам важно указать здесь лишь на то, что в эту жизнь волей-неволей на целых полтора столетия было внесено еще одно разделяющее, а потому болезненное отрицательное начало. Лишь со времени Александра II

это влияние немцев в администрации стало заметно ослабевать, чтобы совершенно исчезнуть при его сыне и внуке, поскольку огромное большинство военных и чиновников этого времени, носивших немецкие фамилии, были уже полностью руссифицированы и по характеру своей деятельности ничем не отличались от своих русских сослуживцев.

Более благотворным и уже вполне бесспорным является другое воздействие, оказанное германской культурой, воздействие бытовое и распространявшееся так сказать капиллярным процессом. Я имею в виду множество врачей, ученых, профессоров, учителей, гувернеров, ремесленников, купцов, агрономов, промышленников, техников, инженеров, музыкантов, которые в 18 веке приезжали в Россию совершенными чужаками, но затем с течением времени, особенно в 19 веке, полностью вжились в новую русскую среду, так что их нынешние потомки, все эти Шмиты, Мюллеры, Миллеры, Шульцы, Беккеры (чтобы назвать лишь самые распространенные имена), сплошь да рядом считают себя чистыми русскими, не знают ни слова по-немецки и даже намеренно искажают свои фамилии русской транскрипцией. Этот немецкий элемент, ныне растворившийся в русском, в качестве учителей и воспитателей внес огромную долю в созидание русской культуры, в особенности русской науки. Воспоминание об этих представителях немецкого знания и немецкой культуры сохранилось в русской жизни и русской литературе почти всегда в положительных, симпатичных, нередко идеальных образах. Достаточно указать на доктора Гааза — филантропа и покровителя московской бедноты середины 19 века, и на такие фигуры в нашей литературе, как Штольц у Гончарова, Лемм у Тургенева, Карл Иванович у Льва Толстого.

Более важную роль в России сыграло влияние

французского просвещения в XVIII в., позднее влияние французских революционных идей и в особенности, как основа этого идеологического развития, перестройка дворянского быта на французский и вообще на чужеземный лад — явление начавшееся при Петре, усилившееся при Елизавете и продолжавшееся в сущности вплоть до Октябрьской революции, причем явление это с дворянства распространилось на выросшие позже образованные классы — буржуазию и интеллигенцию. Европеизация быта русского дворянства сделала это последнее в глазах народной массы чем-то вроде слоя чужеземных господ. Вместе с возраставшим со времени Петра закрепощением крестьянства эта европеизация привела к тому, что классовая ненависть против помещиков превратилась в ненависть против верхнего образованного слоя вообще, и это чувство настолько глубоко укоренилось в душе народа, что оно пережило отмену крепостного права и, в качестве бессознательного инстинкта в народной массе, явилось мощным фактором октябрьской революции 1917 года. Быть может, именно эта унаследованная инстиктивная ненависть была главной причиной, вследствие которой революция в ее большевистской форме стала возможной только в России, а последующая проповедь классовой борьбы нашла такую благодарную почву в умах воспитанной революцией русской молодежи.

Здесь важно указать на один замечательный факт: в духовном развитии сначала русского дворянства, а затем интеллигенции да и народа вообще, совершавшемся под влиянием передовых европейских идей, усваивалось прежде всего, быстрее всего и с особенным рвением все крайнее, преувеличенное и в особенности отрицательное и разрушительное. Укажем вкратце относящиеся сюда главные явления: вольтерианство и атеизм в 18 веке (и как противоположный,

крайний полюс последнего — мистицизм и католицизирование известной части аристократии и дворянства), далее, с начала 19 века, безусловное преклонение перед французской революцией и идеей республики, позже перед учениями социализма, анархизма и марксизма.

Таким же преувеличением явилось в середине 19 века то, что как западники, так и славянофилы, воспитавшиеся на европейской культуре, вдруг провозгласили эту самую культуру выродившейся и стали предсказывать ее неминуемую скорую гибель. Наряду с этим, рисуя собственную русскую действительность такими мрачными красками, на какие не решился бы в отношении собственного отечества ни один западноевропейский отрицатель, представители обоих направлений в силу какого-то диалектического скачка предсказывали своей собственной, невежественной, отсталой, погрязшей в пороках стране чудодейственную роль обновительницы европейской культуры, спасительницы мира от одолевающих его зол.

Откуда эти преувеличения и противоречия? Поистине кажется, что наблюдение, сделанное когда-то над русскими людьми Крижаничем, что они « не умеют ни в чем меры держать, не могут средним путем ходить, но все по окраинам и пропастям блуждают », что это наблюдение полностью подтверждается на поколениях, живших и действовавших два века спустя.

Во всех обзорах русской литературы, русской общественной мысли и развития общественного движения 19-го века было принято объяснять и оправдывать эту критику русской жизни со стороны наших передовых умов, их преклонение пред революционными идеями Запада той ужасной действительностью, которую они видели вокруг себя. Такого рода оправдания были

высказаны уже самими отрицателями в лице их наиболее блестящего и талантливого представителя, Герцена. Здесь не место повторять его знаменитые сопоставления духовных запросов и стремлений дворянских и интеллигентских кружков 30-х и 40-х годов с ужасающей прозой и пошлостью жизни. Они общеизвестны или их можно найти в любой популярной истории русской литературы. Нам важно указать лишь на то, что созданная тогдашними отрицателями российской действительности формула, сопоставляющая западно-европейские передовые и революционные идеалы с ужасами русской жизни, эта формула сделалась каноном, на котором воспитались с каждым десятилетием расширявшиеся круги русской разночинной интеллигенции. Согласно этой формуле, против которой осмеливались восставать лишь немногие, все, что было на Западе, было прекрасно, все, что существовало у нас дома, было ужасно и предназначалось рано или поздно к полной перестройке по рецепту западно-европейских доктрин. Герцен, противопоставляя мрачной российской действительности живую мысль тогдашнего молодого поколения, называет последнее « детьми » и говорит, что в этих детях в то время заключалась вся надежда на будущее обновление России. Теперь, когда мы обозреваем весь пройденный с тех пор нашей страной путь, громкие, блестящие формулировки Герцена и все установки тогдашних передовых умов кажутся нам настоящим ребячеством и легкомыслием.

Нет необходимости много говорить о том, что тогдашняя русская общественная и частная жизнь бросалась в глаза своими отрицательными чертами: крепостное право, начальнический произвол и подкупность администрации, раболепие и леность мысли общества, невежество купечества и народных масс, низменность и грубость вкусов и нравов во всех слоях.

Все это так. Однако, позволительно спросить: правильно ли было вину за все эти общественные и народные пороки приписывать исключительно политическому и общественному порядку тогдашней России и привлекать к ответу единственно представителей этого порядка: правительство и чиновников? На это, быть может, возразят, что передовым людям того времени невозможно предъявлять требование отказа от всеми разделявшейся тогда веры в чудодейственную силу политических и социальных учреждений. Конечно, эта вера играла тут значительную роль, однако не меньшее, если не большее значение имели те самые недостатки русского общества, которые были свойственны также и самим его критикам; мы имеем в виду ту же умственную лень, заставлявшую предпочитать заимствование готовых и легких решений трудному процессу переработки собственных наблюдений, далее легкомысленное отношение к серьезным вещам, увлечение внешними эффектами и отсутствие нравственной стойкости. Действительно, гораздо легче было взвалить вину за все на окружающую среду и в особенности на правительство, объявить его подлежащим упразднению, а общество — радикальной перестройке, оставаясь при этом все же под защитой существующих столь ненавистных учреждений и используя преимущества своего привилегированного положения, было легче оставаться на этой позиции бездеятельного отрицания, нежели скромно надеть на себя чиновничий мундир или, уехав в деревню, взять из рук приказчика в собственные руки судьбу своих крепостных, руководствуясь в этом, если уж обращаться к Европе, примером хотя бы прусского чиновничества и прусских юнкеров, создавших силу и прочный здоровый быт своего отечества. Было бы смешно и странно с нашей нынешней точки зрения, расширенной и умудренной всем пережитым с тех

пор, обвинять и унижать родоначальников русской общественной мысли за указанные выше недостатки. Но мы считаем важным констатировать эти недостатки как симптом неправильности духовного развития России, как некоторое уродство, получившееся в результате влияния западно-европейских передовых идей на русское дворянство, перенесшее в свой новый европеизированный быт, все свои прежние национальные недостатки, столь часто отмечавшиеся иностранными наблюдателями.

В дополнение к сделанной нами характеристике образа мыслей русских образованных людей укажем еще одну черту, которая от дворянских кружков 30-х и 40-х годов перешла по наследству и к широким кругам позднейшей разночинной интеллигенции. Мы имеем в виду эту постоянную тенденцию забывать свое ближайшее окружение, пренебрегать небольшими, но реальными задачами каждого дня, лежащими в пределах досягаемости для обычных сил среднего работника, и хвататься за проблемы широкого обще-российского, обще-славянского, а порою и мирового масштаба. К сожалению, решения предлагались всегда с непроверенными, наспех придуманными средствами. Так это было у западников, которые с помощью русской крестьянской общины и артели воображали подарить вселенной социализм; так было у славянофилов, которые думали обновить мир славянством, существовавшим, как некое культурное единство лишь в их собственном мозгу; так стало в наши дни у русских марксистов, которые для осуществления по научному рецепту коммунизма во всем мире избрали орудием свою собственную экономически отсталую страну.

Так в главных и общих чертах совершалось развитие русской общественной мысли в передовом дворян-

стве, а позднее в массе русской интеллигенции, как результат взаимодействия трех факторов: западноевропейских теорий, российской действительности и национального характера самих носителей этой мысли. Мы остановились на этом явлении в первую очередь потому, что считаем его одним из важнейших моментов в судьбах нашей страны и особенно в переживаемой нами ныне катастрофе. Однако, если это умонастроение нашей интеллигенции, оценка ею русской действительности, ее идеалы и поставленные ею для своей деятельности задачи представляют нечто наиболее заметное, наиболее бросающееся в глаза в русской духовной жизни, то все же описанными явлениями эта последняя далеко не исчерпывается. Было бы очень печально и для европейской культуры и для нашей страны, если бы эта культура, будучи перенесена хотя бы частично на русскую почву, принесла бы только вышеописанные плоды. К счастью, однако, духовный и нравственный рост русского общества не исчерпывался критикой существующих недостатков и дебатированием общественно-политических вопросов. Сначала медленно и главным образом усилиями иностранцев, о которых мы уже говорили выше, преобразовывалась сама эта русская действительность, постепенно открывались все новые области умственной деятельности для приложения творческих сил и дарований русского народа.

Выше мы сказали, что крестьянство в массе своей вследствие его усиленного закрепощения в течение 18 века было лишено благотворного влияния европейского просвещения. И тем не менее является чем-то поразительным и, хотелось бы думать, пророческим, что первым истинно образованным русским человеком, первым, кто отправился в Европу искать настоящих творческих, а не критических идей, был все же не дворянин и не интеллигент, а русский крестьянин —

Михайло Ломоносов. Замечательно также, что этот первый русский европейски образованный человек совместил в себе поэта и ученого, и что первые же опыты его творческой деятельности были отмечены несомненной печатью гениальности. Правда, Ломоносов происходил не из крепостных, но из поморских, оставшихся свободными крестьян. Тем не менее он явился прообразом тех больших и малых созидателей русской культуры во всех ее областях, число которых непрерывно росло, не считаясь с борьбой между правительством и радикальной общественной мыслью дворянства, и еще до того, как окончательно раскрепостились различные группы и классы русского народа: купечество и мещанство в городах, крестьянство в деревне. В медицине, науке, университетах, школе, в технике наряду с немцами все чаще стали появляться русские имена и уже в середине 19 века в крепостной еще России заблистали на всю Европу такие звезды первой величины, как Пирогов и Лобачевский. Так было в науке. Нужно ли говорить о русской литературе и русской музыке ? Первая от Пушкина через Гоголя, Тургенева, Достоевского, Толстого и до Чехова (чтобы назвать только главных), вторая в лице Чайковского и «Великой Кучки» показали, что произведения русского гения могут наравне с другими сделаться духовной пищей европейца и стать в один ряд с достижениями прочих мировых культур. Если же обратиться к области культуры материальной, то и здесь бесчисленные промышленники и кустари, вышедшие из еще нераскрепощенного крестьянства, показали, на что способен русский человек в материальном строительстве жизни и в выработке своеобразного художественного стиля предметов и утвари домашнего быта. Таким образом в течение 19 века были заложены основы русской культуры, оригинальность которой при сопоставлении ее с прочими культурами чувствуется ясно,

но сущность которой трудно поддается словесному определению в виду того, что она находится еще в процессе становления и не успела выявиться полностью и всесторонне.

Обозревая результаты только этой, чисто созидательной деятельности многих поколений русских людей в области культуры, подведя ее итоги в годы, предшествовавшие первой мировой войне 1914-18 годов, можно было в общем с уверенностью взирать на будущее и ожидать, что еще несколько десятилетий мирного существования и творческой работы, и полное приобщение России к европейской культуре станет совершившимся фактом. Словом, исходя из факта предвоенных успехов России, распространения образованности во все более широких кругах, подъема промышленности и торговли, роста материального благосостояния народных масс, как рабочих, так и крестьян, совершенно невозможно было думать, что Россию ожидает катастрофа такого масштаба, какая в действительности ее постигла в 1917 году.

Чтобы понять, что эта катастрофа все же могла произойти, что при известных условиях она была даже неизбежна, мы должны принять во внимание два момента: во-первых, уже указанное нами своеобразное действие передовых европейских идей на психику русской интеллигенции и, во-вторых, характер русской внешней политики со времени преобразования.

О первом моменте мы говорили уже достаточно. Здесь нам важно напомнить, что происшедший после Петра разрыв между верхушкой народа и его массой заложил глубокие семена взаимного непонимания между той и другой, а крепостное право вселило в крестьянство ненависть к высшим и вообще образованным классам, ненависть, которая пережила его отмену в 1861 году. Надо указать еще на то, что это невежество народной массы и ее классовая ненависть являлись для царского

правительства опорой в борьбе против революционно настроенных кругов русского общества. Вступив на путь преобразований и приобщения России к Европе, на каковом пути с неизбежностью предстояло коренное политическое переустройство, правительство в невежественных и враждебно настроенных против передовых и интеллигентных кругов общества классах держало как бы в резерве кусок допетровской России, на который оно всегда старалось опереться в своих реакционных тенденциях.

Важно еще следующее. При всех несомненных успехах упомянутой выше созидательной культурной деятельности русских людей в течение 19 века вплоть до мировой войны распространение образования носило пестрый и неравномерный характер, а описанное выше влияние западно-европейских революционных идей, будучи постепенно преодолеваемо наиболее культурными группами русской интеллигенции, продолжало действовать в других более широких и менее образованных кругах, подчиняя их себе с тем большей силой, чем большей убедительностью обладал « научный » марксизм конца 19 века сравнительно с утопическим французским социализмом или революционным гегельянством начала и середины этого века. Словом, в два последние десятилетия перед войной широкие круги русской интеллигенции, лишенные всякого политического опыта и обладавшие лишь поверхностым образованием, переживали тот же самый процесс усвоения западной революционной мысли, какой мы изобразили выше у представителей передового дворянства тридцатых и сороковых годов. Также и в этой новой, более широкой среде идеи были оторваны от реальной родной почвы, также и в ней преобладала тенденция к быстрым и крайним решениям, к отрицанию существующего и к постановке проблем в мировом масштабе.

При таких условиях для будущего культурного развития России, для самого ее существования вопрос свелся к тому, какие силы возьмут верх: та ли совокупная деятельность творческих русских людей, которые во всех областях жизни строили культуру, распространяли образованность, поднимали материальное благосостояние страны и народа, или разлагающее действие отрицательных революционных идей, находивших своих агентов в массе полуобразованной или вовсе недоучившейся так называемой демократической интеллигенции, находивших также благодарную почву в ненависти народных масс, этом еще неизжитом наследии их былого закрепощения и еще существующего невежества.

Решение этого вопроса зависело от того, удержит ли свои позиции против пропаганды революционных идей русское правительство, этот единственный оплот существующего порядка, оплот, под охраной которого упомянутая выше созидательная работа просвещенных общественных кругов через несколько десятилетий могла бы вывести Россию на настоящую торную дорогу европейской цивилизации.

Прошлое нашей страны со времени воспринятия передовыми элементами общества западно-европейских идей показало, что прочность русского правительства, его положение внутри страны было связано с его внешней политикой. К рассмотрению этой последней нас и приводит общий ход нашего рассуждения.

***

В том сложном явлении, какое представляет внешняя политика России со времен ее вступления в круг европейских держав, нам, в ходе нашего рассуждения, представляется важным отметить лишь одну ее характерную черту, которая, как мы думаем, совсем в иной плоскости повторяет описанный выше результат влияния европейских идей на государственные верхи

русского общества. Ведь недаром руководители русской внешней политики или стоявшие за их спиной действительные ее направители принадлежали к той же самой среде, из которой вышли и охарактеризованные нами социально-политические мыслители. В полном соответствии с этим внешнеполитические цели, которые они себе ставили, представляли собою нечто крайнее, преувеличенное, скорее относящееся к великим проблемам мирового порядка, нежели непосредственно касающиеся интересов самой России. Недаром в русских патриотических кругах любили противопоставлять великодушие и бескорыстие нашей дипломатии узости и эгоизму дипломатии ее европейских партнеров. Оставляя в стороне моральные оценки, мы укажем, что во внешней политике очень часто действительно важные интересы России ставились позади общих принципов, однако это делалось не столько вследствие идеализма русской дипломатии, сколько из свойственного неуравновешенному и не осознавшему свое настоящее место в мире новичку желания играть величественную роль вершителя судеб Европы.

В то время, как внешняя политика европейских государств: Англии, Франции, Австрии, Пруссии, а позже также объединившихся Германии и Италии в общем всегда направлялась на их жизненные проблемы, поддерживаемая вооруженной силой российская дипломатия в случаях, когда дело шло о Европе, большею частью бродила подобно странствующему рыцарю по белому свету, преследуя фантастические планы, радея о чужих интересах и целях, беспричинно создавая себе врагов, иногда даже выращивая таковых себе на будущее время за счет усилий и жертв собственной страны.

Если Великая Северная Война была безусловно необходима Петру в интересах будущего развития России, как устранение преграды между нею и Европой,

то уже участие Елизаветы в Семилетней войне и тогдашний союз с Францией не оправдывался никакими насущными потребностями России. Позднее, при Екатерине II возникает пресловутый греческий проект с покушением России на Царьград и Дарданеллы — фантазия, которая с тех пор неоднократно занимала воображение русской дипломатии, сеяла подозрительность и враждебность к России в европейских государствах. Позже, при Павле, Россия проливает кровь русских солдат и пожинает европейские лавры в борьбе с республиканской Францией, решительно ничем не угрожавшей ее интересам. Эта политика внезапно сменяется планами союза с Наполеоном против Англии ради фантастического похода в Индию. Александр I превращает Россию из союзницы Наполеона в его противницу и проливает русскую кровь для защиты Австрии и слабых западно-немецких князей. Затем новый поворот, и Александр Благословенный горделиво выступает как равный соучастник Наполеона в мировом господстве, навязав себе при этом невыгодную для России торговую войну с Англией. После того, как в войне 1812 года русским войскам пришлось сражаться против объединенных армий всей Европы, Александр посылает своих солдат спасать эту Европу, т.е. ту же Австрию и немецких князей от страшного завоевателя и с удовлетворением выступает в Париже и на Венском конгрессе в роли вершителя судеб мира. Позднее тот же Александр становится главной опорой мистико-христианско-политической реакции в Европе. Выступая в этой самой роли столпа реакции, Николай I спасает Турцию от египетского мятежа Мехмеда-Али, Австрию от восстания Венгрии, причем в лице обеих спасенных создает себе опасных врагов, а в душе венгерского народа навеки поселяет ненависть к народу русскому. Пресловутая мировая миссия России оказывать покровительство христианам в Палестине

приводит к несчастливой Крымской кампании, в результате которой Россия навсегда теряет свой колоссальный военный престиж в Европе.

Со времени Александра II русская ближневосточная политика определяется фантастической идеей мировой всеславянской миссии России вместе с воскресшим в новой форме греческим проектом Екатерины. Косвенным путем эта политика в конечном счете привела Россию к мировой войне 1914-18 годов. С другой стороны, туда же вела ее и вторая линия внешней политики, а именно ее отношения с Германией и Францией. Едва ли можно доказать, что игравшие важную роль в нашем сближении с Францией экономические интересы были безусловны, что их нельзя было удовлетворить иной, более осторожной и мудрой политикой в отношении Германии. С другой же стороны, в этом сближении несомненно большую роль играл внешний налет французской культуры русского общества, революционные и республиканские симпатии русской интеллигенции, а во враждебной ориентации против Германии пресловутая панславистская идея, которая с конца 19 века все сильнее распространялась в России. Таким-то образом была оставлена разумная политика добрососедских отношений с Германией и избран тот опасный путь, против которого и раньше, и незадолго до войны предостерегали правительство некоторые трезвые государственные умы.

Выше мы показали, как под влиянием западноевропейских передовых и революционных идей со времени преобразования работала в отрицательном направлении русская общественно-политическая мысль; мы показали также, как под влиянием сношений с Западом, сначала под руководством иностранцев, затем самостоятельно в ряде поколений усилиями тысяч русских людей, чуждых политики и принципиальных установок, строилось здание русской культуры, как

эта творческая работа давала надежду, что здание будет построено, что дикие, унаследованные от прошлого черты национального характера, крайности русского темперамента также и в мышлении будут преодолены, что благодаря начавшемуся после 1905 года росту материального благосостояния масс вскормленная в народной душе крепостным правом классовая ненависть будет погашена. Каковы бы ни были недостатки существовавшего в императорской России общественного и политического порядка, было бы неверно и недобросовестно отрицать, что этот порядок все же открывал России пути для культурного развития и материального подъема. И чем дальше шло время, тем эти пути становились шире и свободнее. Справедливость требует также признать, что при всех своих прегрешениях и пороках русское императорское правительство, представлявшее к тому же плоть от плоти и кровь от крови русского общества и русского народа, в общем все же давало стране возможности этого культурного и материального преуспеяния, а в известных отношениях также и споспешествовало ему. Имея в виду незрелость русского образованного общества, слабость и крайности его социально-политической мысли, имея в виду в особенности еще таившиеся в народных массах стихийные анти-социальные и анти-народные тенденции, можно сказать, что судьбы России, как культурного государства, стояли в прямой зависимости от целости и прочности ее правительства.

Этим самым, как ни для какой другой страны в мире, ее существование ставилось на карту фантастическими причудливыми скачками ее внешней политики. В мировой войне 1914-18 годов эта ставка была бита, и Россия оказалась ввергнутой в катастрофу, ужаснейшую из всех, какие она когда-либо переживала за свою тысячелетнюю историю.

1946 г.

СОСТОЯНИЕ РУССКОГО ОБЩЕСТВА ПЕРЕД ВОЙНОЙ 1914 г.

§ 1. *Ошибочность господствующего взгляда на социально-политическое развитие России.*

Поверхностный и ошибочный взгляд на большевизм, о котором я уже говорил, и несбывшиеся ожидания его скорого конца проистекают из укоренившегося в публике неверного понимания русской революции 1917 года и ее причин как отдаленных, так и близких. Согласно этому пониманию, русская революция есть результат действия тех же самых факторов, которые в течение двух последних веков определяли социально-политическую эволюцию Западной Европы и из нее постепенно распространялись на весь мир; последовательными фазами этой эволюции являются феодализм, капитализм и социализм. С каждой фазой связано господство определенного социального класса: феодальное дворянство уступает место буржуазии, а на смену последней выступает рабочий класс. Этой социальной эволюции соответствует политическая: наследственная абсолютная монархия, опиравшаяся на феодальное дворянство и охранявшая его интересы, сменилась конституционными или парламентскими учреждениями, как выражением господства буржуазии, безразлично за каким фасадом — монархическим или республиканским. Этой стадии развития вслед за Англией и Америкой достигли в середине 19 века все

страны Западной Европы. Они прошли апогей этой стадии и во второй половине века начали вступать в стадию социализма.

Согласно общепринятому взгляду, Россия, хотя и с запозданием, шла по тому же пути: ибо, несмотря на специфические особенности ее быта, социально-экономическая основа ее одинакова с опередившими ее странами Запада. Московский абсолютизм, при всех своих ярких чертах восточной деспотии, опирался на дворянство, по существу феодальное, и обеспечивал его социальное господство в деревенской России. Постепенно, однако, и в ней вырос и стал крепнуть торгово-промышленный класс, своя русская « буржуазия ». Уже крестьянская реформа 1861 года потрясла социальное господство дворянства. Россия шла к капитализму. Революция 1905 года была « буржуазной », соответственно росту этого класса в России. Однако эта революция оказалось недовершенной, и России предстояло дальнейшее развитие по пути к парламентаризму и господству буржуазии. Таким образом Россия отставала от Запада на целую ступень: в то время, как там апогей капитализма и господства буржуазии был пройден и вместе с подъемом рабочего класса страны становились на пороге социализма, Россия вступала еще только в свою капиталистическую и буржуазную стадию. Так представляли себе ее настоящее и ее будущее одинаково и марксисты и так называемые « буржуазные » историки, в своем взгляде на новую историю стоявшие в сущности на почве экономического материализма, который подчиняет все развитие экономическому фактору. Разница между обеими идеологиями заключалась лишь в понимании будущего. Историки « буржуазные » предвидели в будущем России расцвет капитализма, в форме ли крупного промышленного и аграрного капитала или же с параллельным развитием мелкой земельной собствен-

ности. В мысли этих историков социализм в России отодвигался в туманную даль будущего. Но также и историки социалисты представляли себе в России скорую победу « капитализма », а затем в близком будущем и быстрый переход к социализму.

Концепцию будущей исторической эволюции России я излагаю здесь лишь в самых основных чертах. Понимание ее деталей чрезвычайно варьировалось в представлениях различных политических групп, начиная от консерваторов и монархистов, через промежуточные группы октябристов и кадетов, и кончая левыми, т.е. эсерами, меньшевиками и большевиками. Каждая группа представляла себе будущее России, каким она его желала. Одни хотели видеть в нем постепенную мирную эволюцию, другие — резкий и коренной переворот. Но в основном всем рисовался одинаковый путь развития: через капитализм и господство буржуазии к социализму и господству рабоче-крестьянской массы.

Ни в своих причинах, ни в ходе, ни в результатах действительное развитие России новейшего времени не соответствует этому взгляду.

§ 2. *В России не было буржуазии западно-европейского типа.*

Прежде всего, в России не существовало тех общественных классов, какие вышеприведенная эволюционная схема констатировала в Западной Европе, равно как и присущих этим классам политических идей и притязаний на господство. В особенности важно отсутствие в России буржуазии, как она выявилась на Западе, т.е. в виде класса, который благодаря своим капиталам, организующей роли в экономике и своей образованности, был бы способен и имел бы желание взять в свои руки политическую власть. Русское ку-

печество, правда, представляло собою имущий класс, но ни капиталами своими, ни технической и идеологической вооруженностью оно и отдаленно не походило на французский tiers état, который уже в 18 веке держал в своих руках финансы, промышленность и торговлю и в то же время был носителем образованности, политической мысли и общественного духа. Несравнимо русское купечество и с другими европейскими буржуазиями, менее ярко выраженными, чем французская. Только что указанные материальные и духовные потенции в западно-европейской буржуазии слиты нераздельно. На них-то и основалась ее современная мощь. Русское же купечество, как таковое, никогда не было образованным классом par excellence, как это было и есть на Западе. Сходный имущественный признак у русского купечества и западной буржуазии не создает еще тождества. Лишь придавая решающее значение голым экономическим фактам и пренебрегая другими факторами, можно настаивать на таком тождестве. Поэтому, да и то с ограничениями, термин « буржуазия » можно применять только к верхушке русского купечества, которая с конца 19 века начала принимать внешне-европейский культурный облик. Вообще же в смысле политической идеологии и политического темперамента она не представляла собою никакой самостоятельной величины. Да и капиталами своими она не играла решающей роли в экономике страны. В этой области руководство всегда принадлежало правительству. Русская, еще молодая, промышленность выросла в большей своей части на основе иностранного, а не отечественного капитала. В финансовом же отношении правительство от этого последнего совершенно не зависело, а так как свои займы, столь важные и для политики и для государственного хозяйства, оно заключало за границей, то если уж говорить о какой-то экономической зависи-

мости русского царизма, то это была зависимость от капитала европейского, а не русского. Поэтому, даже отводя решающую роль экономическому фактору, как основе политического влияния, было бы ошибкою усматривать этот фактор в русском капитале и русской буржуазии.

Вплоть до начала 20 века русское купечество жило под сенью самодержавия и отнюдь не помышляло о том, чтобы самому стать на его место в управлении страной. В массе своей оно оставалось верно исконным русским бытовым, политическим и религиозным устоям и не испытывало на себе влияния каких-либо новых « идей ». То, что в годы революционного возбуждения Савва Морозов и, может быть, еще кое-кто давали деньги « на революцию », для русской « буржуазии » в ее массе не характерно; как социальный класс, она ничем не заявила себя в политике, кроме обычного пассивного и несомненно искреннего выражения верноподданнических чувств по самым разнообразным внешним поводам.

§ 3. *Русское дворянство не было господствующим классом.*

Возможно ли говорить о том, что русская буржуазия ждала своей очереди в политическом руководстве страной, когда и в прошлом этой страны не существовало политически господствующего класса. Ибо русское дворянство таким классом никогда не было; оно не являлось феодальным, оно было чисто служилым; оно было всецело подчинено государству и царю, выполняло известные функции и вознаграждалось за это землею и крестьянами. Полученные им с конца 18 века привилегии были царской милостью. Во всей истории России дворянство, как класс, ни разу не попыталось присвоить себе некоторую часть царской

власти и даже заявить о своих личных правах, хотя бы, например, об освобождении от телесных наказаний. То, что из рядов дворянства уже на закате его государственной роли вышло не мало политически образованных и независимо мыслящих людей, даже настоящих революционеров, отнюдь не характеризует его психологии, как класса, но относится к особому русскому явлению « интеллигенции ». В целом дворянское сословие было консервативно и являлось главной опорой веками сложившегося русского политического порядка. Со второй половины 19 века, в эпоху нарождавшегося капитализма и демократизации страны, оно становилось все более консервативно. После крестьянской эмансипации дворянство, экономически опускавшееся все ниже, в социальном отношении оставалось привилегированным сословием; однако только его родовитая верхушка извлекала непосредственные материальные выгоды из своих фамильных связей и близости к царскому двору.

§ 4. *Россия, как государственное « тело », держалась « царизмом ».* [1]

Понимание социально-политического строя дореволюционной России не исчерпывается указанием, кто в ней властвовал и правил. Задача заключается в том, чтобы понять, чем держалась Россия, это гигантское и сложное политическое тело, какими скрепами — идейными, духовными и материальными. В число этих скреп, в качестве одной из важнейших, входит и власть, принуждающая и направляющая. Но власть эту не должно понимать элементарно и грубо, просто как

[1] Считаем нужным уточнить, что автор монархистом не был и никаких личных симпатий к царскому дому не питал. Нижеследующий анализ является выражением объективной точки зрения историка.

внешнее принуждение. Так именно понимали все проявления власти ее хулители и оппозиционеры 19 века, начиная от либералов и кончая большевиками. Окарикатуривая государственность самодержавной России, они изображали ее, как господство семидесяти пяти губернаторов или армии полицейских, либо же просто как господство кнута. В популярном марксистском понимании российской политической действительности все кажется как будто ясно, но все упрощено до крайности и элементарно-грубо. Согласно этому пониманию, русский царизм был ставленником определенного класса и держался исключительно на насилии. Популярная социально-политическая литература, обращавшаяся в особенности среди интеллигенции, укоренила взгляд, что царизм был губителем России, врагом ее. Он якобы представлял собою форму угнетения и эксплуатации народа высшими классами и непрерывную тенденцию распространяться за счет соседей. Так росла Россия на несчастие себе самой. В царизме был пышный и фальшивый фасад, но убогое и тяжелое содержание.

Поразителен этот факт затемнения истины с помощью плоской популярной литературы, рассчитанной на невежественную, неспособную к самостоятельной мысли публику. Это факт трагический, ибо он оказал роковое влияние на судьбы страны.

В действительности задача не решается так просто. Царизм представляет собою весьма сложный социально-политический и психологический комплекс, и о нем мы сейчас поведем речь. Но что особенно важно и что особенно становится ясно теперь, после тридцати слишком лет советского государства и большевистской диктатуры, это то, что не на голом насилии и принуждении был построен царизм. Напротив, именно большевистская диктатура основана на таком насилии, в самых разнообразных формах, явных и скрытых,

применяемых ежедневно для поддержания нормального хода жизни во всех ее областях. Ибо нынешний режим России совершенно лишен органической идеи, которая сознательно или бессознательно жила бы во всем народе. Провозглашенная большевиками « идея » не вышла из его недр, она висит в воздухе. Конечно, большевики стремятся внедрить ее в сознание советских « граждан » самыми разнообразными способами: пропагандой, изоляцией страны от всего мира и террором; и, по самой сути всей ситуации, они вынуждены делать это, пока новые поколения таким принудительным и искусственным путем не будут воспитаны в духе этой идеи.

Конечно, принуждение было и в царской России, как и во всяком государстве, но оно было направлено не на поддержание нормального хода жизни и выполнения всеми и каждым их повседневных функций и обязанностей (как в советском режиме), а на защиту существующего строя против возможных покушений извне и изнутри.

Держался же весь режим совокупностью идей и верований, которых никто не измышлял и не « открывал », которые возникали сами собою из потребностей времени, из непосредственных целей и задач в поступательном ходе исторической жизни страны, и из воздействия внешних факторов — политических, религиозных и культурных. Этот порядок сложился из племенных психических черт славянства и особенно великороссов, из приспособления населения к пространству с его географическими особенностями, из постепенно наслаивающихся и перекрещивающихся влияний византийской государственности и византийского православия, из влияний татарщины, из перенесения на государство идеи рода, что выразилось в понятии царя батюшки и подданных — детей. Детально проанализировать количественные соотношения всех этих элемен-

тов и качественные результаты их смешения невозможно, ибо социология не обладает для этого средствами, подобными химическим реактивам. Но в общем и целом результат ясен. Он представляет собою своеобразный русский общественно-государственный строй, именуемый царизмом, и этот-то царизм и правил Россией, давал прочную спайку ее огромному и сложному телу, вел ее по ее историческим путям, которые, вопреки всем случайным отклонениям и зигзагам, он верно угадывал, руководствуясь инстинктом, в силу органической связи, существовавшей между ним и живым народным телом.

Доминирующими в этом режиме царизма были две идеи: идея государственной власти, безусловной, абсолютной, воплощенной в особе царя, как Божьего помазанника и всеобщего отца подданных; и идея всеобщей службы государству. Повиновение государству т.е. царю, как Божьему помазаннику и собственному родному отцу, являлось в понятии подданных не просто обязательством, а естественной органической функцией, необходимой для жизни, как conditio sine qua non. Тут даже неправильно говорить о « понятии », ибо оно предполагает рефлексию. Повиновение, более того, благоговейное преклонение и любовь к царю вплоть до готовности « положить живот » за него были для русского чем-то еще более само собою разумеющимся, чем повиновение отцу сыновей в крепкой крестьянской семье до ее современного разложения. Ибо пиетет к царю подкреплялся моментом Божественного помазания и моментом всенародности. Не только государство и родина воплощались в царе, но и весь быт в нем воплощался. Без царя — анархия, погибель и всеобщая, и частная, личная. Вот лейтмотив русской истории от возвышения Москвы и до начала 19 века, а для сознания народных масс вплоть до первой мировой войны. Самые бунты народные на-

правлялись на восстановление и укрепление истинного царизма. Эта приверженность царизму, полное предание ему себя означали конечно полный отказ от каких-либо своих прав, от самой своей личности. Отсюда этот « талант повиновения », о котором с восторгом говорил Карлейль, но который считали только раболепием люди, видевшие свой идеал в современной западноевропейской демократии.

Итак, под комплексом « царизма » надо понимать не политический порядок только, но универсальный уклад русской жизни, насквозь проникнутый религиозностью и на ней державшийся. Вот почему русский народ представляется столь глубоко религиозным, несмотря на свою догматическую необразованность и моральную примитивность и невоспитанность. Ибо тот порядок, которым он жил, и от которого зависело все его существование, имел в его глазах божественную санкцию и представлял собою нечто абсолютное и незыблемое.

Правильность сказанного выше подтверждается тем, что русский человек, становясь вне рамок царизма, вне его сдержек и руководства, оказывался анархистом, полным индивидуалистом, неспособным к какой-либо разумной, свободной и справедливой ассоциации, основанной на взаимном соглашении и договоре, на добровольном самоограничении в пользу группы и других ее членов. Замечательно, что в течение всей своей истории русский народ не сумел противопоставить государственному началу с его абсолютной властью и принуждением никакой свободной и сильной общественности, а всего лишь анархический и буйный протест. Отсюда слабость и скоропреходящесть вечевых порядков в древнейшей Руси, отсюда отсутствие местного самоуправления и корпораций сословных и профессиональных; отсюда, наконец, постоянная неспо-

собность всякого рода « вольниц » обеспечить свою свободу и самостоятельность и их неизменная тяга к отданию себя « под высокую царскую руку ».

Царизм создавал и воплощал Россию с ее силой и слабостями, с ее достоинствами и недостатками, начиная с Московского периода ее истории, вплоть до переворота 1917 года, ведя ее на ее исторических путях среди всех испытаний, бедствий и кризисов. Это он превратил Россию из мелкого верхневолжского княжества в мировую империю, укротил удельный разброд, преодолел татарщину и восторжествовал над ней, навсегда остановил экспансию шведов и поляков, выгнал турок из Европы, уничтожил польское государство и на всем колоссальном пространстве восточной Европы и северной Азии подчинил господствующее русское племя единому государственному центру. Весь этот долгий процесс представляет собою явление всемирно-исторического порядка и значения, но это его значение осознается впервые лишь с недавнего времени, когда стали очевидны его результаты, в прошлом же он протекал вдали от так называемой « мировой арены истории », почти без блеска и шума, укромно и незаметно. Ибо он не сопровождался каким-либо культурным развитием и не создал никакого особого культурного типа, аналогичного западно-европейскому или какому-нибудь из азиатских — китайскому, японскому или индусскому. Весь этот процесс создания колоссальной империи с ее внутренним порядком дорого обошелся русскому народу, потребовал от него огромных пожертвований и лишений. Отдельные формы и орудия царизма были нередко примитивны, громоздки, нерациональны, ибо они создавались соответственно нуждам момента, стихийно и часто наспех, их функционирование было грубо и давало себя чувствовать больно. Но все это стояло в соответствии с суровостью жизни, общей грубостью русского быта и нравов,

сложившихся в тяжелом географическом окружении, вдали от культурных очагов и влияний, которые счастливый Запад унаследовал от античности и продолжал получать с византийского и арабского Востока.

Характеристика царизма дается здесь только в самых общих чертах, суммарно и статически. Разумеется, этот социально-политический и психологический комплекс не оставался неподвижным и в разные эпохи вперед выдвигались различные его стороны, однако основные черты: моменты безусловной государственной власти и повиновения, момент службы и религиозная санкция — оставались неизменны. Упорно держалась также идея, что страной управляет не закон, а царская воля, и что ею, а не договором, определяются отношения между властью и подданными. Понятие закона и договора очень медленно переходило из Европы в Россию. Вплоть до 1905 года считалось, что все учреждения, права, реформы и так называемые « законы » имеют своим источником волю монарха. Не была побеждена эта концепция даже введением конституции и представительных учреждений 1905 года. Ибо и после них продолжали поддерживать фикцию добровольного пожалования этих учреждений царем. Как бы то ни было, не подлежит сомнению, что с течением времени царизм ветшал и слабел, ибо дряхлели его традиционные устои и связанная с ними традиционная психология. Идея службы была подорвана освобождением от нее первого сословия в государстве — дворянства. Религиозная санкция бледнела вместе с упадком православной церкви и ослаблением религиозности в высшем сословии, а затем отчасти и в народе. В особенности же важно было прогрессирующее вырождение династии и, в связи с этим, неспособность ее воплощать высокую идею царя. О том, какие удары царизму стали наносить проникавшие в Россию с Запада либеральные

и революционные идеи и их носительница интеллигенция, речь будет впереди.

И все же, несмотря на все трещины и ущербы, вплоть до начала 20 века царизм оставался ведущей силой в России. Он продолжал держаться силою привычки, традиции, опыта, рутины, даже утратив наполовину свой престиж. Для огромной массы русских людей: дворянства, купечества, крестьянства, значительной части рабочих, вероятно для 95 % населения, включая и инородцев, он оставался единственно мыслимой концепцией государственного порядка России. Правильность такого утверждения показал опыт обеих революций 20 века. Революция 1905 года оказалась бессильна его низвергнуть, а его падение в 1917 году, вызванное в значительной степени внешними причинами, ввергло Россию в анархию и хаос.

Моя характеристика царизма может показаться идеализацией. Но это не так. Я изобразил царизм, как форму социально-политического строя и общего уклада жизни, которая единственно соответствовала всей совокупности условий существования русского народа, внутренних и внешних. Он был таким же непреложным фактом, каким в Англии были конституционная монархия и общественная самодеятельность, а во Франции абсолютизм и централизация. Тысячу раз говорилось о невыносимо тяжелых условиях русского быта, о вопиющих несправедливостях и злоупотреблениях в управлении и суде, о притеснениях и насилиях в общественной жизни, о суровости и гнете политического порядка. Все это во многом совершенно справедливо, однако справедливо и то, что подобные же ужасы можно найти в прошлом любой западно-европейской страны при любом социально-политическом строе. У русских есть совершенно исключительный дар с какою-то болезненною любовью останавливаться на

своих пороках, точно так же, как другие, например французы и англичане, особенно любят выставлять свои добродетели. На это обычно отвечают указанием на то, что при всех темных сторонах западно-европейского прошлого в нем всегда была известная степень общественной и индивидуальной свободы и, следовательно, возможность бороться за лучшие условия жизни. Россия же при царизме всегда была тюрьмою. Из этой тюрьмы бежали все: служилые бояре и князья спасались от царского произвола в Литву и Польшу; немногие счастливцы, попадавшие за границу, предпочитали не возвращаться на родину; от засилия воевод и приказных, от крепостной неволи население массами бежало на окраины. Все это верно. Но не царизм виноват во всех этих сопровождавших его язвах, а, во-первых, сами люди, во-вторых же, общие объективные условия, которых никто не в силах был изменить: суровая природа, соседство с варварами и дикарями, вековая изоляция от культурного Запада. Не царизм виноват в отсутствии свободы, а люди, не умевшие ее для себя создать и потому сделавшие царизм необходимым. Свобода есть драгоценный дар, но не абсолютное благо, доступное всякому и всякому нужное. Думать, что свобода сама по себе может всегда быть панацеей всех язв общественного и политического быта, есть печальное заблуждение нашего времени. Свободой едва ли не легче злоупотреблять, чем властью. Можно признать законом истории, что свобода приводит к тирании, и из этого закона она знает лишь немного исключений. Мало людей и мало народов показали умение пользоваться свободой, сделать ее благодетельной основой своего общественного быта. Из великих государств нового времени таким примером является лишь Англия. Но и в ней была ли свобода всегда только благом? Каждому народу, пока его естественная среда и его психология остаются теми

же, очевидно, фатально предназначена определенная форма общественно-политического быта. Очевидно также, что свобода, самоопределение, самоуправление — не для русского народа. Ибо на всем протяжении своей тысячелетней истории он не сумел развить и упрочить возникавшие в его среде зачатки свободы и общественной самодеятельности. Ничего не вышло из русского веча, ничего не вышло из боярской думы, из земских учреждений Грозного, из земских соборов, казачества, конституционных поползновений верховников, даже из дворянских вольностей Екатерины II. Для развития свободы, очевидно, не было необходимых предпосылок. В основной своей массе русские, как правило, глубоко равнодушны к общественной жизни, неспособны к коллективной солидарности; по духу своему русский человек — противник всяких форм, регулирований и твердого порядка; он чистый индивидуалист и анархист; свободу он понимает как произвол, как возможность не подчиняться ничему. Что означает слово «воля» — этот синоним «свободы»? « Никаких стеснений, никаких границ, воля вольная, что хочу, то и делаю ». Недаром русского восхищает и поднимает ощущение простора его родной равнины « без конца и края », недаром « вольные » люди Московской Руси называли себя « гулящими ». Свобода у русских переходит в разгул, т.е. в отсутствие всяких сдержек и следовательно в произвол. Все это факты печальные, для нашего самолюбия, быть может, обидные, но непреложные. Следствия указанных здесь национальных черт можно проследить во множестве явлений русского быта, от самых крупных до будничных мелочей.

При наличии таких черт национальной психологии в соединении с внешними условиями, царизм оказался единственной формой, способной обеспечить целость и спаянность огромного государственного тела России и

дать ей какой-то внутренний порядок. Царизм не только защищал народ от внешних врагов, но во многом и спасал его от него же самого. В массе простого народа жило сознание своей собственной общественной беспомощности и необходимости внешнего, даже жестокого принуждения. Если даже признать правыми тех, кто видят в этом результат векового деспотизма и крепостного рабства, факт и в этом случае остается непреложным. Итак, врожденная ли это психология или привитая, но английская свобода не для русского народа. Предоставленный самому себе народ всегда высказывал тягу к восстановлению всепоглощающей центральной власти. Так произошло в эпоху Смуты, когда идея царизма была живуча и действительна. И потому это совершилось открыто и торжественно; вещи были названы своими именами. Но также и в наше время, когда идея царизма потеряла свой престиж, новый порядок, вышедший из анархии 1917 года, принял форму беспощадной, хотя и лицемерной диктатуры.

§ 5. *Русское крестьянство не было революционно.*

Выше я говорил об отсутствии в русском дворянстве и « буржуазии » каких-либо предпосылок к роли политически господствующего класса и каких-либо революционных тенденций. Еще менее может идти речь о наличии таких тенденций в массе русского крестьянства. Она составляла восемьдесят процентов населения России и до последнего времени являлась главной опорой царизма. В 17 и 18 веках крестьянские бунты были направлены против крепостного права и помещиков, но никогда против царя. В новейшее время революционная пропаганда интеллигенции среди крестьянства, так называемое « хождение в народ » не нашло в нем никакого отклика. Не имела эта пропаганда успеха и среди городского простонародья. Но

в силу специфических особенностей русского аграрного строя в крестьянстве жило упорное сознание, что земля должна принадлежать ему, поскольку именно оно ее обрабатывает.

После реформы 1861 года аграрный вопрос обострился вследствие крестьянского малоземелья, в особенности в черноземной полосе Европейской России. Глубокая классовая рознь между крестьянством и помещиками, унаследованная от эпохи крепостничества, осталась и после реформы 1861 года и в некоторых отношениях усугубилась, так как теперь исчезли тот общий хозяйственный интерес и традиционная патриархальная связь, которые создавали какое-то взаимное понимание между обоими классами при крепостном праве. Свое чувство отчужденности и враждебности крестьянство переносило на все вышестоящие социальные группы, носившие на себе печать европейской культуры, т.е. похожие на прежнего « барина ». Это отношение с необычайной реальностью запечатлено во многих произведениях русской литературы, не только народнической. Хотя оно и создавало весьма благоприятную почву для революционной пропаганды, само по себе оно отнюдь не доказывает революционности крестьянства. Действительно, крестьяне с удовольствием выдавали революционных агитаторов властям. Как сильна еще была в крестьянстве традиционная психология царизма, показывает исторический день 9 января 1905 года, когда петербургские рабочие, т.е. те же крестьяне, с иконами и хоругвями понесли свои неудовольствия, жалобы и просьбы царю. Если в истории народов бывали события, оставшиеся навсегда в памяти, как символ, выражающий внутренний смысл происходившего, то день 9 января явился одним из самых ярких и самых трагических. В этот день царизм отказался от себя и выявил свою несостоятельность. С этого дня Россия стала искать новой скрепляющей

и связывающей формы для своего содержания и волею судеб нашла его в большевизме.

Революция 1905 года не принесла радикального решения аграрного вопроса, но меры, принятые правительством в ближайшие же годы, и в особенности известная « Столыпинская реформа » наметили определенный путь его разрешения. Разрушение старой крестьянской общины и переход на хутора, а также интенсивное переселение в Сибирь положили начало новому классу крестьян-собственников и самостоятельных хозяев. Однако свои полные результаты это развитие должно было принести только в течение ряда лет внутреннего и внешнего спокойствия. Если в годы, непосредственно предшествующие мировой войне, вся Россия и вместе с нею значительная часть крестьянства переживали хозяйственный подъем, то в общем аграрный вопрос все еще не был разрешен: крестьянское малоземелье еще не было ликвидировано, и в значительных слоях крестьянства существовала тенденция к захвату помещичьих земель. Тем не менее трудно сказать, в какой возможной форме это крестьянство представляло себе осуществление своего права на землю. В ходячих представлениях на этот счет господствует большая путаница. Ибо многие отождествляют желания и стремления крестьян с теми программами аграрной реформы, которые выставлялись революционными партиями якобы от имени крестьянства. Из того, что в лишенной всякого правосознания массе бедноты существует готовность к захвату чужого имущества, лишь бы ей была обеспечена безнаказанность, отнюдь не следует, что такое стремление в крестьянстве было повсеместным. Отношение к земле, тяга к ней, сознание своего права на пользование или владение ею — всё это перед мировой войной было различно в России в зависимости от местности и от социальной группы.

Резюмируя все вышесказанное о крестьянстве, можно утверждать, что по всей видимости в его массе происходил интенсивный процесс дифференциации. Часть крестьянства пролетаризировалась, но основная его масса превращалась в класс средних собственников, способный когда-либо стать новой деревенской « буржуазией ». Я говорю « способной » стать, ибо буржуазия предполагает определенный идеологический и психологический признак, который в этом новом крестьянстве еще не успел выработаться. Ибо психология крестьянства в его целом была неустойчива. В нем сильно были развиты собственнические инстинкты, однако анархические, без соответствующего правосознания; в нем продолжала жить враждебность к высшему классу, не только землевладельческому, но и городскому вообще (в том числе и к интеллигенции), но помимо захватнических инстинктов бедноты, в нем не существовало ни революционных инстинктов, ни тем более революционной идеологии. Престиж царизма в его массе несомненно поблек, что стояло в связи также с понижением религиозности и разложением традиционного крестьянского быта. Но на смену старого в крестьянстве не выработалось еще никакого нового политического сознания. Перед мировой войной крестьянство представляло собою огромную неопределенную массу, инертную, пассивную, политически неразвитую, в значительной еще степени « темную » вообще и в известной своей части способную к чисто классовому восприятию революционных и демагогических идей и анархических методов самоутверждения.

§ 6. *Не был революционным также и рабочий класс.*

В 19 веке в России народился рабочий класс. Однако это не был настоящий пролетариат, какой

существует на Западе. Рабочие сохраняли более или менее прочную связь с деревней и возвращались в нее в пору летней страды, а их психология в значительной мере оставалась крестьянской, в особенности в отношении к вышестоящему социальному слою. Свою унаследованную от крепостного права враждебность к помещику-барину рабочий переносил на своего работодателя-фабриканта, в котором тоже видел барина. Однако, чем меньше черт барства и европейской культурности имел в себе этот эксплуататор, чем больше он был похож на деревенского кулака, тем больше рабочий чувствовал в нем своего брата — черную кость; вопреки различию интересов, он был склонен даже уважать его за деловитость, уменье выбиться наверх и « нажить капитал ». Классовое чувство, которому придает такое огромное значение марксизм, было построено в русском крестьянине и рабочем не на противоположности голых экономических интересов, а на различии идеологии и общего культурного облика. Об отношении рабочего к предпринимателю я только что сказал; а крестьянин не столько ненавидел своего собрата — деревенского кулака и мироеда — сколько завидовал ему; ибо и сам он, хотя и бедняк, не был чужд тех же методов наживы. Зато интеллигента — народолюба и пролетария — он презирал и чувствовал его себе глубоко чуждым. Да и рабочий, несмотря на некоторое влияние на него городской цивилизации, чувствовал свою отчужденность интеллигенту, считая его « барином » по природе или по преемству. Рабочая масса была так же темна, как и крестьянская, отчасти еще более темна, ибо, будучи вырвана из родной почвы, она еще сильнее разложилась в бытовом отношении. Революционная пропаганда последних десятилетий перед мировой войной и революционный опыт 1905 года затронули

сравнительно лишь ничтожную часть этого класса, главным образом железнодорожников и квалифицированных рабочих. Рабочие движения были большею частью стихийны и не только ускользали от руководства подпольных интеллигентских кружков, но часто даже не были предчувствуемы ими. Таким было движение, приведшее к 9 января 1905 года, таким же было и движение февральских дней 1917 года, приведшее к падению царизма.

И монархические и религиозные чувства в рабочей массе потускнели еще больше, нежели в крестьянстве, но ее политическая сознательность от этого далеко не выиграла. В этом отношении русская рабочая масса накануне мировой войны бесконечно отставала от западного пролетариата; будучи невежественна, анархична, некультурна, эта масса совершенно не походила на тот политически сознательный, способный к организации и самодеятельности рабочий класс, который, согласно марксистской схеме, единственно способен сменить буржуазию в роли строителя нового социалистического общества.

Я предвижу возражение, которое могут сделать против моей характеристики крестьянства и рабочего класса, отправляясь от того факта, что революция все-таки произошла. Это возражение непременно должно быть сделано теми, кто стремился к этой революции и приветствовал ее. Пусть крестьянство и рабочий класс были « политически несознательны », инстинктивно и потенциально они были революционны, *должны были* быть революционны, так как они всего более страдали от старого режима и всего менее имели от него выгод. Такой взгляд представляет невероятное упрощение действительности. Будь он правилен, революция должна бы быть перманентным состоянием всякого человеческого общества, в котором

существуют социальные неравенства, т.е. практически всего человечества. Ибо повсюду народные массы, т.е. огромное большинство, несут на себе максимум тягот и получают минимум выгод. Однако история учит, что революции производит не наиболее забитый и угнетенный класс, а, наоборот, наиболее сознательный и пробивающийся кверху. Новейший урок в этом отношени история дает нам в опыте большевиков. Высшая степень угнетения и нищеты всего населения Советской России является вернейшей гарантией от возможности его революционного выступления против советского режима. Это великолепно поняли сами большевики, и они держат соответственный курс политики. Но история учит также, что революции вызываются не однообразными причинами и протекают не по одному шаблону. Своеобразной является также и русская революция 1917 года.

Когда русские профессиональные революционеры-подпольщики эпохи царизма указывали на « политическую несознательность » тогдашних русских рабочих и крестьян, они имели в виду отсутствие в их массе революционных идей и стремлений. Наоборот, « сознательность » они согласны были видеть только в тех требованиях, лозунгах и программах, которые выставлялись их собственной партией, и которые они искренне или демагогически выдавали за подлинную волю народа. В их глазах весь строй и уклад царизма с его идеями и традициями был ничем иным, как обманом, навязанным народу господствующими классами и поддерживаемый всеми способами внушения и насилия. Однако, если бы даже это было вполне верно, это доказывало бы лишь то, что всякий социально-политический порядок держится в большей или меньшей степени на внушении и обмане. А в таком случае можно утверждать, что советский режим

в этом отношении является наиболее ярким примером, ибо история не знает более грубой фальсификации народного мнения и народной воли, чем та, которой прикрывают свою диктатуру большевики.

§ 7. *Корни революции лежат в условиях культурного развития России, нагиная с 18 века.*

Если в России все обстояло так, как это изложено выше, то откуда взялись те силы, которые произвели революцию, и какие причины обеспечили их успех?

Я уже говорил, что в основных общественных классах России никакой революционности не было; наоборот, они искони были пассивны, политически несознательны и индифферентны. Они вообще были чужды умственных интересов и мало доступны влиянию новых идей. Они жили привычными вековыми понятиями. Такими они оставались и после того, как Петр прорубил окно в Европу; ни его реформы, ни их продолжение в 18 и 19 веках их не пробудили. Я говорю, разумеется, об основном тоне жизни, а не о единичных явлениях. На основании таких явлений мы имеем привычку говорить о « европеизации » русского общества. Нет, оно оставалось консервативным, косным, самоуверенным и убежденным в своем превосходстве, несмотря на множество недочетов и недостатков быта. Не было не только критики этих недостатков, но и ясного сознания их наличия. Также и после Петровских реформ в народной массе, не исключая и дворянства, сохранилась упорная приверженность к старине и нелюбовь ко всему европейскому, несмотря на вынужденное принятие последнего по внешности. Здесь я имею в виду не рефлексию, например, позднейшие идеи славянофилов, хотя и они возникли на почве этой инстинктивной приверженности к родной старине. Я говорю о русской *сущности,*

обусловленной кровью и почвой, о « русскости », которая наперекор всему отстаивала себя от Запада с его цивилизацией, благоустройством, прогрессом и техникой, о той самобытности, которая в каждом великом народе остается непреходящей и неистребимой и сказывается в приверженности даже к своим недостаткам, вопреки всем сравнениям и доводам рассудка. Этот консерватизм масс в конце концов сводил на нет большинство попыток и Петра, и его преемников привить России настоящую европейскую общественность. Очень часто забывают, сколько усилий прилагало правительство, чтобы искоренить варварские обычаи, чтобы упорядочить и очеловечить функционирование учреждений. Но все нововведения правительства, рассчитанные на массу, на целые сословия и ежедневную практику, прививались слабо, заглохали или искажались применительно к русским понятиям, предрассудкам и привычкам, как бы оправдывая слова поэта: « нам просвещенье не пристало ». Здесь важно отметить еще одно характерное явление русской жизни, естественное следствие Петровской реформы. В то время как правительство почти безуспешно пыталось привить массам азбуку гражданственности и человечности, влияние западной культуры и просвещения стало само по себе, помимо правительства, оказывать свое действие в среде русского общества. Однако его воспринимали не массы, не средний уровень, а одиночные избранные натуры, главным образом конечно из высших классов. Уже вскоре после Петра у этих одиночек набрался целый кадр людей, стоявших наравне с тогдашней европейской образованностью. Это были тонкие ценители искусства, собиратели редкостей, обладатели замечательных библиотек и даже музеев. Они общались с иностранцами на равной ноге и приводили их в изумление своими знаниями и тонким вкусом. Из этого-то небольшого кадра правящих вельмож, в

практической жизни часто бывших администраторами или военными, выходили первые ревнители и сотрудники правительства в его просветительных и культурных начинаниях. Эти лица все же еще не могли составить образованного класса или даже слоя уже по своей малочисленности; они являлись одиночками, ничем между собою не связанными; и тем не менее их можно признать первым зародышем русского образованного общества, получившим свое просвещение самостоятельно и независимо от инициативы, руководства и усмотрения правительства.

Петру Великому нередко ставили в упрек то, что его реформы преследовали только узко практическую цель, пересаживали в Россию внешние европейские порядки, но не идеи. Помимо того, что тут забывается, что деятельность Петра определялась давлением непосредственных государственных нужд и борьбой за существование, что и думать о чем-либо другом было для Петра недоступною роскошью, этот упрек упускает из виду совершенную невыполнимость пересадки европейских идей, в особенности политических, в тогдашнее русское общество. Стоит только подумать о том, как мало результатов приносили все старания правительства к исправлению нравов и воспитанию общественного духа в этой полуварварской среде, чтобы понять, что привитие европейских идей внесло бы только еще большую смуту в умы и ввергло бы в окончательный хаос и без того взбудораженную переменами русскую жизнь. Конечно, можно жалеть о том, что процесс развития России был таким судорожным, лишенным постепенности и гармоничности. Но этот процесс был определен непреложными условиями, и его приходится принимать, как факт.

Ходом истории контакт с Европой поставил русское правительство с конца 18 века в тяжелое и про-

тиворечивое положение. Начиная с правления Елизаветы этот контакт выразился главным образом в том, что верхи русского общества поступили в школу блестящей французской цивилизации в области нравов, мод, вкусов, а также и идей. Выражением влияния этих последних были просветительные опыты и начинания Екатерины II, и эти же самые опыты и показали, как неподготовлена была русская почва для практического применения западных идей. Не по лицемерию правителей, все благие начинания оставались на бумаге, а по невозможности их выполнить при тогдашних русских условиях, и лицам, сознававшим свою ответственность и наиболее полно осведомленным, эта невозможность была яснее, чем безответственным пылким умам, смотревшим на дело со стороны. Вскоре после просветительных начинаний и опытов Екатерины в духе французских энциклопедистов во Франции разразилась революция. В линии русского культурного развития она совпала с тем моментом, когда в обществе появилось уже не мало лиц, европейски образованных и способных воспринять передовые идеи и с их помощью подвергнуть критике окружающую российскую действительность. В связи с этим русское правительство оказалось в положении поистине трагическом. Какой бы теории мы ни держались насчет сущности и назначения государства, мы должны признать, что свою первую обязанность всякое правительство видит в поддержании существующего гражданского порядка, хотя бы оно и было одушевлено стремлением к его преобразованию и улучшению. Ни от какого здорового правительства невозможно требовать либерального отношения к идеям и действиям, грозящим гибелью ему самому и тому обществу, которое оно призвано представлять и охранять. И потому симптомом болезни и дряхлости надо признать то попустительство пропаганды таких идей, какое проявляло французское пра-

вительство Людовиков XV и XVI и русское правительство Николая II-го, при всей кажущейся реакционности последнего.

Тогдашнее русское правительство было еще здорово, но его положение перед лицом французской революции, пропаганды новых идей в Европе и собственных внутренних задач стало необычайно сложным и трудным. Сойти с пути начатой европеизации России было невозможно, хотя бы только в целях поддержания ее военной мощи и разрешения ее внешнеполитических задач. С другой же стороны, продолжение просветительства грозило опасностями, которые правительство, при скудости вспомогательных факторов — умственных и моральных — не чувствовало себя способным преодолеть. Твердая и уверенная до тех пор линия правительства в руководстве страной заколебалась. В силу своего назначения правительство должно было держаться известной середины, считаться с действительностью, с укладом и бытом страны, которые было невозможно переделать сразу и изменить к лучшему. С другой стороны, было также невозможно изолировать страну от Запада (как сделают впоследствии большевики), невозможно было отказаться от заимствований, и потому новые идеи и новый дух с неизбежностью должны были проникать в умы русских людей. Это проникновение происходило вне контроля правительства, не считаясь с его планами и предначертаниями. Это явление было ново и необычно, ибо веками сложившийся порядок царизма распространял правительственную опеку и руководство на все стороны и все проявления народной жизни. Отсюда понятны его недоверие и подозрительность ко всему, что помимо него и без его участия проникало в общество из Западной Европы.

§ 8. *Нарождение в России « интеллигенции ».*

Таков был первый момент слагающейся отныне новой внутренней ситуации. Вторым моментом явилось то, что на общем фоне косной, медленно изживавшей свой старый быт российской массы умственно приближаться к Европе стали все более многочисленные лица из высшего класса, наиболее восприимчивые и живые. Эта просвещенная дворянская молодежь явилась зародышем новой общественной группы, отличительным признаком которой стали умственные интересы; группа эта в 19 веке получит название « интеллигенции ».

Истории формирования этой интеллигенции в широких рамках русского общества и ее более подробной характеристике мы посвящаем особую статью. Здесь же будет достаточно сказать, что, возникнув на почве приобщения к западно-европейским идеям в момент их революционного кипения, интеллигенция сразу прониклась духом критики и отрицания, в особенности в отношении к собственной российской действительности, которая казалась столь неприглядной по сравнению со всем европейским и тем более в свете общественных и политических идеалов, провозглашенных революцией.

Выше я упомянул, как еще в Московском государстве недовольные элементы из народа уходили на окраины, образуя там особую категорию вольных, гулящих людей, поставивших себя вне государственного принуждения и существующего гражданского порядка. Нечто подобное произошло теперь в сфере только еще возникавшей умственной жизни русского общества. Умственные интересы не вошли в постоянный обиход тех классов общества, которые по своему имущественному положению имели для них досуг, т.е. дворянства и купечества. Они стали лишь уделом от-

дельных лиц в этих классах, сначала, разумеется, в дворянстве, за которым в эту умственную сферу стали втягиваться также выходцы из других сословий. В эту сферу они внесли свой интеллектуальный склад, свой темперамент, свою национальную манеру усваивать и перерабатывать идеи и в известной мере прилагать их к жизни. Этот процесс усвоения западно-европейских идей продолжался безостановочно, начиная с французской революции, в течение всего 19 века и никакая правительственная реакция не могла остановить его. Однако идеи эти становились достоянием лишь небольшой кучки людей, преимущественно в обеих столицах, людей, рекрутировавшихся из всех сословий, но в силу именно их « идейности » порывавших со своей старой средой, которая попрежнему оставалась косной и инертной и в глазах этих идейных выходцев представляла собою « обывательское болото ».

Здесь речь идет не о распространении образования, которое в течение всего 19 века шло, неизменно прогрессируя и захватывая постепенно все новые классы и группы населения: вслед за дворянством, духовенство, купечество, мещан и наконец также крестьянство. Это движение продолжалось при всех правительствах, которые вплоть до революции 1917 года сохраняли в нем ведущую роль. Ни один ненавистник царизма не сумеет опровергнуть тот факт, что в реакционную эпоху Николая I образованность в России сделала огромный шаг вперед. Вместе с тем увеличивалось количество образованных людей, специалистов всех отраслей науки, технических и практических знаний, выполнявших огромную, но бесшумную работу на службе государству и обществу, медленно, но неуклонно « европеизировавших » Россию. Однако эта категория людей лишь отчасти может быть причислена к интеллигенции, хотя в обычном, мало заботящемся о точности, словоупотреблении она и смешивается с

нею. Для интеллигенции, как понимается она здесь в качестве фактора социально-политического развития России, характерна вовсе не образованность. Наоборот, для нее типична скорее полуобразованность, ибо большое знание ставит предел размаху идей. А именно этот размах и является характерным признаком интеллигенции.

Идеи, которыми увлекалась эта вновь народившаяся группа, были не русские, а целиком западные, совершенно чуждые русской действительности, новые и боевые, по содержанию социальные и политические, по общей их тенденции разрушающие старое и сулящие впереди новизну. Варьируясь по степеням, от умеренно-либеральных до радикально-социалистических, все они для русской приобщающейся к ним братии, в большинстве своем полуобразованной, представляли в большей или меньшей степени одну общую школу революционности. Ибо самый умеренный либерализм перед лицом тогдашней действительности с ее косной массой, традиционным укладом и стоящим на его страже правительством оказывался в конечном счете революционным фактором. Таким образом в тогдашних общественных и политических условиях именно интеллигенция стала проводником западно-европейского революционного начала в косной и отсталой России.

Такова основная особенность русского культурного и политического развития, и именно ею объясняется как самый факт русской революции, так и ее характер.

§ 9. *Носительницей революционного нагала в России стала интеллигенция.*

Отныне в жизни России образовалось два полюса: одним было правительство, стоявшее на вековых традиционных позициях царизма и видевшее свое призвание в охране существующего порядка и руко-

водстве им. Другой полюс представляла интеллигенция, воплощавшая собой так называемую передовую европейскую мысль. Фоном, на котором выступали два эти полюса, являлись косные, политически индифферентные и пассивные общество и народ, жившие силою инерции. Таковы были три слагаемые создавшейся внутренней ситуации. Присущий каждому из них особый характер и их взаимоотношения, наряду с влиянием международных факторов, определили в основном дальнейшее развитие России, в конце концов приведшее ее к революции.

Взаимоотношения эти на весь 19 век определились следующим образом: правительство естественно удерживало за собою ведущую роль в жизни России, как целого; отказаться от нее оно и не желало и не считало себя в праве; свое назначение оно видело в сохранении существующего, но в то же время оно продолжало вести страну по пути, намеченному Петром, держа в своих руках инициативу, согласно исконной традиции русской государственности. В такой его установке было много правильного, она оправдывалась свойствами того огромного, еще далеко не установившегося национального комплекса, каким являлась Россия. Правительство считало своим призванием охранять этот комплекс и в то же время воспитывать и постепенно преобразовывать, одновременно оберегая традиционные «начала» и вводя новые учреждения по западно-европейским образцам. Но в силу описанной выше ситуации эта последняя функция с течением времени постепенно отпала, ибо в опекаемом дотоле обществе появилась новая группа — интеллигенция — как бы сосредоточившая в себе общественное самосознание и активность в противоположность косности и пассивности остальной России. Эта интеллигенция почувствовала себя как бы монопольным обладателем гражданского и общественного начала, представителем

и вождем народа. Однако, свои возбудители и критерии она черпала исключительно в идеях и образцах Запада, непременно прогрессивных или революционных. Таким образом интеллигенция сразу оказалась в разрыве как с массой общества, неспособного ни понять ее, ни следовать за нею, так и с правительством, справедливо видевшим беспочвенность интеллигентских тенденций и опасность их для страны. Так создалось ненормальное и нигде не бывалое положение: идея революции — продукт Запада — была подхвачена русской интеллигенцией, между тем как в русском быту для нее не было ни предпосылок, ни почвы. И как ответ на нее, в жизнь России вошел новый гибельный фактор — правительственная « реакция », целыми десятилетиями тормозившая естественное и правильное шествие нации по общему пути европейской цивилизации. Эта реакция, находившая опору в пассивности и косности общества и народа, получала свое оправдание в крайностях и нелепостях интеллигентской идеологии, ее разлагающей критики и беспочвенных требований радикальных перемен. Если правительство опиралось на национальную косность, то интеллигенция воплощала собою национальный анархизм. В течение всего 19 века, почти с самого его начала, призрак революции, вызываемый интеллигенцией и только ею, парализовал правительство паническим страхом и останавливал всякое движение вперед. Ответом на революционное выступление декабристов в 1825 году была жестокая реакция николаевского царствования. Реформы Александра II были почти немедленно остановлены и искажены революционным движением подпольных интеллигентских кружков; новый подъем этого движения в 70-х годах усилил также и реакцию. Убийство Александра II-го 1-го марта 1881 года окончательно превратило правительство в тормоз всякого движения вперед. Таким образом в России почти с самого начала

19 века между правительством и революционной интеллигенцией происходит настоящий поединок, зрителем которого являются общество и народ. Крестьянство оставалось глухо к революционной пропаганде даже и тогда, когда она совпадала с его собственными заветными мечтами о земле. Так, в 70-х годах оно выдавало властям интеллигентов-народников, пропагандистов лозунга « земли и воли ». Аграрные волнения 1902 и 1905 годов прокатились по России стихийно, без всякой агитации и участия революционеров. Что же касается высших и средних классов, то революционная пропаганда скорее отпугивала их и всякий раз бросала на сторону правительства.

При сложившейся общей ситуации революционное движение в России никогда не было общенародным в настоящем смысле этого слова; оно приняло неподлинный характер, в нем было много наигранного, надуманного, подражательного. Для всех его современников всегда было ясно, что оно не идет из национальных глубин, но заносится со стороны и питается извне. Первое же выступление революционеров в России стало символичным, как акт, чуждый и непонятный для народа. Выйдя на Сенатскую площадь с требованием конституции, декабристы, в сознании полной невозможности увлечь солдат этой идеей, внушили им, будто « конституция » — это жена законного кандидата на престол, великого князя Константина. Так и позднее, революционеры, стремясь увлечь народную массу в революцию, переводили свою программу на язык анархических инстинктов массы: идея свободы перетолковалась, как личный произвол, а идея социализма выражалась формулой « грабь награбленное ».

Из всего вышесказанного явствует, как надо понимать самый этот термин « революция » в применении его к России. Это целиком западно-европейский про·

дукт. Его содержание и движущая сила — созданная французским катаклизмом 1789 года обще-европейская революционная традиция, от либерализма перешедшая вскоре к социализму. К этим-то идеям, понимавшимся часто сумбурно и превратно, со страстью припадали политически неграмотные и неопытные вольнодумцы из интеллигенции со всей необузданностью своего национального темперамента. Чем дальше шло время, чем более разночинный характер принимала интеллигенция, вбирая в себя полуобразованные элементы средних и низших слоев населения, тем распространеннее становились в ней крайние теории. В этом заключается своеобразие русского культурного развития, сделавшего русскую революцию столь непохожею на классический европейский прототип — французскую революцию 1789 года. Там это было движение стихийное, обусловленное внутренне, движимое идеями, выросшими на собственной родной почве, понятными для широких слоев населения. Из этих же слоев выходили деятели революции, нередко еще накануне своего выступления даже и не предчувствовавшие той роли, которую они будут играть в событиях. Не то было у нас в России. Не революция создала здесь революционеров, не из широких масс выходили они, когда пробил час; нет, ее « делали » революционеры по специальности, заранее подготовленные, как свое профессиональное дело. Еще в реальной действительности не было и предпосылок для переворота, а революционных дел мастера уже образовывали свои тайные кружки наподобие школ или сект. Революционерами делались желторотые птенцы, на школьной скамье, еще ничего не смысля в жизни, часто чтобы прикрыть и заполнить свою праздность. Сколько таких недоучек числилось в революционных рядах ! Русская революция не назревала самопроизвольно в душе народа и широких общественных кругов, она подгото-

влялась заранее в нескончаемых устных и печатных словоизвержениях этих профессионалов, вырабатывавших для нее рецепты и практические руководства. И потому, когда неудачные войны и слабость правительства вызвали в стране смуту в 1905 и 1917 годах, оба раза проявления революции вышли такими неподлинными, лишенными энтузиазма, как бы заученным заранее выполнением программы. Во всем этом есть что-то в своем роде единственное и парадоксальное. Невольно вспоминаются слова поэта: « Умом Россию не понять . . . »

Но в таком случае, каким же образом столь жалкие факторы могли вызвать столь гигантский катаклизм, перевернувший вверх дном существующий порядок ?

§ 10. *Русская революция, как результат международного фактора.*

Объяснить это явление только внутренними русскими условиями невозможно. Здесь очевидно действие каких-то мировых сил, что заставляет предполагать, что русская революция выполняет какую-то мировую задачу. Понять это будет возможно лишь после того, как мы рассмотрим всю современную мировую ситуацию и определим ту роль, какую играет в ней Россия. Тогда будет видно, что, вопреки своей исключительности и изолированности, связи России с миром гораздо теснее, чем это кажется обычно. В настоящий же момент ограничимся указанием на то, что в наступлении и развитии русской революции решающую роль сыграл международный фактор, т.е. мировая война.

Начиная с 19 века, общественное развитие России обнаруживает ту особенность, что его возбудителем неизменно являлись войны, как победоносные, так и, в особенности, неудачные. Движение декабристов бы-

ло косвенным результатом наполеоновских войн. Общественное движение при Александре II было вызвано Севастопольским поражением России, революция 1905 года — неудачной Японской войной. Но ни в одном случае война не сыграла такой роли, как в 1917 году, когда она не только вызвала революцию, но и оказала решающее влияние на ее ход и исход.

Здесь необходимо бросить беглый взгляд на состояние России перед мировой войной. Оно определилось результатом предшествовавшей революции 1905 года. Революция эта дала России народное представительство, ограниченное, правда, цензом, значительную свободу печати и возможность общественной самодеятельности. Аграрного вопроса, этой коренной социальной проблемы России, она не разрешила, однако она дала возможность постепенного и безболезненного ее решения, благодаря столыпинской реформе. Те же самые перспективы открывались и в рабочем вопросе. Но едва ли не главный непосредственный результат этой революции сказался в развитии интеллигентского самосознания. Опыт революции открыл большинству интеллигенции глаза на самоё себя, на множество недостатков в собственном своем интеллектуальном и нравственном строе. Новый политический и общественный климат, наступивший в России после революции, открыл еще небывалые в прошлом возможности для общего оздоровления ее быта. Однако, для осуществления всех многочисленных задач были нужны два непременные условия: время, свободное от внешних осложнений, и крупная организующая сила, способная повести страну по новому пути. До тех пор такою силой всегда было правительство. Как я старался показать выше, заветной мечтой революционной интеллигенции было передать руководство страной народу, создать чисто народную власть. Революция 1905 года показала всю химеричность таких

надежд и ожиданий. В истории 1-ой Государственной Думы обнаружилась полная неспособность народного представительства, избранного всеобщей подачей голосов, не только взять руководство в свои руки, но и проявить настоящий государственный смысл и гражданский дух. Удивительно скоро обнаружился полный отрыв этой интеллигентски настроенной Думы и от народных масс, и от средних классов. Царизм без особого труда отстоял свои позиции. Однако, это был уже не прежний царизм. Давно расшатанный новыми окружающими условиями, он уже к концу 19 века растерял свои идейные и нравственные опоры. Его религиозная санкция значительно поблекла вместе с омертвением официальной православной Церкви и ослаблением веры в народе. В особенности же важно то, что самой идее самодержавия был нанесен удар полным упадком династии, так ярко выявившимся в умственно и нравственно слабой личности Николая II. И тем не менее целый ряд явлений периода между 1906 и 1914 годами показывает, что Россия постепенно шла к разрешению своих внутренних задач. То были прежде всего несомненный культурный рост, общее отрезвление интеллигенции, зачатки религиозного возрождения и колоссальный экономический подъем страны, включая и крестьянское хозяйство. Вместе со всем этим все более исчезала почва для революционных настроений среди интеллигенции и революционной агитации. Прежней русской революционности 19 века приходил конец; это чувствовал сам Ленин, и чрезвычайно показательным в этом отношении было его подавленное настроение в годы, непосредственно предшествовавшие мировой войне.

Если бы эта война не разразилась над Россией, т.е. если бы международный фактор не вмешался в ее развитие и ей был бы дан более или менее продолжительный срок для мирного строительства своей

жизни, она выбралась бы на обще-европейскую дорогу, с правовым строем, мощной промышленностью, образованным средним классом и массой крепких крестьян-собственников. Но в том еще неустойчивом состоянии, в каком находилась Россия после революции 1905 года, война представляла для нее страшный риск. Тот в значительной степени наигранный оптимизм, с которым верхние слои русского общества и интеллигенция встретили мировую войну, равно как и все их предшествовавшее отношение к внешней политике, весьма наглядно показали полное непонимание ими тогдашней русской действительности. Впрочем, такое же ослепление показали тогда и правительственные круги. Тем поразительнее представляется пророческое предвидение событий, проявленное одним старорежимным бюрократом — Петром Николаевичем Дурново. Его конфиденциальная записка с предостережением против войны с Германией, поданная им Николаю II в феврале 1914 года, показывает, какие государственные умы еще имела в своих рядах реакционная российская бюрократия.

Вот в самых общих чертах содержание этой записки: Россия должна во что бы то ни стало избежать войны с Германией. В случае поражения Германии, в ней произойдет социальная революция, которая может перекинуться и в Россию; в случае же поражения России, что более вероятно, революция в ней произойдет непременно. Эта революция будет социальная: ибо демократические свободы и конституционные гарантии нужны только интеллигенции, а не народу; крестьянству нужна земля помещиков; рабочему классу фабрики; оба пойдут за крайними революционерами; существующий порядок и династия будут сметены. Предсказания Дурново исполнились слово в слово.

Париж. Ноябрь 1949 г.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ

Предлагаемая работа представляет социально-психологический этюд, посвященный проблеме русской интеллигенции. Проблема эта трудна не только потому, что она почти вовсе не разработана научно, хотя об интеллигенции написаны горы книг и в особенности статей. Однако все эти писания, за редкими ценными исключениями[1], в высшей степени поверхностны, причем замечательно то, что никто из писавших не поставил себе целью дать точное определение понятия интеллигенции, как культурно-социальной группы. Большею частью в рассуждениях об интеллигенции господствует полное смешение понятий. Поскольку в нижеследующем я задался целью дать научное, и по возможности исчерпывающее определение понятия интеллигенции, мне приходится начинать изложение издалека и прежде всего отдать себе отчет в том, что представляла собою знаменитая русская интеллигенция старого порядка, как социальный класс исчезнувшая в хаосе большевистской революции.

Последними словами я сразу определяю интеллигенцию как особый класс. При этом я исхожу из взгляда, что классы общества формируются не только на экономической основе. Интеллигенция такой основы не имела; пожалуй, для нее характерно именно отсутствие определенной и прочной материальной базы. Зато

---

[1] Я имею в виду особенно сборник « Вехи », Москва 1909 год.

она обладала другими связующими началами — психологическим и идейным. В таком случае ее можно было бы назвать также сектой или орденом, если бы только она имела определенную внутреннюю структуру и более единообразную идеологию. А потому ее правильнее считать скорее общественным классом, чем сектой или орденом.

Я недаром назвал русскую интеллигенцию « знаменитой ». На этот титул она имеет право по различным мотивам. Во-первых, благодаря той роли, которую она сыграла во внутреннем развитии страны, начиная с 40-х годов 19-го века и кончая первым десятилетием советского режима. Во-вторых, было время на грани 19 и 20 столетий, когда это специфически русское социально-культурное явление было открыто Западной Европой, как и самый термин, его обозначавший, и вызвало ее почтительное удивление. Действительно, тогда показалось немаловажным фактом, что в стране, имеющей всеобщую репутацию отсталости и некультурности, мыслящие и просвещенные элементы общества составляют особый класс, своеобразную демократическую республику, с которой реакционному правительству очень и очень приходится считаться. Правда, заинтересованные этим явлением западноевропейцы не проникли в него глубоко, тем более, что и в самой России оно понималось довольно поверхностно и неопределенно. В интеллигенции видели просто совокупность образованных элементов общества и перенесли этот термин к себе в Западную Европу. С тех пор во Франции, Англии и Германии часто говорят о своей собственной интеллигенции, понимая под этим термином людей по преимуществу умственного труда или умственных интересов вообще. Это ставшее в Западной Европе довольно обычным словоупотребление, собственно говоря, мешает правильному пониманию сущности прежней русской интеллигенции, как

явления специфически национального, свойственного определенному моменту общественного, политического и культурного развития России. Ибо отнюдь не случайно то, что существование интеллигенции началось в эпоху николаевской реакции и кончилось в первое десятилетие после большевистской революции.

Как явление чисто-русское, интеллигенция представляет собою продукт национального русского характера (в этом смысле она далеко не так оторвана от народа, как это принято думать), своеобразного культурного развития России со времени ее приобщения к западноевропейской образованности и определенного политического момента, а именно правительственной реакции николаевского царствования, длившейся затем с перерывами, в сущности, до февральской революции 1917 года. Эта реакция была, так сказать, постоянным благоприятным удобрением той национальной психологической и культурной почвы, на которой выросла русская интеллигенция.

Во внутренней истории России, в течение трех четвертей века, предшествующих революции 1917 года, интеллигенция представляет чрезвычайно заметное, яркое явление. Ее роль, в особенности в общественном движении этого периода, бросается в глаза; об интеллигенции говорилось и писалось очень много, и тем не менее до сих пор не существует не только настоящей ее истории, но и точного, общепринятого ее определения, как социального и культурного явления. Даже столь нашумевший в свое время сборник « Вехи », подводивший в 1909 году итоги общественной и культурной роли интеллигенции в России, в отдельных статьях своих выдающихся авторов не дает единообразного и четкого определения понятия интеллигенции. Самый термин « интеллигенция », как считают обычно, был пущен в оборот Боборыкиным в 70-х годах, однако

Струве [2] напоминает, что он встречается уже в тургеневской повести « Странная история », которая была написана, повидимому, раньше 70-х годов. Впрочем термину этому в повести не придается определенного содержания, он скорее представляет просто намек на некую избранную часть местного общества.

Не употребляя самого термина, нарождение понимаемой под ним группы довольно точно характеризует Белинский, которого самого можно назвать едва ли не первым интеллигентом и который в особенности содействовал формированию интеллигентского сознания. Вот что говорит он в статье « Мысли и заметки о русской литературе » (1849 г.) : « Литература наша создала нравы нашего общества, воспитала уже несколько поколений, резко отличающихся одно от другого, положила начало внутреннему сближению сословий, образовала род общественного мнения и произвела нечто вроде особенного класса в обществе, который от обыкновенного *среднего* сословия отличается тем, что состоит не из купечества и мещанства только, но из людей всех сословий, сблизившихся между собой через образование, которое у нас сосредоточивается исключительно на любви к литературе ». И далее: « И в наше время уже нисколько не редкость встретить дружеский кружок, в котором найдутся и знатный барин, и разночинец, и купец, и мещанин, — кружок, члены которого совершенно забыли разделяющие их внешние различия и взаимно уважают друг в друге просто людей. Вот истинное начало образованной общественности, созданной у нас литературой ». [3]

Итак, Белинский формирующим началом этой

---

[2] (См. сборник « Вехи », М., 4-ое изд. 1909, стр. 159).
[3] Белинский, Сочинения, изд. Иванова-Разумника 1911, т. III, стр. 499, 503.

особой новой социальной группы считает образование, которое выражается в литературных интересах. Здесь определение интеллигенции еще не дано, но верно отмечена одна особенность русского общественного быта, на почве которого и возникла интеллигенция, как группа, объединяющая людей разных сословий. Что такая отдельная группа могла возникнуть по признаку если не образованности, то литературных или вообще умственных интересов, это является особенностью именно России, и причина этому лежит в ее позднем приобщении к западно-европейской цивилизации. В Западной Европе образование росло вместе с народом, постепенно и органически. Хотя его лабораторией и было по преимуществу среднее сословие, однако это последнее не выделялось резко от прочих сословий по признаку образования, которое в них также было рапространено в достаточной степени. Поэтому более или менее образованные люди встречались в каждом сословии, их знания и интересы не проводили резкой грани между ними и их ближайшей общественной средой. Иное было у нас. Европейская образованность со времен Петра сделалась привозным продуктом, совершенно чуждым русскому народу и обществу. Она в известной, обязательной дозе была сразу навязана только дворянству и отделила его от остального народа. Постепенное приближение к ней элементов из других классов полагало между ними и их прежней средой резкую грань; таким образом, все мало-мальски образованное и живущее умственными интересами должно было оторваться от родной среды, обособиться и составить отдельную социальную группу. Однако, как я постараюсь показать дальше, эта группа и интеллигенция — еще не одно и то же.

Среди всех социальных образований интеллигенция есть одно из самых неопределенных и трудно уловимых,

ибо она не является ни сословием, ни корпорацией, ни классом в обычном смысле этого слова. Она не имеет внутри себя ни экономических, ни правовых, ни профессиональных связей. В категорию интеллигенции входят люди различного общественного положения, разнообразных профессий. Началом, объединяющим интеллигенцию в одно целое, является не только определенная умственная настроенность, идейность, но прямо-таки известный психический склад, в той или иной степени свойственный всем входящим в группу индивидам. Также и внутренним группировкам свойствен тот или иной признак « идейности » и эмоциональности, причём в отдельных случаях приходится говорить о большей или меньшей степени принадлежности данного лица к категории интеллигенции. Таким образом, внутри этой общей категории есть подразделения, группы, из которых одни в большей, другие в меньшей степени окрашены в соответствующий всей категории цвет, т.е. в различной степени соединяют в себе характерные для интеллигенции признаки.

Интеллигенцию можно признать также возрастной группой не только в том смысле, что ее ядро, основную группу составляет молодежь, в первую очередь молодежь университетская, «студенчество», представляющее как бы боевой отряд интеллигенции, но также и в том смысле, что по эмоциональности и настроениям этой молодежи обычно равняется также и старшее поколение интеллигенции, в особенности умственно-деятельные ее элементы, профессура, доценты, а также публицисты. Как мы увидим дальше, волей судеб случилось так, что творцами идейного достояния и вождями интеллигенции часто были молодые люди, выступавшие особенно резко и ярко в возрасте от 20 до 25 лет: Белинский, Добролюбов, Писарев.

Что эта группа не просто выделена нами по культурному ее признаку (образованности или ум-

ственных интересов), но именно также по признаку социальному, это сказывается в том, что она в известной степени сплочена единым общественным сознанием, благодаря чему она в известных случаях и выступает солидарно, одинаково реагируя на политические и общественные события и явления.

Если интеллигенция представляет группу, основанную на « идейном » начале, то это все-же отнюдь не значит, что отличительным признаком ее является образованность, что, следовательно, чем более богатыми знаниями обладает кто-либо, с тем большими правами он должен быть причислен к интеллигенции. Нет, интеллигенция — это не просто образованный класс, хотя большею частью, в обычном словоупотреблении она и понимается в таком именно смысле, как я указывал уже это выше. Можно даже сказать, что наиболее образованный слой общества не принадлежал к интеллигенции в России или принадлежал к ней в наименьшей степени, как нельзя причислять к интеллигенции также и духовный « цвет » русского общества, большинство его подлинно творческих натур, как Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Толстой, Достоевский, хотя Толстой — проповедник и общественник — отчасти и приближается к интеллигенции. Тем более не относятся к ней служители чистого искусства, музыканты и художники, обладающие истинно творческим гением.

В таком случае что же такое интеллигенция ?

Я сказал уже, что интеллигенция представляет специфически русское культурно-социальное явление, притом свойственное определенной эпохе, выросшее на почве национального характера (как элемента вечного) и определенных социальных отношений и политической ситуации (как элементов временных). Интеллигенция

— это та часть общества, которая, обладая известной суммой образования (иногда даже полуобразования), является «критически мыслящей» и главную цель своего существования полагает не в практической деятельности [4], а в обсуждении теоретических вопросов, имеющих своим предметом в первую очередь общественные и политические отношения, а вопросы нравственные и отвлеченные — лишь поскольку они с этими отношениями связаны. В большинстве своем интеллигенция настроена не только критически, но и отрицательно к существующему порядку, особенно в России. Поэтому она в большинстве своем является во всяком случае передовой, а в известных своих подразделениях также и революционной. Подлинная интеллигенция кроме того индифферентна в религиозном отношении и отчасти прямо-таки атеистична и враждебна церкви, как учреждению существующего порядка, который ею отрицается. Сказанным только-что интеллигенция определена в идеологическом отношении. Однако ее психическая сущность гораздо сложнее, поскольку дело здесь идет не о мышлении только, но и о характере, о целом психическом складе данной группы, представляющей нечто чрезвычайно

---

[4] Этим я отнюдь не хочу сказать, что интеллигенция, так сказать, по должности ничего не делает; позднее ее главную массу составляют люди какой-либо профессии, специальности или люди умственного труда: врачи, инженеры, адвокаты, журналисты, профессора, так называемый «третий элемент» и т. д. Однако, можно сказать, что специфический признак принадлежности к интеллигенции у таких лиц именно в том и заключается, что не профессия, не специальное их дело формирует их духовный тип, а общее им всем умонастроение и объединяющая их критическая установка в отношении к деятельности, особенно к общественности, их «оппозиционность». Что же касается первого поколения дворянской интеллигенции, то, как видно из слов Герцена, оно прямо-таки устранялось от практической деятельности, предаваясь своему критицизму и отрицанию, благодаря обеспеченному досугу. Замечательно, как мало отразилась в «Былом и Думах» Герцена его «служба», которой он был занят в ссылке.

сложное и не охватываемое короткой определяющей формулой. Эта сложность тем значительней, что интеллигенция представляет историческую формацию, сложившуюся постепенно и хранящую в себе наследие различных периодов своего существования и развития.

Итак, интеллигенция есть не только общественная группа, но и некоторое психологическое образование, специфически русский общественно-психологический тип. В качестве такого он представляет сложное сочетание различных черт, обусловленных исторически. Образование этих черт можно сравнить с напластованием различных слоев в геологических формациях с тою лишь разницей, что слои эти не остаются лежать неподвижно в порядке своего возникновения, но, однажды возникнув, продолжают в большей или меньшей степени жить и проявляться, как в живом организме, в сочетании с последующими, тоже исторически обусловленными психическими образованиями. Быть может, будет еще вернее прибегнуть к аналогии с закваской, вследствие чего дело представляется так, что сложившийся в определенный исторический момент облик интеллигента затем уж образует его психологическую основу, несколько видоизменяемую или заслоняемую позднейшими чертами, однако никогда не исчезающую полностью и всегда оказывающую известное органическое действие. Таким образом, психика интеллигенции вплоть до последнего времени носит на себе печать своего происхождения, в ней прочно сохраняются некоторые эмоциональные черты, образ мыслей и умственные замашки, равно как постоянные черты характера, ей неизменно присущие, тогда как идейное ее содержание все время в значительной степени менялось, как своего рода мода. Более или менее постоянными и устойчивыми оставались также бытовые черты, присущие ей, как социальной группе.

*
**

Психология интеллигенции станет, пожалуй, всего понятнее, если мы остановимся несколько на начальном моменте ее истории. Как социальная группа, она должна иметь некое объединяющее знамя. Таким знаменем служат ей, с одной стороны, некоторые изначальные отвлеченные принципы, с другой, некоторые конкретные явления, именно — некоторые выдающиеся личности, бывшие ее родоначальниками и вождями, собственным бытием определившие ее бытие, личности, имена которых затем приобрели символическое значение для интеллигенции, сделались ее знаменем и святыней. Люди, о которых я говорю, это так называемые идеалисты 30-х и 40-х годов, члены знаменитых кружков Станкевича и Герцена, западников и славянофилов, хотя последних можно отнести к интеллигенции лишь с большими оговорками. Некоторые факты из истории этих людей и этих кружков лучше всего дадут нам представление об основных характерных чертах интеллигенции, как особой социально-культурной группы.

В 50-х годах прошлого века, находясь в заграничной эмиграции, Герцен вспоминает свои молодые годы и русское общество того времени и по этому поводу говорит: « Тридцать лет назад Россия будущего существовала исключительно между несколькими мальчиками, только что вышедшими из детства, а в них было наследие общечеловеческой науки и чисто народной Руси ».[5] Здесь Герцен имеет в виду как раз будущих членов знаменитых кружков, о которых только что было упомянуто, как о родоначальниках интеллигенции, ее, так сказать, первом напластовании,

[5] Герцен, Избранные философские сочинения М. 1940, стр. 266.

давшем ей основную закваску для будущего. Чтобы понять это будущее, надо несколько внимательнее остановиться на этом первом напластовании.

В этом первом отряде интеллигенции мы сейчас же увидим черты, и общенациональные, и сословные. Как я уже сказал, и как это будет развито еще дальше, характерной чертой интеллигенции является критическая настроенность и склонность к отрицанию. И это не случайно. Критицизм противоположен практицизму. Этому последнему противоположны также мечтательность и склонность к утопии, к созданным фантазией заманчивым далям и перспективам, уводящим от реальной действительности, особенно, если она не удовлетворяет вкусам, культурным запросам и нравственным требованиям данного субъекта. Деловитость и практицизм — черты отнюдь не чуждые русскому национальному характеру, скорее даже они свойственны ему в высокой мере. Ибо этими свойствами было создано русское государство и народное хозяйство, весь прежний суровый уклад русской общественной и частной жизни. Эти свойства в особенности присущи нашему купечеству и крестьянству. Тип дельца встречается в русском народе часто даже в крайнем, отрицательном своем выражении, ибо что иное представляет собою пресловутый « кулак » ? Однако психике русского человека, как и всей русской жизни, свойственна противоположность крайностей. Практицизму, приятию действительности соответствует на противоположном полюсе отрицание ее, критицизм и мечтательность, полное отсутствие деловитости. Вот этот-то второй полюс русского национального характера воплотился в нашей интеллигенции, сделался ее закваской в лице первого поколения интеллигенции, вышедшего из дворянства.

Что интеллигенция могла выйти только из дворянства и должна была выйти из него, это опять-таки

факт, обусловленный национальной историей и национальным бытием. Жить в оторванности от действительности, отдаваясь своему критицизму, отвлеченным мыслям, мечтам и настроениям, можно было либо абсолютно презирая материальные блага, умея существовать буквально на хлебе и воде, либо обладая обеспеченным досугом. Первая возможность дала в результате странничество и сектантство, вторая — дворянскую интеллигенцию. Недаром между теми и другими находится много точек соприкосновения; однако, исследование этой проблемы завело бы нас слишком далеко и не входит в мою задачу. Речь идет о дворянской интеллигенции. Именно дворянство обладало обеспеченным досугом, ибо, за полвека до того освобожденное от обязательной государственной службы, оно в России было единственным сословием, которое могло существовать, ничего не делая, на доходы от своих крепостных поместий. Естественно, что эта возможность ничегонеделания в соединении с природной одаренностью и живостью ума русского человека, а также при наличии в дворянстве умственных возбудителей в виде пересаженных в его среду сначала принудительно, а затем и добровольно плодов западно-европейской образованности, чрезвычайно способствовала тому особенному умонастроению дворянства, которое легло в основу интеллигентской психологии.

Привольный, свободный от практического дела и обязательств, ленивый дворянский быт середины 19 века явился весьма благоприятной почвой для развития всех тех черт ума, характера и воли, которые затем стали духовным достоянием русской интеллигенции, перейдя к ней по наследству от этого первого ее дворянского поколения.

Для уяснения себе этой стороны дела стоит привести некоторые из высказываний того же Герцена. Описывая пребывание за границей одного своего героя,

образ которого взят конечно из действительности, он говорит: « Дела, само собой разумеется, и там ему не нашлось; он занимался бессистемно, занимался всем на свете, удивлял немецких специалистов многосторонностью русского ума, удивлял французов глубокомыслием, и в то время, как немцы и французы делали очень много, он — ничего ». Говоря вообще о своем поколении, Герцен характеризует связь этой бездеятельности с бытовым окружением: « Мы чаще всего начинаем жить вновь, мы от отцов своих наследовали только движимое и недвижимое имение, да и то плохо храним: от того по большей части мы ничего не хотим делать, а если хотим, то выходим на необозримую степь — иди куда хочешь, во все стороны — воля вольная, только никуда не дойдешь: это наше многостороннее бездействие, наша деятельная лень ».[6] Другой человек той же эпохи, участник одного из тогдашних кружков, а именно кружка Одоевского, говорит о себе: « Прожектов много, а лени еще больше. Не знаю отчего мне даже некогда читать то, что хочется; а некогда, вероятно, от того, что я ничего не делаю ».[7]

Слова Герцена о том, что в годы реакции после декабрьского восстания Россия будущего была представлена только несколькими мальчиками, т.е. группой, к которой принадлежал он сам, и которая впоследствии образовала знаменитые московские кружки идеалистов, сразу выражают одну свойственную этому первому поколению интеллигенции черту: полное отрицание

---

[6] Цитирую по Овсянико-Куликовскому, История русской интеллигенции, I, стр. 116 сл. (Над данной статьей автор работал во время войны, в 1944 г., при отсутствии библиотек и необходимых источников. Поэтому для своей работы ему пришлось пользоваться случайными и лакунарными материалами. По этой причине цитаты ему пришлось брать не прямо из цитируемых им авторов, а из имеющихся у него случайно тех или других сочинений).

[7] Ср. у Нелидова, История русской литературы, 85.

окружающей действительности и высокое мнение о себе и своих сверстниках и единомышленниках, как носителях просветительных духовных начал. Этой мыслью Герцен проникнут всецело и высказывает ее не раз. В последекабрьской реакции умственный и нравственный уровень общества чрезвычайно пал, народ молчал, « между этой крышей и основанием зашевелились только дети; ими Россия начала приходить в себя ». Далее Герцен описывает умственное и нравственное состояние этих детей, разлад с окружающей средой, в который они впадают под влиянием воспитания, чтения и университета: « Их остановило совершеннейшее противоречие слов учения с былями жизни вокруг. Учителя, книги, университет говорили одно, и это одно было понятно уму и сердцу. Отец с матерью, родные и вся среда говорили другое, с чем ни ум, ни сердце не согласны, но с чем согласны предержащие власти и денежные выгоды. Противоречие между воспитанием и нравами нигде не доходило до таких размеров, как в дворянской Руси... Число воспитывающихся у нас всегда было чрезвычайно мало; но те, которые воспитывались, получили не то чтобы объемистое воспитание, но довольно общее и гуманное; оно очеловечивало учеников всякий раз, когда принималось. Но человека-то именно и не нужно было ни для иерархической пирамиды, ни для преуспевания помещичьего быта. Приходилось или снова расчеловечиваться — как толпа и делала — или приостановиться и спросить себя: « Да нужно ли непременно служить ? Хорошо ли действительно быть помещиком ? Засим, для одних, более слабых и нетерпеливых, начиналось праздное существование корнета в отставке, деревенской лени, халата, странностей, карт, вина; для других — время искуса и внутренней работы. Жить в полном нравственном разладе они не могли, не могли также удо-

влетвориться отрицательным устранением себя; возбужденная мысль требовала выхода. Разные разрешения вопросов, одинаково мучивших молодое поколение, обусловливало распадение на разные круги».[8]

В этих немногих, но резких штрихах уже намечены главные черты нарождающейся интеллигенции и ее взаимоотношения с обществом: оторванное от жизни книжное воспитание, благородные стремления к возвышенному и духовному, разлад со средой, непримиримость идеала и действительности, невозможность практической деятельности и отвращение от нее, затем распадение всей группы на большинство, впадающее в пошлось, и на избранных, идущих на искус и труд, уход этих последних от жизни в умственные интересы и идейные искания по различным путям, приводившим к разногласиям.

В этой общей, довольно полной, хотя и скупыми штрихами написанной картине тогдашней русской жизни свет и тени распределены ее автором, конечно, субъективно. Как интеллигент, Герцен осуждает жизнь и оправдывает ее критиков и отрицателей — поколение своих сверстников. Приведу еще одно место, где он и в этих последних признает недостатки, однако оправдывая их средой. Характеристика относится ко времени несколько более позднему, когда поколение уже созрело: «Поймут ли, оценят ли грядущие люди весь ужас, всю трагическую сторону нашего существования? А между тем наши страдания — почка, из которой разовьется их счастье. Поймут ли они, отчего мы — лентяи, отчего ищем всяких наслаждений, пьем вино и пр?.. Отчего руки не поднимаются на большой труд? Отчего в минуту восторга не забываем тоски? О, пусть они остановятся с мыслью и грустью перед

---

[8] Герцен, ib., 268, сл.

камнями, под которыми мы уснем: мы заслужили их грусть!»[9]

Слова, сказанные здесь Герценом, можно перефразировать в том смысле, что умонастроение его и его поколения действительно было почкой, из которой развились идеология и психика позднейшей интеллигенции. Не забудем, что Герцен — один из ее корифеев, из так называемых «властителей дум» своего времени, да отчасти и последующего. Характерно это самолюбование, умиление перед картиной собственных страданий, которая разрисовывается с таким упоением! В этом пафосе много детского и много фразы; все это элементы той закваски, которая войдет в духовное наследие следующих поколений интеллигенции... Но вернемся к умственным интересам и умственной работе «избранных» того первого поколения, как рисует их Герцен.

О духовном пути одного из них, Станкевича, самого выдающегося, но рано умершего, Герцен говорит: «Срочные занятия окончены (Очевидно университетский курс. Д.К.), он предоставлен себе; его не ведут, но он не знает, что ему делать: продолжать нечего было; кругом никто и ничто не звало живого человека. Юноша, пришедший в себя и успевший оглядеться после школы, находился в тогдашней России в положении путника, просыпающегося в степи: ступай куда хочешь — есть следы, есть кости погибнувших, есть дикие звери и пустота во все стороны, грозящая тупой опасностью, в которой погибнуть легко, а бороться невозможно. Единственная вещь, которую можно было продолжать честно и с любовью, — это учение».[10]

Здесь перед нами — опять образец, по которому

---

[9] Дневник, 11 сентября, 1842 г. Цитирую по Овсянико-Куликовскому, цит. соч. I, 180.

[10] Герцен, ib. 271.

будут формироваться следующие поколения русской интеллигенции. В особенности характерно это представление, что Россия — это пустыня, в которой ей, интеллигенции, нечего делать. Что касается учения, то у некоторых из лиц тогдашнего поколения оно дало феноменальные результаты. Самым выдающимся примером является Хомяков, который, правда, как и другие славянофилы, лишь с оговоркой может быть отнесен к группе интеллигенции. Как бы то ни было, его эрудиция была колоссальна, всеобъемлюща. Однако, как настоящий гений, он представляет исключение. Другие учились иначе и приходили к другим результатам. Образование того поколения было большею частью поверхностное, хотя интересы — очень высокого порядка и даже претенциозны. В моде была философия Гегеля. Она порождала бесконечные споры, о которых Герцен совершенно серьезно сообщает такую курьезную вещь: « После бесплодных прений мы увидели, что пришел наш черед серьезно заняться наукой, и сами принялись за Гегеля и немецкую философию. Когда мы довольно усвоили ее себе, оказалось, что между нами и кругом Станкевича спору нет ».[11]

Выходит так, что спорили о предмете, собственно, не зная его, а когда изучили основательно, оказалось, что спорить не о чем. Между прочим, Станкевич засадил за философию также Бакунина, впоследствии одну из крупнейших фигур русской интеллигенции, анархиста-революционера, который, по словам Герцена, до того времени ничем не занимался, ничего не читал, ничего не делал также у себя на военной службе. Однако Бакунин вместе с другим будущим « властителем дум » интеллигенции Белинским, понял гегелевскую философию совершенно превратно, о чем я

[11] Герцен, ib., 270.

скажу впоследствии. Тем не менее, Герцен, вспоминая об этом времени и этих лицах двадцать с лишним лет спустя в своей заграничной эмиграции, окружает их необычайным ореолом, и этот ореол остался за ними в головах и сердцах всех последующих поколений интеллигенции вплоть до большевиков. Вот как рисует он их: « Что же коснулось этих людей, чье дыхание пересоздало их ? Ни мысли, ни заботы о своем общественном положении, о своей личной выгоде, об обеспечении; вся жизнь, все усилия устремлены к общему, без всяких личных выгод; одни забывают свое богатство, другие свою бедность — и идут, не останавливаясь, к разрешению теоретических вопросов. Интерес истины, интерес науки, интерес искусства, humanitas — поглощает все... Где, в каком углу современного Запада найдете вы такие группы отшельников мысли, схимников науки, фанатиков убеждений, у которых седеют волосы, а стремления всегда юны ? В современной Европе нет юности и нет юношей...».[12] Идеализация своего поколения здесь легко объясняется разочарованием в Европе, под влиянием которого писал Герцен свои воспоминания о « юной Москве »[13]; однако Герцен был уже « властителем дум », и созданные им образы вошли в духовное наследие последующих поколений, как святыня. В приведенной мною выше выдержке из « Дневника », более близкой по времени, это поколение изображается иначе. Действительно, «отшельники мысли», «схимники науки », всецело преданные « делу истины », не дали ни единого крупного научного или философского произведения, как не дала ничего подобного и позднейшая интеллигенция. Все тогдашнее, да и последующее научное творчество, поскольку оно развивалось в России, производилось руками таких людей, как математик

[12] Герцен, ib., 272.
[13] Так называется статья, из которой мы берем эти цитаты.

Лобачевский, историк Соловьев, медик Пирогов, которые по умственному складу и всему духовному облику никак не относятся к интеллигенции. О характере разрешения философских, теоретических вопросов тогдашней и последующей интеллигенции Н. Бердяев правильно говорит следующее: «...наша интеллигенция всегда интересовалась вопросами философского порядка, хотя и не в философской их постановке: она умудрялась даже самым практическим общественным интересам придавать философский характер, конкретное и частное она превращала в отвлеченное и общее, вопросы аграрный или рабочий представлялись ей вопросами мирового спасения, а социологические учения окрашивались для нее почти что в богословский цвет... Западничество и славянофильство — не только публицистические, но и философские направления. Белинский, один из отцов русской интеллигенции, плохо знал философию и не обладал философским методом мышления, но его всю жизнь мучили проклятые вопросы, вопросы порядка мирового и философского».[14] Эти слова Бердяева очень хорошо иллюстрируются герценовской характеристикой философии Гегеля: «Философия Гегеля — алгебра революции, она необыкновенно освобождает человека и не оставляет камня на камне от мира христианского, от мира преданий, переживших себя».[15]

Если наша интеллигенция стремилась практическим общественным вопросам придавать философскую санкцию, то и обратно, из философских отвлечений она извлекала данные для практических решений и оценок. В этом отношении на первых же порах с Бакуниным и Белинским произошел не малый конфуз. Белинский, не знавший немецкого языка, знакомился с философией Гегеля в изложении Бакунина и благодаря

---

[14] Вехи, М. 4-ое изд. 1909, стр. 4.
[15] Герцен, ib., 257.

ошибке последнего превратно понял гегелевский тезис: все действительное — разумно. Отсюда ряд статей периода 1938-40 г.г. в патриотическом духе, приведших к его разрыву с Герценом.

Впрочем, это направление публицистики Белинского вскоре сменилось другим. Заметив свою ошибку, он, вместо того, чтобы продумать глубже гегелевскую философию, ударился в другую крайность и со свойственным ему азартом « решил, что немецкая идеалистическая философия может только завести человека в тупик, и что поэтому гораздо лучше обратиться к тем положительным социальным учениям, которые давала французская политическая литература того времени ».[16] Такого рода превращения, основанные отчасти на недоразумениях, отчасти на крайностях темперамента, весьма знаменательны для накоплявшегося тогда идеологического фонда первых поколений русской интеллигенции. Тем более знаменательным оказывается влияние, какое приобрел в 40-х годах Белинский на умы молодежи. Именно тогда сделался он « властителем дум » русской интеллигенции и не только для своего времени, но и для следующих десятилетий, сообщив свои установки как некий фермент также и своим преемникам в области публицистики и журнализма. Белинского Герцен считает одним из самых замечательных людей николаевской эпохи за отрицание и ниспровержение авторитетов. Его статьи в толстых журналах, из которых с тех пор интеллигенция стала черпать свои откровения, ожидались молодежью в столицах и в провинции с лихорадочным нетерпением. Экземпляры журнала ходили по рукам, страницы протирались от употребления. Статья Белинского « поглощалась с лихорадочным сочувствием, со смехом, со спорами . . . и трех-четырех верований,

[16] Цитирую по А. Корнилову, Курс русской истории XIX в., П., 92.

уважений как не бывало! » Характерен и знаменателен восторг, с каким говорит здесь Герцен об этой отрицательной разрушительной работе, об этой быстроте ниспровержения верований, уважений, авторитетов. Эти ниспровержения не несли за собою, однако, никакой свободы, ибо на место разрушенных выдвигался новый авторитет самих разрушителей, и целые поколения затем шли к ним в новое духовное рабство.

Вот как описывает славянофил И. Аксаков, идейный противник Белинского, его влияние восемь лет спустя, после его смерти: « И Полевой и Белинский имели огромное влияние на общество, вредное, дурное, но все же громадное влияние. Много я ездил по России, имя Белинского известно каждому сколько-нибудь мыслящему юноше, всякому жаждущему свежего воздуха среди вонючего болота провинциальной жизни. Нет ни одного учителя гимназии в губернских городах, который не знал бы наизусть письма Белинского к Гоголю; в отдаленных краях России только теперь еще проникает его влияние и увеличивает число прозелитов... Мы Белинскому обязаны своим спасением, говорят мне везде молодые, честные люди в провинциях... И если вам нужно честного человека, способного сострадать болезням и несчастиям угнетенных, честного доктора, честного следователя, который полез бы на борьбу, ищите таковых в провинции между последователями Белинского ».[17] Упоминаемое здесь письмо к Гоголю — это знаменитое негодующее обращение « властителя дум » к гениальному писателю за его исповедание своей религиозной веры в « Переписке с друзьями ». Белинский смешивает здесь с грязью заветные религиозные чувства и святыни русского народа и отрицает самую его религиозность. Письмо, конечно, недопущенное к печати по цензурным

---

[17] Ib., стр. 105, след.

условиям, разошлось по России в тысячах рукописных экземпляров, жадно читалось молодежью, заучивалось наизусть, и содержание его ложилось в основание интеллигентского миросозерцания. Атеизм, в лучшем случае религиозный индифферентизм сделались со времени Герцена и Белинского одним из устоев интеллигентского миросозерцания. В дополнение, устами этих же корифеев мне хочется осветить ставшее тоже традиционным отношение к окружающей русской действительности. « Мочи нет », говорит в одном письме Белинский, « куда ни взглянешь — душа возмущается, чувства оскорбляются . . . Мы живем в страшное время, судьба налагает на нас схиму: мы должны страдать, чтобы нашим внукам было лучше жить ».[18] В другом письме читаем: « . . . На нас обрушилось безобразное состояние общества, в нас отразился один из самых тяжелых моментов общества, сильно отторгнутого от своей непосредственности и принужденного тернистым путем идти к приобретению разумной непосредственности и очеловечиванию. Положение истинно трагическое ! . . Меня убило это зрелище общества, в котором властвуют и играют роли подлецы и дюжинные посредственности, а все благородное и даровитое лежит в позорном бездействии на необитаемом острове . . . Отчего же европеец в страдании бросается в общественную деятельность и находит в ней выход из самого страдания ? . . ».[19] Герцен же дает этому отрицанию положительное обоснование: « Великий обвинительный акт, который русская литература составляет против русской жизни, это полное и горячее отречение от собственных ошибок, эта исповедь, приходящая в ужас от своего прошлого, эта горькая ирония, заставляющая краснеть перед настоящим, все

---

[18] Из письма Боткину от 14 марта 1840 г. Цитирую по Овсянико-Куликовскому.

[19] Ib., 182, письмо от 13 августа 1840 г.

это — *наша надежда, наше спасение, прогрессивный элемент нашей истории*».[20] Последние подчеркнутые мною слова прямо поразительны. Чувство и идейная установка в отношении к своему русскому прошлому, перешедшие в плоть и кровь русской интеллигенции, как нельзя более характеризуют ее, если можно так выразиться, негативный национализм: самоотрицание, самоунижение вменяется себе в заслугу, как « прогрессивный элемент » ! Эта установка заставляла русскую интеллигенцию радоваться русским поражениям в Крымской кампании и в японско-русской войне, она же внушила большевикам их кощунственное попрание всех исторических традиций и святынь России, их систематическое разрушение русского прошлого.

Новейший из предреволюционных историков интеллигенции, Овсянико-Куликовский, по поводу отношения людей 40-х годов к настоящему и прошлому России, говорит: « Это были нравственные страдания человеческой личности, угнетенной общей пошлостью и попираемой общим бесправием ... Эти стоны, эти жалобы, это благородное негодование образуют ценное душевное состояние, завещанное людьми 40-х годов последующим поколениям ».[21] Итак, критика русской действительности, ее отрицание, даже ненависть к ней со времени людей 40-х годов действительно сделались духовным наследием, превратились в « душевное состояние последующих поколений », бывшее в их глазах « ценным », представлявшее « нашу надежду, спасение, прогрессивный элемент нашей истории ».

Совершенно правилен давно установившийся взгляд, что критическое, отрицательное умонастроение первого поколения русской интеллигенции сформировалось под действием правительственной реакции николаевской эпохи, и что в следующих поколениях оно

---

20 Герцен, ib., стр. 245.
21 Ib., стр. 180.

поддерживалось тою же неизменно продолжавшейся реакцией, ибо короткий период правительственного либерализма в 60-х годах 19 в. и уступки революционному напору в 1905 году почти не идут в счет. « Русская интеллигенция », говорит Бердяев, « была такой, какой ее создала русская история. В ее психическом укладе отразились грехи нашей болезненной истории, нашей исторической власти и нашей вечной реакции. Застаревшее самовластие исказило душу интеллигенции, поработило ее не только внешне, но и внутренно, так как отрицательно определило все оттенки интеллигентской души ».[22] Если такое равенство отрицательных величин — искаженности русской действительности соответствует искаженность интеллигентского сознания — признается даже таким суровым критиком интеллигенции, как Бердяев, то сама интеллигенция полностью убеждена не только в закономерности, но и в положительном характере этого явления: критическое, отрицающее умонастроение интеллигенции есть объективное следствие отрицательной русской действительности.

Несмотря, однако, на такое вкоренившееся в русской мысли представление, я позволю себе высказать взгляд, что здесь мы имеем перед собою не факт, а проблему. Русская действительность в прошлом и настоящем представляет собою нечто суровое, даже жестокое, но, во-первых, также и она не лишена положительных сторон, которые отнюдь не должны быть сбрасываемы со счета при подведении общего итога. Однако, еще важнее то, что отрицание этой действительности у европейски воспитанных дворян-идеалистов 40-х годов и, по традиции, у последующей разночинной интеллигенции брало для себя критерием заимствованные

[22] Вехи, стр. 22.

со стороны вкусы, мерки и принципы, было таким образом скорее капризом и прихотью, нежели действительным отражением иного склада человеческой натуры и заложенных в ней нравственных и умственных начал. В сущности, отрицатели разделяли все пороки и слабости, против которых они восставали в окружающей среде и в ее прошлом. Отсюда — столь распространенные рецидивы у большинства отрицателей, отсюда — собственная бездеятельность даже лучших, оставшихся верными идеалам и принципам юности. Белинский говорит с возмущением о засилии подлецов и дюжинных посредственностей, о бездействии благородных и даровитых и тут же указывает на то, что европеец бросается в общественную деятельность и находит в ней выход из самого страдания. Удивительно, что никому из этого поколения и в голову не приходила мысль об обязанности каждого члена общества работать делом, а не словом только и не критикой, хотя бы для устранения недостатков быта, вызывающих негодование. Поразительно, как это первое поколение интеллигенции спокойно осталось на иждивении безнравственного крепостного режима, против которого было произнесено столько негодующих слов. Поразительно отсутствие у этих идеалистов, в большинстве дворян, какой бы то ни было инициативы и попыток улучшения быта собственных крестьян. Последующие поколения интеллигенции оправдали их, признав, что *слово* было их *делом,* и в большинстве остались на позициях критики, отрицания и воздержания от практической деятельности.

Как ни сурова и жестока была окружающая действительность, это была жизнь, и как-то приходилось в ней существовать, худо ли хорошо ли ее строить. И весь этот поток шел мимо интеллигенции, и если тот или другой ее представитель творчески участвовал в ней, то это делалось либо по инерции,

пассивно, ради куска хлеба, либо же, в противном случае, такому деятелю приходилось снимать свой интеллигентский мундир и становиться совсем на другую этическую почву. Однако большинство людей, которыми держалась и строилась жизнь, которыми она все же упорядочивалась, совершенствовалась, при Николае I, государственные деятели, администраторы, чиновники, техники стояли вне круга интеллигенции, представляли разряд скромных, часто незаметных, но чрезвычайно дельных тружеников, несших на себе всю ответственность за выполняемое жизненное дело со всеми его недостатками, но также и достоинствами. Первое поколение критикующей, отрицающей интеллигенции, само сознававшееся в своей лени, предпочитало оставаться на позициях этой лени и инертности. В таком случае, не объясняется ли чрезмерная критика и очернение русского прошлого и настоящего в значительной мере подсознательным желанием оправдать свою лень и бездеятельность ? Если это так, то критическая позиция интеллигенции, отказ от своего прошлого и настоящего представляет не положительную реакцию на пороки и недостатки реальной действительности, не корректив к ней, не « надежду, спасение и прогрессивный элемент », как это думал Герцен, но лишь концентрацию известных черт национальной психики в данной общественно-культурной человеческой группе, каковой является интеллигенция. Русское прошлое и русская действительность кажутся нам неприглядными в особенности потому, что русскому характеру свойственно видеть в окружающей жизни прежде всего отрицательное и темное. Ведь недаром и русская литература, это яркое отражение национального духа, так блестяще изобразила отрицательные стороны быта и так мало сумела узреть и отметить стороны положительные. Что неприятие жизни, ее отрицание вообще заложено в русском национальном

характере, это подтверждается также свойствами русской религиозности и православного аскетизма.

⁂

Я не пишу здесь истории русской интеллигенции; в предшествущей главе я приводил конкретные факты только для того, чтобы этим наглядно характеризовать психический строй интеллигенции, в его источнике. Я должен и в дальнейшем касаться исторических фактов, чтобы показать этот строй, а также идеологию интеллигенции в их развитии и дальнейшем усложнении.

Уже в 50-х годах интеллигенция из дворянской стала превращаться в разночинную, причем в притоке в ее среду новых «демократических» элементов сыграл роль не только рост народного образования, происходивший и при Николае I, но также и то, что «дух времени» брал свое, влияние публицистики и литературы расширялось и усиливалось, интерес к чтению, склонность «мыслить» и рассуждать также и помимо школы захватывали все более широкие круги, не причастные ни к свободным профессиям, ни к умственному труду в собственном смысле. Процесс этот в свое время нашел свое отражение и в беллетристике, и в мемуарной литературе.

С точки зрения отрицания существующего порядка, на которую, как мы видели, стала интеллигенция, естественно было перейти к оппозиции, а затем и к революционности. Интеллигенция наша в целом всегда была оппозиционна и даже революционна, если не на деле, то в принципе. В смене идеологических течений — западничества, славянофильства, народничества, анархизма, нигилизма, ницшеанства, марксизма, — нереволюционным было, пожалуй, только славяно-

фильство, однако и оно заключало в себе критику и оппозицию существующему порядку вещей. Но западничество, главным образом легшее в основу интеллигентского миросозерцания, в лице Герцена и Белинского сразу сделало своей религией социализм. Я уже приводил слова Герцена о том, как иная статья Белинского в один день разрушала в сознании его молодых читателей « три-четыре авторитета или уважения ». Бакунин уже в 1842 году провозгласил, что « страсть к разрушению есть созидающая страсть ». Писарев, далеко не склонный лично к революционной практике, но стремившийся к радикальным переменам, призывает молодежь к потрясению и разрушению авторитетов. Нигилизм, который он проповедовал, представлял борьбу за « идивидуальность », за освобождение личности от вековых бытовых условностей и предрассудков. Уже в 1860 году Писарев требует, чтобы юношеству было предоставлено право публично говорить, писать и печатать и « встряхивать своим самородным скептицизмом те залежавшиеся вещи, ту обветшалую рухлядь », которые называются « общими авторитетами ». « Вот заключительное слово нашего юного лагеря », восклицает Писарев в каком-то экстазе: « что выдержит удар, то годится; что разлетится в дребезги, то хлам; во всяком случае бей направо и налево, от этого вреда не будет и не может быть ».[23] Заметим себе эту тираду; ее придется вспомнить, когда мы будем рассматривать роль молодежи в среде интеллигенции; призывы Писарева найдут себе не только отклик, но и выполнение в теории и практике большевизма. В 90 годах, после реакции предшествующего десятилетия, вся читающая публика рукоплескала Горькому, возводившему чуть ли не в идеал тип босяка — разрушителя всех сложившихся веками устоев и

23 Писарев, Сочинения, 1895, Т. I, 374, сл.

культуры. Но и прямая революционность быстро заняла, если не в идеологии, то в настроениях интеллигенции, почетное место. Характерное свойство интеллигенции заключалось именно в том, что оттенки мнений в ее среде представляли целую градацию от крайнего крыла до умеренного, однако момент отрицания всегда составлял связующий цемент между многочисленными ее группами.

Февральский переворот 1848 года во Франции послужил толчком к революционизации некоторых групп интеллигенции; тогда появились кружки молодежи, исповедовавшие утопический социализм, как Петрашевцы и другие. Неудача Крымской кампании пробудила все общество и уже практически поставила на очередь реформы, идея которых теоретически занимала умы интеллигенции все предшествовавшее десятилетие. С конца 50-х годов и в 60-х не только интеллигенция, но и все общество в целом, а также народная масса были настроены в пользу реформ и пребывали в нетерпеливом их ожидании. С тех пор степень оппозиционности интеллигенции определяется двумя противоположными факторами — курсом правительственной политики, с одной стороны, выступлениями революционных групп интеллигенции, с другой. Такое состояние перемежающихся пароксизмов политической лихорадки, начиная от эпохи так называемых великих реформ, продолжалось вплоть до революции 1905 года, а с некоторыми изменениями даже и до революции 1917 года. Говоря вообще, пароксизмы эти выражались в том, что в моменты правительственной реакции интеллигенция в целом захватывалась революционностью ее крайних групп, и общее сочувствие толкало эти последние на их крайние выступления. Наоборот, эксцессы этих последних отбрасывали затем интеллигентскую массу вправо и создавали благоприятную почву для реакционной политики прави-

тельства. Однако, в общем, сочувствие революции, хотя бы бессознательное, в интеллигенции преобладало и, несмотря на реакционные перерывы, шло повышаясь вплоть до 1917 года, что в общем и создало в русской общественности ту атмосферу, которая в конце концов подорвала веру в авторитет и порядок не только в обществе и в народе, но и у самих представителей этих начал. Эта вера была подорвана в сознании русского общества, отчасти даже у консервативных его кругов, за много десятилетий до того, как самые начала окончательно рухнули в октябрьской революции 1917 года.

Момент революционности в интеллигенции быстро соединился с моментом возраста. Мы уже видели только что, к кому обращал Писарев свои призывы к разрушению авторитетов. Совершенно естественно, что в революционную практику бросилась прежде всего молодежь, но также и тут в истории интеллигенции имеются совершенно определенная преемственность и традиция. Если в первом поколении интеллигенции молодежь представляла собою всю критически мыслящую Россию (вспомним « мальчиков » Герцена и кружки молодежи 30-х годов), то с конца 50-х годов молодежь взяла на себя роль специально революционного авангарда. Из молодежи состояли кружки Петрашевского, Кашкина, Дурова и других в 50-х годах, а с 60-х годов студенчество и университетские беспорядки выдвигаются на первый план общественной жизни России, университет становится клапаном настроений передовой интеллигенции, со словом « студент » связывается все прогрессивное, живое, все обращенное к « светлому будущему ». Такую роль студенчество играет вплоть до революции 1905 года, а в известной степени и после нее. Молодежь поставляет также отряды просветителей и пропагандистов, двинувшихся в

народ в 70-х годах, одни — чтобы нести ему блага просвещения, другие — чтобы возбудить в нем революционное движение.

Роль авангарда в общественном движении и в революции молодежи навязывали ее « властители дум », теоретики революционного движения. Бакунин, который считал, что русский народ, этот « прирожденный бунтарь », совершит социальную революцию во всем мире, призывал молодежь помочь народу устроить этот бунт, « чтобы избить повсюду дворян и чиновников, чтобы захватить всю землю в свои руки и образовать на ней сельские свободные общины, основанные на коллективной собственности ». Также и Лавров требует от молодежи длительной пропаганды в деревне идей « социальной революции ». Все сказанное здесь придется вспомнить в связи с идеологией большевистской фракции интеллигенции.

Постепенно во внутреннем соотношении сил и влияний интеллигенции установилось то начало педократии (господства детей), которое составляет столь поразительную и печальную ее черту. Это господство молодежи в интеллигенции связано с двумя моментами, имеющими свои корни в русской национальной психологии. В Западной Европе тоже случалось, что молодежь становилась в авангарде общественного движения: так было в Германии в эпоху реакции после Венского конгресса, так было во Франции перед февральской революцией, итальянские патриоты рекрутировались в большинстве из молодежи. Однако нигде господство не достигало такой степени и не превращалось в столь длительное явление, как в России. Увлечение крайностями в особенности свойственно молодому возрасту, с другой же стороны, резкие контрасты и склонность к преувеличиваниям представляют одну из национальных черт быта и

характера русских людей. Естественно поэтому, что представительница крайнего начала — молодежь приобрела такое влияние именно в русском обществе. В Западной Европе влияние молодежи могло быть только временным и не превращалось в засилье над обществом, как у нас, ибо традиционный общественный порядок был слишком прочен, уважение перед всяческими авторитетами, в том числе и перед авторитетом возраста, на практике стоял непоколебимо, и об эти испытанные устои разбивались все волны самых крайних и революционных теорий. Иное в России. Самодовлеющую силу имело у нас только государство; общество же, со времени Петра привыкшее сдавать свои позиции перед государственным принуждением, оказалось слабым также и перед всякой другой силой, в данном случае перед напором революционных идей и их носительницы — молодежи. В относящемся к 60-м годам романе Тургенева « Отцы и дети » удивительно верно схвачены и изображены слабая, пасующая позиция старшего поколения перед младшим. Соотношение сил, характерное для 60-х годов, осталось действительным также и в последующие десятилетия, вплоть до наших дней.

Выше я сказал, что ни глубокое и разностороннее образование, ни творческое дарование не являются отличительным признаком интеллигенции. Напротив, ее характеризует скорее поверхностность образования, даже полуобразованность, и чем дальше движется время, тем больше. Это стоит в связи и с критической настроенностью интеллигенции, и с значением в ней возрастного момента и, наконец, с тем, что интеллигенция все более демократизируется, вбирая в себя массу элементов в провинции, вплоть до глухих ее углов, элементов « стремящихся к свету, просвещению, знанию ». Согласно своей первоначальной идеалисти-

ческой закваске, интеллигенция в лице своих лучших представителей, «властителей дум», стремилась исправлять действительность прежде всего просвещением. Просвещенство становится главным содержанием ее деятельности со времени Белинского. Как мы видели, его статьи давали духовную пищу всей нарождающейся интеллигенции. Его продолжателями на поприще просвещенства становятся затем Чернышевский, Добролюбов и особенно Писарев. Писарев водворяет в умы русской интеллигенции фанатическую веру в науку, в ее абсолютную ценность, как орудие прогресса. Вместе с нею он водворяет в интеллигентскую идеологию материализм, который проповедовался тогда натуралистами Фохтом, Бюхнером и Молешоттом, книжки которых пользовались огромным успехом у интеллигенции. Но вера в науку здесь особая. Со времени Писарева интеллигентская оценка науки — всецело утилитарная. Писарев, который все свои силы посвятил популяризации естествознания, считал, что его рост приведет к техническому прогрессу и, следовательно, к увеличению материального благосостояния страны и явится реальной основой для переустройства общественной жизни.[24] Нужна лишь такая наука, которая принесет непосредственную материальную пользу обществу и особенно народу, и лишь в той мере, в какой это нужно для достижения цели. Занятие наукой самой по себе, ради открытия истины, без практического применения, скорее даже вредно. Это своего рода духовное сибаритство, барство.[25] Поэтому интел-

---

[24] Большая Советская Энциклопедия, т. 45, стр. 415.

[25] «Писарев считал, что к знанию надо подходить с точки зрения приложимости его к практике жизни... Он был глубоко убежден в том, что естествознание может окончательно опровергнуть идеализм и богословие». (Ib., стр. 417). Чернышевский указывал, что в русских условиях того времени (50-60-е годы) академические занятия философией, оторванные от общественной действительности, не могут и не должны иметь места. В науке

лигенция, как таковая, в настоящей творческой науке бесплодна.[26]

Отношение интеллигенции к науке наглядно выражается оценкой, которую она дает деятелям науки. В них она ценит прежде всего прогрессивность общественных взглядов и оппозиционность правительству; в оценке ученого играет также большую роль, чтобы он был популяризатором. На этих двух моментах была основана, например, слава Тимирязева, который не сделал в науку никакого особенно оригинального вклада и как ученый стоит ниже своей славы в России. Однако он был популяризатор и прогрессист, отсюда его громкая слава. Он едва ли не единственный ученый, которому большевики поставили памятник. Напротив, окулист Головин, ученый с мировым именем, был в загоне у интеллигенции и особенно у студенчества, как реакционер. Ключевский, считавшийся крупнейшим русским историком, появившись на обычной лекции после своей хвалебной речи в честь Александра III, был освистан студентами и с тех пор в значительной степени утратил свою популярность. Характерно отношение интеллигентного общества к дарвинизму. Он был принят на веру полуобразованной интеллигентской массой, ибо из него можно было сделать антирелигиозные выводы и связать происхождение человека с обезьяной. Всякий ученый «не-дарвинист» имел в интеллигенции дурную репутацию.[27]

и философии он всегда вскрывал их партийную подоплеку; в качестве историка он был прежде всего политическим борцом, и все его исторические работы, равно как и обзоры политической жизни Западной Европы и Америки, служили основной его цели — борьбе с самодержавием и крепостническим дворянством, подготовке крестьянской революции в России. (Ib., т. 61, стр. 376, 392).

[26] То, что было создано в России в области чистой науки, создано людьми, которые ничего не имеют или мало общего имеют с интеллигенцией.

[27] Исключение здесь представляет Чернышевский, но исключение это лишь подтверждает правило, ибо Чернышевским ру-

Таким же утилитарным было отношение интеллигенции к искусству. Здесь тоже решающим оказалось влияние Чернышевского, Добролюбова и Писарева. Чернышевский подчинял эстетику общественным стремлениям революционной демократии своего времени. Он хотел, чтобы искусство было « учебником крестьянской революции ».[28] Замечательны взгляды Писарева на искусство и литературу. По Писареву, как и по Добролюбову, литература должна служить освободительному движению. Писарев хвалит Тургенева, Писемского и Гончарова за то, что они в своем творчестве ставят общественные вопросы. Что касается искусства, то оно нужно лишь тунеядцам; уничтожив эстетику, можно будет те средства, которые тратятся на искусство, направить на хозяйственные нужды. Искусство мешает развитию науки. В статье « Цветы невинного юмора » (1864 год) Писарев советует Щедрину заняться научно-популярными статьями и заявляет, что « увядание нашей беллетристики — хорошие симптомы для будущей судьбы нашего умственного развития ». Он сожалеет, что Белинский не был натуралистом, и считает, что, сделайся он им, он принес бы в десять раз больше пользы, чем как эстетик и гегельянец.[29]

Из всех видов искусства наибольшему влиянию усвоенных интеллигенцией установок подверглась живопись. Целая эпоха развития русской живописи оказалась искаженной. Движение, известное под именем « передвижничества », поставило русскую живопись

ководили утилитарные политические мотивы: основной причиной холодности Чернышевского к Дарвину было его глубокое убеждение в буржуазном апологетическом характере дарвинизма. В учении Дарвина о борьбе за существование Чернышевский видел не столько естественно-научную теорию, сколько публицистическую доктрину, заимствованную от Мальтуса и непосредственно направленную на оправдание социально-политического строя буржуазного общества (ib. 377).

[28] Ib. стр. 399, 401.

[29] Ib., т. 45, стр. 418.

целиком на служение утилитарным целям, народничеству и просветительству. Живописное искусство в собственном смысле было забыто. Эти тенденции сгубили целый ряд талантов — Перова, Репина, Крамского, Ге и других. В понимании передвижников искусство должно было бичевать пороки русского общественного и государственного порядка, проповедовать социальные идеалы. На истории живописи можно хорошо проследить развитие интеллигенции, последующее расширение ее идей и особенно происшедший в ее сознании перелом в конце 19-го и в начале 20-го века.

Гораздо больше сохранила свою самостоятельность от интеллигентских влияний литература. Правда, целый ряд русских писателей, среди которых имеются крупные таланты, стоят на почве интеллигентского миросозерцания, превращают литературу и поэзию в служанку просветительства, общественной и политической борьбы. Это — Некрасов, Глеб Успенский, Никитин, Решетников, позже Златовратский, чтобы назвать только главных. Но вся наша плеяда крупнейших писателей и поэтов, начиная с Пушкина, через Лермонтова, Гоголя и Тургенева к Толстому и Достоевскому не принадлежит к интеллигенции, но являются национальными гениями и относятся уже к области мировой литературы.[30]

---

[30] Если принять во внимание принципы, которые пытались установить для литературы такие критики, как Добролюбов и Чернышевский, то просто диву даешься тому, как это корифеям нашей литературы удалось отстоять свое высокое понимание собственного художественного призвания. Согласно Добролюбову, « литература представляет собою силу, значение которой состоит в пропаганде, а достоинство определяется тем, чтó и как она пропагандирует. Как правило, литература выполняет в общественной жизни чисто служебную роль ». « Мерою достоинства писателя или отдельного произведения », говорит Добролюбов, « мы принимаем то, насколько служат они выражениям естественных стремлений известного времени и народа », а « естественные стремления » заключаются в том, « чтобы всем было хорошо ». Добролюбов различал только две литературы: литературу

Если же эти корифеи все же признавались интеллигенцией за своих и ценились ею, то лишь потому, что в них, как и в интеллигенции, ярко выступала русская национальная черта — способность видеть в действительности по преимуществу отрицательные формы, а также могучий реализм, с которым эта действительность ими изображается. Но в отличие от интеллигентских установок их постижение было творческое, а не критическое, они не оппозиционеры и не революционеры, им чужд утилитаризм, факты действительности они претворяют в идеально художественные образы, действующие своей красотой и возвышенной эстетической правдой.

Правда, наши великие писатели-реалисты своим реалистическим изображением действительности, и в особенности ее мрачных сторон, дают пищу интеллигентскому критицизму и отрицанию, и прежде всего Гоголь. Однако, было бы глубоким заблуждением относить Гоголя к интеллигенции, уже потому, что он глубоко религиозен. Как писатель, Гоголь прежде всего художник, а не публицист, не критик. Он смотрит

бар, искусственную и ложную, и литературу народа, трудящихся, истинную и естественную (БСЭ, т. 22, 807). Согласно Чернышевскому, служение литературы человечеству возможно лишь тогда, когда «слово писателя одушевлено идеей правды, стремлением к благотворному действию на умственную жизнь общества». Под правдой же Чернышевский разумел правду революционной демократии, правду крестьянской революции, а под стремлением к благотворному действию — агитацию, пропагандистское воздействие литературы. Он хотел, чтобы литература содействовала свержению самодержавия, полному уничтожению крепостничества, революционному разрешению крестьянского вопроса. Некрасова Чернышевский ставил выше Пушкина.

Очевидно, творческий гений и инстинктивная уверенность в своем художественном призвании у писателей наших стояли выше, нежели у наших художников, ибо им удалось отстоять свою самостоятельность. Мало того; современные Чернышевскому писатели — Тургенев, Толстой, Достоевский, Фет, Катков и другие резко отрицательно относились к грубой тенденциозности Чернышевского. Его диссертацию Тургенев назвал «порождением злобной тупости и слепоты, гнусной мертвечиной» (ср. БСЭ, т. 61, 402 и 406).

глубже, чем рассудочная критика, он психолог. Он творит образы, претворяя реальную жизнь в художественные идеи, а не теоретизирует критически над действительностью. В современном ему потоке жизни он отыскивает и художественно запечатлевает вечно-национальное и вечно-человеческое. Сатира Гоголя — того же стиля, как сатира Сервантеса и Диккенса. Интеллигентская же сатира — это Салтыков-Щедрин. Притом Гоголь не осуждает и не отрицает действительности, он ей сострадает и любит ее в лице самых отрицательных типов, из которых никто, даже Чичиков и Ноздрев, не возбуждают в читателе ни отвращения, ни ненависти. Гоголь к тому же решительно не знает, чем заменить ему эту отрицательную действительность, для этого у него нет никаких критериев и мерок, в особенности рассудочных. Гоголь — пророк, т.е. провидец, как всякий художественный гений. Спускаясь со своих художественных высот в повседневность и обращаясь мыслью к намечавшимся в его время передовым программам общественного переустройства, он высказывает представителям этих программ, тогдашним интеллигентам, замечательное пророческое предупреждение: « Ваше желание сделать все, не останавливаясь особенно ни над чем, очень понятно; в нем слышится разумное стремление всего нынешнего века, но непонятен для меня дух некоторого удовлетворения вашим нынешним состоянием, точно как бы вы уже нашли важную часть того, что ищете, и как бы стали уже на верховную точку вашего разумения и вашего воззрения на вещи. Вы уже подымаете заздравный кубок и говорите: « да здравствует простота положений и отношений, основанных на практической действительности, здравом смысле, положительном законе, принципе равенства и справедливости ! » Смысл всего этого необъятно обширен. Целая бездна между этими словами и примененьями их к делу. Если вы станете

действовать и проповедовать, то прежде всего заметят в ваших руках эти заздравные кубки, до которых такой охотник русский человек, и перепьются все, прежде чем узнают, из-за чего было пьянство. Нет, мне кажется, никому из нас не следует в нынешнее время торжествовать и праздновать настоящий миг своего взгляда и разумения. Он завтра же может быть уже другим; завтра же можем мы стать умней нас *сегодняшних* . . . »[31]

Кто способен понимать, тот увидит в этих словах изумительно верное постижение сущности интеллигенции с ее наджизненными схемами, ее отчуждением от действительности. В сущности, здесь в немногих словах изложено соотношение между жизнью и интеллигенцией и ее история вплоть до большевиков. Интеллигенция в массе своей, впрочем, действительно умнела, но ее торжествующее « заздравное » настроение оставалось прежним, как и вся эмоциональная сторона ее психики. Когда пришел развал 1917 года эмоциональность возобладала над поумневшим рассудком.

Крайностям и юношеской возрастности интеллигентской идеологии соответствовала ее чрезвычайная поверхностность. Весь багаж этой идеологии, состоявший из какой-нибудь дюжины тезисов, усваивался чрезвычайно легко всяким недоучкой, и именно благодаря этой поверхностности интеллигентского « интеллектуализма » в этот класс так легко принимались все новые и новые кадры из провинциальной мелюзги и рабочих. Как у Гоголя в « Тарасе Бульбе » при приеме в Запорожскую Сечь спрашивали только « веруешь ли в Бога, веруешь ли в Матерь Божию ? », так и для того, чтобы быть причисленным к интелли-

---

[31] Из письма к П. В. Анненкову от 7 сентября 1847 г.

генции, надо было исповедовать несколько основных пунктов: отрицать религию или быть к ней равнодушным, отрицать русский общественный и политический строй, молиться на « народ » и верить, как в догму, в материалистическую, позитивную науку — орудие прогресса. Надо было также поклоняться определенным кумирам — « властителям дум » интеллигенции.

Все это особенно легко и безотчетно принималось и исповедовалось в молодые годы, в старших классах гимназии и особенно в университете. Потому то университет был так сказать цитаделью интеллигенции. Хотя далеко не вся студенческая масса подходила под общий шаблон и лишь немногие, особенно « популярные » представители профессуры разделяли целиком интеллигентское миросозерцание, однако, в высшей степени знаменательно, что в студенческой массе и в общей жизни университета доминировал этот крайний интеллигентский дух, которому считал себя обязанным принести известную дань каждый студент и перед которым надевало соответствующую маску большинство профессуры.

Однако у огромного большинства дух этот был крайне поверхностен. Оттого-то так много лиц, бывших в студенческие годы оппозиционерами, « радикалами » и даже революционерами, по выходе из университета и вступлении на « службу » отбрасывали свои прежние увлечения и взгляды, приспособлялись к той самой обывательской среде и отрицательной русской действительности, которую они громили в бесконечных кружковых спорах или выступлениях на сходках, и постепенно целиком переходили в лагерь зиждителей и охранителей этой действительности. Ведь в сущности вся столь ненавистная русской интеллигенции армия бюрократии и значительная часть « буржуазного общества », столь ненавистного революционным элемен-

там этой интеллигенции, рекрутировались из нее же самой и продолжали сохранять с нею тесную связь через множество оттенков и градаций. И несмотря на то, что в рядах этой буржуазии и особенно бюрократии находились крайние противники интеллигенции, благодаря существованию переходных звеньев между ними и ею, первоначальная интеллигентская закваска продолжала действовать также и в них, если не разлагая прямо их консервативное и положительное миросозерцание, то во всяком случае значительно парализуя его. Этим проникновением и распространением интеллигентского духа и в русской буржуазии, и в русской бюрократии объясняется такая слабая сопротивляемость общества и правительства напору революции как в подготовительные ее десятилетия конца 19 века, так и в критические моменты 1905 и 1917 годов.

Апогеем интеллигентского отрицания и присущих интеллигенции положительных идеалов были 70-е годы. Тогда же все проявления ее идеологии и эмоциональности принимали самые крайние формы. Для 70-х годов были в особенности типичны нигилизм, материализм, народничество с его хождением в народ, обожествлением мужика, антикультурные тенденции. Типичными были также утилитаризм в науке, подозрительное отношение к отвлеченной, не позитивистической философии, чистой науке и чистому искусству. 70-е годы — это апогей передвижничества и народнического направления в беллетристике. Наконец, все идейные увлечения окрашиваются в 70-х годах в максималистский цвет. Достаточно вспомнить массовые хождения в народ, опрощение, стремление перестроить всю жизнь по рецепту романа Чернышевского « Что делать ? » и наконец революционный террор, выразившийся в покушениях на Александра II и закончившийся трагедией 1 марта 1881 года.

⁂

Наступившая вслед за тем не только правительственная, но и общественная реакция у революционных историков и публицистов считается эпохой глубокого упадка и разложения русской общественности. На самом же деле 80-е годы были периодом пересмотра идеологических позиций интеллигенции, значительного расширения ее кругозора и преобразования ее психологии. В то же время это были годы значительного видоизменения и осложнения социального состава интеллигенции, в связи с чем стоит усложнение и трансформация ее психического и нравственного облика. Именно с 80-х годов интеллигенция начинает превращаться из узкой, оппозиционной правительству всесословной секты в образованную верхушку господствующих классов, хотя в ее среде и сохраняются (и далеко не только как пережитки) идеологические традиции и психология ее предшествующих поколений.

Можно сказать, что за последние три десятилетия до революции 1917 года она из мечтательной начинает становиться деловой, даже в лице своих крайних революционных групп. Ярким показателем является успех марксизма среди революционно настроенной молодежи с середины 80-х и особенно с 90-х годов прошлого века. От прежних революционных течений, носивших утопический характер, марксизм отличается именно тем, что он стоит на почве действительности, не отвергает ее, но приемлет со всеми ее отрицательными сторонами в капитализме и, таким образом, признает вообще положительный характер исторического процесса и закономерность данного социального порядка на каждом этапе этого процесса. Кроме того, марксизм как научная теория, заимствованная с запада, связанная с западной культурой, ставит идеологию интеллигенции совсем на другую платформу и дает ей

возможность отныне по-иному ценить культуру, как абсолютное благо, вне утилитарных установок. Характерно, что именно марксисты стали интересоваться искусством и ценить его само по себе, вне утилитарных соображений, видя в нем продукт эпохи и выражение психологии определенной социальной среды.

Однако, марксизм представлял лишь одно идеологическое течение в интеллигенции. Ее умственные и вообще духовные интересы чрезвычайно усложнились и обогатились, причем стал изменяться их характер. В особенности важно появление культурных запросов самих по себе, безотносительно к их связи с общественностью и их непосредственному воздействию на отрицательную действительность. Здесь в особенности характерно распространение эстетизма, интереса к искусству для искусства, в том числе и западному искусству.[32] С конца 80-х годов и начала 90-х в русском искусстве появляется совершенно новая, свежая струя чистого « искусства для искусства », отворачивающегося от передвижничества и тенденциозности, видящего цель в самом себе, ориентирующегося на мировое и особенно французское искусство. Родоначальниками этого направления были Серов, Коровин и гениальный Врубель. Плодотворность этого направления поразительна. В какие-нибудь полтора десятилетия выросла и воспиталась целая плеяда русских художников, отдельные возрасты которых разделялись трех-пятигодичными промежутками времени, и которые группировались сначала вокруг « Мира искусства » и « Союза

---

[32] Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что не малую роль сыграла в этом отношении французская выставка 1891 года в Москве, когда широкая русская публика, а также молодые художники убедились, что в мире существует живопись совсем другого содержания и смысла, нежели русское « передвижничество ». Ряд картин новейших французских художников, в том числе таких крупных, как Бастьен-Лепаж, и Даньян-Бувре, попали тогда в собрание Сергея Третьякова, впоследствии и в Третьяковскую галлерею.

русских художников », а позже, в последнее десятилетие перед первой мировой войной, вокруг целого ряда « обществ », кружков и союзов.

Этому новому направлению в искусстве соответствовало подобное же направление в литературе: оно выразилось в увлечении декадентством, символизмом и мистикой, в появлении таких поэтов как Бальмонт, Валерий Брюсов, Вячеслав Иванов, Блок, Андрей Белый и других. Литературные интересы близко соприкасались с философскими, отчасти также мистически-религиозными, которые с 80-х годов получили тоже необычайное развитие.

В области философии произошел такой же быстрый и яркий расцвет, как и в искусстве, только более самобытный. Основоположником этой оригинальной идеалистической философской школы был Владимир Соловьев, выступивший в 70-х годах. В последующие десятилетия можно говорить уже о целой плеяде русских философов и мыслителей, часть которых с самого начала явилась религиозными философами, часть же перешла к религиозной философии и мистицизму от позитивизма и марксизма. К этой плеяде принадлежат такие имена, как Лопатин, князь Сергей Трубецкой, позже Бердяев, Булгаков, Лосский, Флоренский, отчасти Мережковский. Также и среди рядовой интеллигенции пробудился сильный интерес к религиозной философии с оттенками мистицизма, что выразилось в возникновении религиозно-философских кружков.

Наконец, этот же период после 80-х годов явился временем упрочнения и распространения среди интеллигенции подлинного серьезного научного интереса вполне западно-европейского стиля. Если раньше в России уже существовали отдельные крупные ученые, как Лобачевский или Пирогов, то массовый интерес к науке носил просветительский, утилитарный характер. Выразителем и насадителем этого интереса был Пи-

сарев, который в научной популяризации видел средство исключительно к очищению умов от всяких предрассудков в целях общественного переустройства. В научном интересе новых поколений интеллигенции наука ценится сама по себе, как путь к истине, к объективному миропознанию. С каждым десятилетием во всех отраслях науки прогрессивно увеличиваются кадры научных работников всех калибров, от крупных светил с мировым именем, вроде Менделеева в химии, Лебедева в физике, Виноградова в истории, до скромных тружеников, самоотверженно посвящающих себя черной работе собирания материалов и частных исследований, тружеников, число которых насчитывается сотнями.

В умонастроении и вообще в духовном облике этих новых поколений интеллигенции ярко пробивается новая струя: желание освободиться от прежней установки на обязательное общественное служение, на поклонение народу, от исповедования прежних интеллигентских догм. Выразителем этих новых настроений является Чехов, бывший, как никакой другой писатель, верным изобразителем традиционной интеллигентской психологии, унаследованной от прошлого и еще жившей в массе рядовой интеллигенции. В этом отношении очень характерны его слова в письме к Плещееву от 4 октября 1888 года: « Я боюсь тех, кто между строк ищет тенденции и кто хочет видеть меня непременно либералом или консерватором. Я не либерал, не консерватор, не постепеновец, не монах, не индифферентист. Я хотел бы быть свободным художником — и только ... Я ненавижу ложь и насилие во всех его видах ... Фарисейство, тупоумие и произвол царят не в одних только купеческих домах и кутузках: я вижу их в науке, в литературе, среди молодежи ... Потому я одинаково не питаю пристрастия ни к жандармам, ни к мясникам, ни к ученым, ни к писа-

телям, ни к молодежи. Форму и ярлык я считаю предрассудком. Мое святая святых — это человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновенье, любовь и абсолютнейшая свобода, свобода от силы и лжи, в чем бы последние ни выражались. Вот программа, которой я держался бы, если бы был большим художником».

Последние слова письма, мне кажется, полностью подтверждают высказанную мною выше мысль, что крупный художник самым фактом своего творческого дарования выделяется из интеллигенции.

А вот протест Чехова против обязательного кодекса передовой интеллигентской идеологии: « Норма мне неизвестна, как неизвестна никому из нас. Все мы знаем, что такое бесчестный поступок, но что такое честь, мы не знаем. Буду держаться той рамки, которая ближе сердцу и уже испытана людьми посильнее и поумнее меня. Рама эта — абсолютная свобода человека, свобода от насилия, от предрассудков, невежества, чёрта, свобода от страстей и проч. » [33]

В только что описанном росте культурного уровня интеллигенции большую роль сыграло появление в России нового типа просвещенной буржуазии и, вероятно, в связи с этим, нового вида культурного предпринимательства. Явление это достигло своего сильнейшего развития уже после 1905 года в связи с появлением в общественной жизни различных « свобод », но начало его относится к 80-м, особенно к 90-м годам прошлого века. Появление этого своеобразного отряда интеллигенции ставит ее в совершенно иное отношение к «народу». Крупные промышленные фирмы не только содействуют развитию капитализма в России, но и являются проводниками культуры в рабочую среду,

[33] Из письма к Плещееву от 9 апреля 1889 г.

воспитывая целый класс квалифицированных рабочих и заботясь о просвещении всей их массы и улучшении ее быта путем учреждения школ, библиотек, читален и т.д. Еще большую роль в общем подъеме культуры играло появление издательских фирм, вроде Маркса, Сытина, Поповой, « Просвещения », Сабашниковых, чтобы назвать только самые крупные, причем фирмы эти при самой деловой и коммерческой постановке ставили себе целью насаждение и распространение серьезного самообразования и настоящей культуры без всякой непосредственной утилитарной тенденции.

Все эти новые явления были налицо, и однако это все же не значит, что, за последние два десятилетия перед революцией 1917 года, интеллигенция переродилась. Я недаром говорил в начале этой статьи, что интеллигенция идеологически развивалась наслоениями, причем каждый такой идеологический слой продолжал жить и оказывать влияние в течение долгого времени. Давнишняя, первоначальная закваска, традиционные черты интеллигенции продолжали сохраняться, а кроме того также и новые наслоения, возможно, находили себе поддержку в тех особенностях национальной психологии, какие обуславливали собою характер наслоений первоначальных. Поэтому также и теперь, при переходе части интеллигенции с позиции « общественных » интересов и утилитаризма на позиции чисто культурные, в ней проявилась старая психологическая черта — увлечение крайностями, отсутствие чувства меры: эта черта сказалась особенно ярко в области искусства и литературы; в первом она проявилась не только в полном разрыве с русской художественной традицией, что представляло бы еще полбеды, но также в следовании французским образцам во что бы то ни стало, вплоть до слепого подражания новейшим направлениям, из которых самым ярким

был кубизм.[34] В области литературы эта национальная черта выразилась в увлечении декадентством и символизмом. Но эти крайности реакции против прежней обязательной интеллигентской общественности сказались также в сфере морали и общего миросозерцания, выразившись в распространении ницшеанства, с его непосредственным практическим применением в жизни в форме полного морального анархизма и аполитичности, своего рода возрождения нигилизма. Полное выявление всех этих черт интеллигентской психологии произошло уже после революции 1905 года в период наступившей затем реакции перед первой мировой войной.

Рядом с этими новыми чертами, развившимися на почве традиционной интеллигентской психологии, продолжали жить и старые черты, указанные мною выше: утилитаризм в оценке культурных благ, полное отрицание русской действительности, безответственная революционность, по крайней мере в понятиях, если не в действиях, народничество, атеизм, вера в науку как практическое орудие прогресса, догматизм мысли, ее порабощение традиционным интеллигентским святыням в виде отвлеченных формул и конкретных личностей — прежних «властителей дум». Надо, однако, сказать, что традиционная интеллигентская психология и идеология все более оставались достоянием лишь крайних революционных групп интеллигенции, более или менее определенно сорганизовавшихся в две партии — социалистов-революционеров и социал-демократов, резко расходившихся в теории, но весьма сходных в своей

---

[34] Что кубизм, пуантилизм, имажинизм и тому подобные крайности в живописи были лишь поверхностными увлечениями, это доказывается тем, что русские последователи этих направлений в начале революции, еще до всякого воздействия на искусство со стороны советской власти, с необычайной легкостью перешли к реализму и даже академизму. Это произошло после того, как в России стало известно, что творец кубизма Пикассо вдруг начал писать портреты « по-старому ».

максималистской психологии.[35] От прежних поколений интеллигенции это последнее поколение усвоило не только максимализм, склонность к крайностям, идею мессианизма, грядущей русской революции, но также дух борьбы, героизма и самопожертвования, который если не у всех воплощался в жизни и в поведении, то всеми признавался как высший нравственный долг интеллигента, одновременно вождя и слуги своего народа.

Несмотря на то, что численно эти крайние радикальные и революционные группы представляли в общей массе ничтожное меньшинство, несмотря на расслоение интеллигенции, на буржуазный дух ее большинства, дух радикализма, народничество и нигилизм, дух Белинского, Бакунина и Писарева по-прежнему витал в ней, резко кристаллизуясь в отдельных ее группах, но скрытно пребывая во всем ее теле, чтобы выходить наружу и превращаться в активный фактор в моменты политического кризиса. Удивительно, что даже такой анти-интеллигент по своим убеждениям и вкусам, как Чехов, отдает дань интеллигентскому мировоззрению, как это ярко сказывается в таком его суждении о религии и прогрессе: « Религиозное движение — само по себе и вся современная культура — сама по себе, и ставить вторую в причинную зависимость от первой никак нельзя. Теперешняя культура — это начало работы во имя великого будущего, работы, которая будет продолжаться десятки тысяч лет для того, чтобы хотя в далеком будущем человечество познало истину настоящего Бога, т.е. не угадывало бы, не искало бы в Достоевском, а познало ясно, как познало, что дважды два есть четыре. Теперешняя культура — это начало работы, а религиозное движение, о котором Вы пишете, есть пе-

---

[35] В среде социал-демократов я в этой характеристике имею в виду главным образом большевиков.

режиток, уже почти конец того, что отжило или отживает».[36] Здесь и еще в других словах, которые я сейчас приведу, Чехов высказывает настроения и чаяния, лежащие вполне в плане распространявшегося в то самое время среди интеллигенции марксизма с его «научно-обоснованной» верой в историческую миссию капитализма и техники для общественного развития. В одном письме Чехов совершенно в духе большевизма пишет: «Расчетливость и справедливость говорят мне, что в электричестве и паре любви к человеку больше, чем в целомудрии и воздержании от мяса». Чехов любил повторять: как хороша будет жизнь через 300 лет! Он интересовался успехами техники, верил, что пороки в интеллигентном обществе исчезают и что грядущая культура облагородит человечество. В этом отношении Чехов — типичный интеллигент. Отрицая догмы, он тоже создает себе новый культ — культ прогресса для будущего, культ внутренне свободного, здорового, физически сильного человека для настоящего. Этот культ с 80-х годов становится достоянием интеллигенции. Это опять-таки противоположная крайность прежнему ее радикальному аскетизму, в которую впадает теперь часть интеллигенции. Ее новый идеал — красота, физическое здоровье, наслаждение, земной человек. Прежний аскетизм сменился гедонизмом. И все это чрезвычайно поверхностно, как смена моды. Суждение Чехова о свободе, о культуре и прогрессе очень точно отражает новые интеллигентские настроения. Свобода ценится опять-таки как свобода от всяких обязанностей, от всяких уз, объективно накладываемых жизнью. Интеллигенция, в сущности, не хочет ничего признавать, ничем себя стеснять, не хочет связывать себя каким-либо кодексом морали и должного, но она желает,

[36] Из письма к Дягилеву от 30 декабря 1902 г.

чтобы кругом все было хорошо, красиво и благопристойно, чтобы царствовала культурность и гуманность, а рядом были бы источники разнообразных наслаждений, но чтобы все это устраивалось как-то само собой, а нам не надо было бы во что-либо вмешиваться, ввязываться, утруждать себя, жертвовать собой и т.д. Кроме того, в кругу положительных ценностей хотелось бы брать то, что нравится в данный момент, а нравится и то, и это, и острота физических наслаждений и красота мистического экстаза. Интеллигенция бросилась в умственный и нравственный эклектизм, одинаково безответственный и поверхностный. Она облеклась в прекраснодушие и гуманность, стала на позицию неприятия серьезности и суровости жизни, в убаюкивающем самоубеждении, что все как-то само собой наладится благодаря техническому и научному прогрессу и т.д., и что через 300 лет наверняка жить будет очень хорошо.

И все же, повторяю, эти новые настроения и установки интеллигенции не вытесняли старого, унаследованного от 60-х и 70-х годов комплекса идей, настроений и оценок. Эти последние лишь остались достоянием крайних радикальных и революционных групп интеллигенции. Однако по мере того, как с конца 90-х годов в обществе стало нарастать оппозиционное настроение, эта традиционная психология начала захватывать также и те круги интеллигенции, которые стояли собственно вне политики и для которых были характерны только что описанные мною новые настроения и установки. Радикализм, революционность делались модой, сменявшей недавнюю моду на политический индифферентизм и эстетство.

Революция 1905 года, которая потерпела неудачу, попытка крайних революционных групп интеллигенции низвергнуть существующий порядок и произвести

полное социально-экономическое переустройство по рецепту интеллигентской идеологии, вызвали острый кризис в сознании интеллигенции и внесли в нее глубокий раскол. После 1905 года было бы уже не совсем точным безоговорочно определять интеллигенцию, как сплошную группу, построенную на признании критического интеллектуализма и объединяющую в себе представителей различных социальных классов. С этих пор интеллигенция стала не столько распадаться на свои социально-экономические элементы, сколько раскалываться по признакам образования, умонастроения и эмоциональности. Все это означало глубокий кризис интеллигентского сознания. Известная часть интеллигенции отшатнулась не только от революции, но и от прежних догм, составляющих содержание ее традиционного миросозерцания. В интеллигенции произошло идеологическое и психологическое расслоение, и причину его объяснить нетрудно. Ведь раньше образующим началом интеллигенции, как единой группы, служило неприятие русской социально-политической действительности, коротко говоря, общий протест против самодержавия, общее требование известного минимума « свобод ». Теперь, после 1905 года, цель эта была достигнута, и стало только естественно, чтобы единая раньше группа распалась. Впрочем, распадение это стало намечаться уже раньше, с 80-х годов, когда старое интеллигентское миросозерцание подвергалось пересмотру и критике и обогащалось новыми идеологическими элементами, вытеснявшими старые. Со времени Герцена и до 80-х годов русская интеллигенция была окружена неким, созданным ею же самой ореолом, в качестве прообраза будущей России, противоположной России реальной. В 80-х годах, очнувшись от кошмара нигилизма, хождения в народ, террористического максимализма и прочих крайностей, интеллигенция принялась за пересмотр своего духовного содержания,

своей идеологии и морали. Недаром в это именно время в литературе появился такой психолог и реалист, как Чехов, недаром своим сюжетом он взял интеллигенцию всех калибров, оттенков и людей, начиная от столичного профессора и кончая мелким служащим господской экономии, мечтающим о карьере писателя. В произведениях Чехова интеллигенция увидела себя, как в зеркале, во всей своей неприглядности, и Чехов же высказал ей прямое осуждение. Так, в одном письме конца 90-х годов он говорит: « Я не верю в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую, не верю даже, когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснители выходят из ее же недр».[37] После провала интеллигентского опыта революции в 1905 г. эта критика и самокритика усилились. Вместо прежнего ореола, самый термин «интеллигенция» приобрел в сознании множества людей отрицательное значение, а «интеллигент», как культурно-социальный тип, стал предметом осуждения, высказываемого с различных сторон, с различным обоснованием, по причине различных, порой противоположных недостатков и «грехов». Хулители интеллигенции, выделяя себя из этой, теперь отрицаемой, даже прямо презираемой группы, старались относить себя самих к той или другой определенной социальной среде. Демократические полуобразованные низы противопоставляли себя интеллигенции, как выходцев из « народа », т.е. из среды рабочих или крестьянства. Образованные интеллигентные верхи возвращались к традициям дворянства или гордились своей принадлежностью к новой культурной буржуазии, либо же смотрели на себя как на культурную « элиту ». Группа настоящих революционеров отмежевывалась от «вялой и дряблой» интеллигенции, в качестве преемницы прежней, под-

---

[37] Из письма к Орлову, 22 февраля 1899 г.; цитирую по Вехам, 1909, 4-ое изд. стр. 81.

линной интеллигенции, хранительницы заветов « властителей дум », и противопоставляла себя прочей интеллигентской обывательщине, видя в ней детище предназначенного на слом русского общества. Эти отрицательные качества интеллигенции неоднократно отмечает, например, Ленин, становясь на точку зрения пролетариата или пролетарского интеллигента: « ...Интеллигенция, как особый слой современных капиталистических обществ, характеризуется, в общем и целом, именно *индивидуализмом* и неспособностью к дисциплине и организации ... в этом заключается одно из объяснений интеллигентской дряблости и неустойчивости, так часто дающих себя чувствовать пролетариату ».[38] И еще: « ... влияние *интеллигенции,* непосредственно не участвующей в эксплуатации, обученной оперировать общими словами и понятиями, носящейся со всякими « хорошими » заветами ... — влияние этой буржуазной интеллигенции на народ опасно ».[39] Специально об отношении Ленина к интеллигенции я буду говорить ниже. Наступивший в сознании части интеллигенции кризис особенно ярко выразился в появлении в 1909 году сборника « Вехи » и в возникшей в связи с ним полемике между различными группами и толками интеллигенции.

Исходя из неудачи революции 1905 года, которую они провозглашают « интеллигентской », авторы « Вех » призывают интеллигенцию к пересмотру своих идеологических позиций и вскрывают наличие в ее среде такого пересмотра.[40] Устами одного из авторов сборник

---

38 Ленин, Сочин. т. 6 стр. 212, подчеркнуто в подлиннике.

39 Ib., 12, стр. 7.

40 Сборник представляет выдающееся явление тогдашнего момента, и лишь недостаток места не позволяет мне остановиться на его разборе подробнее, поэтому я скажу о нем лишь самое необходимое. Сборник состоит из семи статей на темы: 1) Философская этика и интеллигентская правда (Н. А. Бердяева), 2) Героизм и подвижничество (С. Н. Булгакова), 3) Творческое самосознание (М. О. Гершензона), 4) Об интеллигентской моло-

предсказывает, что в результате кризиса интеллигенция « перестанет существовать как некая особая культурная категория », что « в процессе экономического развития интеллигенция « обуржуазится », т.е. в силу процесса социального приспособления примирится с государством и органически стихийно втянется в существующий общественный уклад, распределившись по различным классам общества ».[41] Этот процесс распределения интеллигенции по различным классам общества действительно происходил в последние годы перед мировой войной и, не случись катастрофы 1917 года, интеллигенция в том старом, специфически русском смысле слова, в каком я определил ее в моем изложении, как обособленная, идейно однородная группа, не только окончательно перестала бы существовать, но, вероятно, и память о ней сохранилась бы лишь в исторических книгах. Что процесс этот совершался, сказывается в том, что под интеллигенцией все чаще стали понимать просто отвлеченную категорию образованных людей, рассеянных по различным классам общества и в этом смысле термин « интеллигенция » большей частью понимается и теперь.

И тем не менее, ни старое понятие интеллигенции,

дежи (А. С. Изгоева), 5) В защиту права (Б. А. Кистяковского), 6) Интеллигенция и революция (П. Б. Струве), 7) Этика нигилизма (С. Л. Франка). Авторы, принадлежащие идеологически к различным лагерям, в общем совпадают в своем суждении об интеллигенции. Надо, однако, сказать, что их критика направлена главным образом против крайнего левого, революционного крыла интеллигенции. Сборник представляет призыв к самокритике и покаянию и не является объективным исследованием проблемы интеллигенции. Тем не менее, целый ряд характерных черт интеллигенции указан с глубокой проницательностью. Одним из недостатков сборника является некоторая неопределенность самого понятия интеллигенции и несогласованность его значения у отдельных авторов. Как бы то ни было, сборник произвел огромное впечатление и вызвал множество откликов и большей частью резкую критику. За 1909 год выдержал четыре издания. Неполный перечень вызванных им рецензий, статей, « открытых писем » и брошюр содержит 156 названий.

[41] Вехи, 172, 173.

ни сама интеллигенция, как конкретная социальная группа и как культурно-психологический тип, также и после 1905 года еще не исчезли. Традиции отрицания русской действительности и революционности сохранились в левых ее группах, в особенности в группах определенно революционных, представленных социалистами-революционерами и социал-демократами. Эти группы с возмущением встретили критику интеллигентского миросозерцания, данную сборником « Вехи », в котором увидели « знамение времени », проявление реакции. Чтобы характеризовать тогдашние отношения этих левых групп интеллигенции к основной ее массе, приведу выдержку из официальной большевистской истории ВКП (б), где мы читаем следующее:

« Поражение революции 1905 года породило распад и разложение среди попутчиков революции. Особенно усилилось разложение и упадочничество среди интеллигенции. Попутчики, пришедшие в ряды революции из буржуазной среды в период бурного подъема революции, отошли от партии в период реакции . . . Наступление контрреволюции шло и на идеологическом фронте. Появилась целая орава модных писателей, которые « критиковали » и « разносили » марксизм, оплевывали революцию, издевались над ней, воспевали предательство, воспевали половой разврат под видом « культа личности ». В области философии усилились попытки « критики », ревизии марксизма, а также появились всевозможные религиозные течения, прикрытые якобы « научными » доводами . . . Упадочничество и неверие коснулись также одной части партийных интеллигентов, считавших себя марксистами, но никогда не стоявших твердо на позициях марксизма ».[42]

---

[42] История ВКП(б) 1938, стр. 96 и след. Несколько выше история ВКП(б) дает характеристику сборника « Вехи », авторство которого приписывается « группе виднейших кадетских пи-

*
**

Итак, в годы реакции, последовавшей после революции 1905 года, среди интеллигенции окончательно произошел глубокий раскол, отныне очевидный почти для всех составлявших интеллигенцию групп, которые некогда, в дореволюционной России мыслили себя, как нечто единое, сплоченное общим критическим сознанием и оппозиционностью по отношению к русской действительности вообще и русскому политическому строю в особенности.

Впрочем, была одна интеллигентская группа, которая уже задолго до революции 1905 года иначе смотрела на интеллигенцию, вскрывая в ее составе глубокие социальные противоположности. Эта группа — та часть социал-демократии, которая впоследствии образовала в ней фракцию большевиков, и выразителем взглядов которой с самого начала был Ленин. В вышедшей в 1894 г. работе « Что такое « друзья народа » и как они воюют против социал-демократов ?» Ленин, между прочим, говорит, что то время, « когда классовые антагонизмы буржуазного общества были совершенно еще не развиты, подавленные крепостничеством, когда это последнее порождало солидарный протест и борьбу всей интеллигенции », тогда создалась « иллюзия об особом демократизме нашей интеллигенции, об отсутствии глубокой розни между идеями либералов и социалистов ». После того, как Россия явно вступила на капиталистический путь развития, « никакие иллюзии на этот счет уже невозможны. Состав « интеллигенции » обрисовывается так же ясно, как и состав общества, занятого производством материальных ценностей: если в последнем

сателей ». Это утверждение неверно, ибо большинство авторов и при том крупнейшие из них — не кадеты. Совершенно искаженно характеризуется также и содержание сборника.

царит и правит капитализм, то в первой задает тон все быстрее и быстрее растущая орава карьеристов и наемников буржуазии, — « интеллигенция » довольная и спокойная, чуждая каких бы то ни было бредней и хорошо знающая, чего она хочет. Наши радикалы и либералы не только не отрицают этого факта, а, напротив, усиленно подчеркивают его, надсаживаясь над доказательствами безнравственности этого, над осуждением, усилиями разгромить, пристыдить ... и уничтожить. Эти наивные претензии устыдить буржуазную интеллигенцию за ее буржуазность ... смешны ... За этими пределами начинается либеральная и радикальная « интеллигенция », которая изливает бесчисленное количество фраз о прогрессе, науке, правде, народе и т.п., которая любит плакать о 60-х г.г., когда не было раздоров, упадка, уныния и апатии и все сердца горели демократизмом ».

« Со свойственной им наивностью, эти господа никак не хотят понять, что тогдашняя солидарность вызывалась тогдашними материальными условиями, которые не могут вернуться: крепостное право стесняло одинаково всех — и крепостного бурмистра, накопившего деньжонок и желавшего пожить в свое удовольствие, и хозяйственного мужика, ненавидевшего барина за поборы, вмешательства и отрывания от хозяйства, и пролетария-дворового и обедневшего мужика, которого продавали в кабалу купцу; от него страдали и купец-фабрикант, и рабочий, и кустарь, и мастерок. Между всеми этими людьми только та связь и была, что все они были враждебны крепостничеству: за пределами этой солидарности начинался самый резкий хозяйственный антагонизм ».[43]

Здесь я не буду входить в обсуждение вопроса, правильно ли было объяснять былую солидарность

---

[43] Ленин, Соч. т. 1, стр. 194, след.

интеллигенции в ее оппозиции к крепостничеству одинаковой экономической невыгодностью последнего для крепостного бурмистра, дворового, купца-фабриканта, кустаря и т.д. Лишь мимоходом замечу, что ведь не эти социальные группы составляли интеллигенцию, с другой же стороны, под ленинское объяснение не подходит факт, что оппозиционная интеллигенция в эпоху крепостничества рекрутировалась из слоев, для которых это крепостничество было как раз выгодно — из дворян, чиновничества, а также из духовенства, для которого оно было экономически безразлично. Но дело не в этом. Здесь нас интересует понимание Лениным состава и характера *современной ему* интеллигенции 90-х годов. Это понимание подтверждает сделанную мной выше характеристику эволюции интеллигенции в период реакции после 1881 года. Мы видим здесь такое же презрение к интеллигенции со стороны представителя крайнего левого ее крыла, какое высказывал с совсем противоположной точки зрения Чехов. Ленин берет самый термин в кавычки, но это лишь потому, что в его собственном сознании сохраняется живым представление об интеллигенции в благородном смысле слова, как об основоположнице русской освободительной идеи. Подлинную интеллигенцию для Ленина представляют в прошлом социалисты и революционеры-практики, в настоящем же лишь « социалистическая интеллигенция », представительница марксистской революционной теории.[44] Интеллигенция же в кавычках — это, во-первых, « орава карьеристов и наемников буржуазии », т.е. инженеры, адвокаты и т.д., которые впоследствии будут фигурировать у большевиков в качестве « специалистов », и во-вторых, это либералы и радикалы, которые, по выражению Ленина, « изливают фразы о

[44] Ib., стр. 196, след.

прогрессе, правде, народе, и т.д. », « любят плакать о 60-х г.г. ». Эти различения проходят красной нитью через все высказывания Ленина об интеллигенции. Возражая « друзьям народа » (т.е. социалистам-народникам из « Русского Богатства ») насчет способностей интеллигенции руководить народной промышленностью, Ленин заявляет: « Неужели можно отрицать, что российские университеты и иные учебные заведения производят каждогодно такую « интеллигенцию » (??), которая ищет только того, кто ее прокормит ? »[45] Здесь термин взят в кавычки и снабжен двумя вопросительными знаками в скобках. Приведу еще одно место из той же работы ввиду его чрезвычайно важного значения не только для взгляда Ленина, но и для позднейшего большевистского понимания советской интеллигенции. Вот что пишет Ленин в той же работе:

« Когда несколько лет тому назад — повествует господин Кривенко — некоторые газеты рассматривали, какие профессии и какого рода интеллигентные люди нужны деревне, то перечень выходил очень большим и разнообразным и охватывал почти всю жизнь: за докторами и женщинами-врачами шли фельдшера, за ними адвокаты, за адвокатами учителя, устроители библиотек и книжной торговли, агрономы, лесоводы и вообще люди, занимающиеся сельским хозяйством, техники самых разнообразных специальностей (область очень обширная и еще почти нетронутая), устроители и руководители кредитных учреждений, товарных складов и т.д. ».

« Остановимся хотя бы на тех « интеллигентах » (??), деятельность которых прямо относится к экономической области, на этих лесоводах, агрономах, техниках и т.д. Как в самом деле нужны эти люди деревне ! Но только *какой* деревне ? — разумеется, де-

---

[45] Ib., стр. 147.

ревне землевладельцев, деревне хозяйственных мужичков, имеющих « сбережения » и могущих платить за услуги всем этим ремесленникам, которых господин Кривенко изволит величать « интеллигентами ».[46]

Последние слова поистине замечательны. Ведь как раз эта категория ремесленников, т.е. всякого рода спецов, как увидим, составит по планам большевиков кадры *советской* интеллигенции. И этих же самых техников Ленин называет « ремесленниками » и ставит под вопрос их принадлежность к интеллигенции только потому, что он мыслит их на службе у буржуазных элементов деревни. Это опять показывает, что в сознании Ленина интеллигенция без кавычек и знаков вопроса — это не просто специалисты разного рода, а именно идейные, революционно настроенные люди.

Такое понимание подтверждается и другими высказываниями Ленина, из которых кроме того явствует, что по разным поводам он по-разному относится к интеллигенции. Он не всегда также остается верен себе в определении « буржуазной » интеллигенции. В статье « Внутреннее обозрение » 1901 года читаем: « Общественное возбуждение растет в России во всем народе, во всех его классах, и наш долг, долг революционных социал-демократов, направить все усилия на то, чтобы суметь воспользоваться им, чтобы разъяснить *передовой рабогей интеллигенции,* какого союзника имеет она и в крестьянстве, и в студенчестве, и в интеллигенции вообще . . . »

« Перед русским пролетариатом стоит теперь наиболее трудная, но зато и наиболее благоприятная революционная задача: раздавить врага, которого не могла осилить *многострадальная русская интеллигенция,* и занять место в рядах международной армии

---

[46] Ib., стр. 157.

социализма.[47] В книге « Что делать » 1902 года Ленин говорит о « революционно-социалистической интеллигенции », создавшей в России теоретическое учение социал-демократии.[48] В написанном в 1903 году письме к студентам « О задачах революционной молодежи », Ленин опять довольно четко разделяет два этапа в развитии интеллигенции. Сначала он говорит о « широких слоях разночинной интеллигенции с совершенно неустановившимся миросозерцанием, с бессознательным смешением демократических и примитивно-социалистических идей. Именно эта идеология и характерна для старой русской интеллигенции, как правого фланга либерально-народнической ее части, так и самого левого: « социалистов-революционеров ».

« Я сказал: « старой » русской интеллигенции. Появляется у нас уже и *новая,* либерализм которой почти совсем очистился (не без помощи русского марксизма, конечно) от примитивного народничества и расплывчатого социализма. Образование настоящей буржуазной либеральной интеллигенции идет у нас семимильными шагами, особенно благодаря участию в этом процессе столь поворотливых и отзывчивых ко всякому модному веянию оппортунизма людей, как господа Струве, Бердяев, Булгаков и Ко. Что касается, наконец, до не принадлежащих к интеллигенции либеральных и реакционных слоев русского общества, то связь их с классовыми интересами тех или иных групп нашей буржуазии и наших землевладельцев достаточно ясна для всякого, кто сколько-нибудь знаком, например, с деятельностью наших земств, дум, биржевых, ярмарочных комитетов и т.д.».[49]

Таким образом, здесь Ленин отказывается причислить к интеллигенции как раз те элементы, которые

---

47 Ib., т. 4, стр. 321. Подчеркнуто мною.
48 Ib., т. 4 стр. 385.
49 Ib., т. 5, стр. 356, сл.

он в 1894 году определял как « интеллигенцию, довольную и спокойную, чуждую каких бы то ни было бредней и т.д. ». В одной из статей Ленин говорит об « интеллигентской дряблости и неустойчивости », причем, по его мнению, « это свойство интеллигенции стоит в неразрывной связи с обычными условиями ее жизни, условиями ее заработка, приближающегося в очень и очень многом к условиям *мелко-буржуазного существования* (работа в одиночку или в очень мелких коллективах и т.д.) ».[50]

О Ленине можно сказать, что против интеллигенции он разражается желчным припадком всякий раз, как говорит о ней в порядке полемики с кем-либо из « дряблых » интеллигентов-либералов или расплывчатых социалистов. Вот что пишет он в небольшой заметке 1907 года « Дума и русские либералы », возражая некоему г. Маловеру: « Статья г. Маловера называется « Дума и общество ». Под обществом разумеется здесь, согласно старинному русскому словоупотреблению, кучка либеральных чиновников, буржуазных интеллигентов, тоскующих рантье и прочей высокомерной, самодовольной, бездельничающей публики, которая мнит себя солью земли, гордо называет себя « интеллигенцией », творит общественное мнение и т.д. и т.д. ». Процитировав затем несколько замечаний Маловера против левой печати, Ленин продолжает: « Мы приводим эти цитаты, ибо они типичны для громадной массы российских либералов и для всех интеллигентских задворок либерализма . . . Софистика вяленой воблы, которая мнит себя « интеллигентной » и « образованной », вскрывается воочию . . . Группировка населения по партиям — этот важнейший урок и важнейшее политическое приобретение во время вы-

50 Ib., т 6, стр. 212.

боров во II Думу — наглядно показала на фактах общенационального масштаба этот поворот широких слоев помещиков и буржуазии вправо. « Общество » и « интеллигенция » — просто жалкий, убогий, трусливо-подленький прихвостень этих верхних 10 тысяч ». Однако тут же Ленин говорит « о немногих интеллигентах, которые в отличие от большей части « буржуазной интеллигенции » « идут в кружках пропагандистов рабочей партии » и « если не на геройскую смерть, то действительно на геройскую каторжную жизнь плохо оплачиваемого, полуголодного, вечно переутомленного и издерганного до невозможности партийного « рядовика ».[51] Ясно, таким образом, что Ленин понимает интеллигенцию в том специфическом русском, историческом смысле, в каком определена она мною выше, но, констатируя в ней расслоение после отмены крепостного права, он по разному относится к ее буржуазным верхам и народным социалистическим низам. О последних, особенно, когда это настоящие партийцы — социал-демократы, он говорит как об « интеллигентах в хорошем смысле слова ». Вот как определяет он этих последних: « Левые . . . партии лишь постольку действительно являются левыми и заслуживают этого названия, поскольку они выражают интересы и отражают психологию *не* « общества », не кучек всякой ноющей интеллигентской дряни, а народных низов, пролетариата и известной части мелкобуржуазной, сельской и городской массы ».[52] Таким образом очевидно, что Ленин в составе интеллигенции дает положительную оценку только подлинно революционным ее элементам. Недаром, поэтому, в статье, посвященной памяти Герцена, он говорит не о дворянской разночинной интеллигенции того времени, как это принято

[51] Ib., т. 11, стр. 190, сл.
[52] Ib., стр. 192.

обычно, но о « революционерах-дворянах » и « революционерах-разночинцах ».[53]

Наконец, с полной четкостью формулирует Ленин свое понимание современной ему интеллигенции и ее отношения к рабочему классу (являющемуся для него, конечно, абсолютным критерием во всем) в маленькой заметке 1913 года « Новая демократия ». На ней я должен остановиться несколько подробнее, ибо она, точнее цитируемые в ней слова Тана описывают одно новое общественное явление последних лет перед войной, явление, в котором можно видеть предвестие последующей « советской интеллигенции ». В своей статье, озаглавленной « Первые встречи », Тан говорит о появлении на общественной сцене новых демократических элементов, — очевидно результат революции 1905 года, выявившийся через 7-8 лет: « Всего интереснее — говорит Тан — люди крестьянского звания, пришедшие снизу. Имя им легион. Они заполонили средние области жизни и даже покушаются на высшие, особенно в провинции. Техники, счетчики, агрономы, учителя, всякие земские служащие. Все они похожи друг на друга. Серые с лица, широкие в кости, нескладные с виду; к рефлексам не склонны, напротив, живучи, как кошки ... Жизнь, очевидно, шагнула еще на ступень, ибо мы, разночинцы, — сравнительно с ними — так же, как были дворяне сравнительно с нами ».

Процитировав эти слова, Ленин говорит: « Метко и верно сказано, хотя не следует забывать, что и старые разночинцы и новые, « крестьянского звания », демократическая интеллигенция и полуинтеллигенция представляют из себя буржуазию в отличие от дворян-крепостников.

« Но буржуазия бывает разных слоев ... Верхам

---

[53] Ib., т. 15, стр. 468.

буржуазии и богатой буржуазной интеллигенции... почти всегда свойственно тяготеть к союзу с Пуришкевичами... Напротив, крестьянская буржуазия и новая, « крестьянского звания » интеллигенция тысячами нитей связана с *массами* бесправного, забитого, темного, голодного крестьянства и по всем условиям своей жизни враждебна *всякой* пуришкевичевщине, всякому союзу с ней.

« Эта новая, более многочисленная, более близкая к жизни миллионов демократия быстро учится, крепнет, растет. Она полна большей частью неопределенных оппозиционных настроений, она питается либеральной трухой. На сознательных рабочих лежит великая и ответственная задача — помочь освобождению этой демократии из-под влияния либеральных предрассудков. Только в меру того, как она будет преодолевать эти предрассудки, сбрасывать с себя убожество либеральных иллюзий, разрывать с либералами и протягивать руку рабочим — суждено ей, новой демократии в России, сделать нечто серьезное для дела свободы ».[54]

Все это место чрезвычайно важно не только для характеристики ленинского понимания интеллигенции и его к ней отношения. Здесь мы схватываем предреволюционную общественность sur le vif, как говорят французы. Предвосхищая дальнейшее изложение, я скажу, что здесь перед нами новый, нарождающийся элемент русского общества, который вскоре после революции 1905 года стал органически врастать в старое, воспринимая его традицию, опыт и культуру и готовясь стать его сменой. В революции только часть этой новой интеллигенции пойдет активно за большевиками: большинство ее либо станет их жертвой, либо, уцелев, образует наиболее ценные, технически вооруженные, в настоящее время уже пожилые кадры со-

[54] Ib., т. 16, стр. 281, след.

ветской интеллигенции. Эта последняя сделана из того же социального материала, как и та, дореволюционная. Но в отличие от своей предшественницы, советская интеллигенция не выросла постепенно, самопроизвольно и органически, а представляет собой массовый продукт, изготовленный механически, в силу большевистского заказа.

Таково понимание Лениным интеллигенции. Таково его к ней отношение в годы до революции. Как относился он к ней во время революции, об этом речь будет ниже. Теперь же мы должны бросить взгляд на судьбы самой интеллигенции в революции.[55]

1943 - 1944 г.

---

55 см. стр. 229.

СУРИКОВ КАК ХУДОЖНИК - ИСТОРИК [1]

О жизни Сурикова рассказывать почти нечего. Он происходил из сибирских казаков, родился в Красноярске в 1848 году. В 1874 году он окончил петербургскую Академию художеств, после чего поселился в Москве, где и жил до самой своей смерти, от времени до времени совершая поездки в родную Сибирь или за границу с целью посещения музеев живописи. По характеру своему Суриков был замкнут, суров и прост, перед сильными мира сего — независим, одно время своей жизни — фанатически религиозен. Таков же был его образ жизни. Вся его жизнь была сосредоточена в художественном творчестве. Над каждым своим произведением он работал годами. Пять больших монументальных картин могут быть названы его шедеврами: это — «Утро стрелецкой казни» (1881), «Меншиков в Березове» (1883), «Боярыня Морозова» (1887), «Покорение Сибири Ермаком» (1895) и «Переход Суворова через Альпы» (1899). Эти картины, в особенности первые три, и послужат основой для характеристики его творчества.

Скажем сперва несколько слов об исторической живописи вообще.

---

[1] Лекция, прочитанная в Москве в Художественной Академии по случаю десятилетия со смерти Сурикова.

Большинство художников - историков понимают область, дающую им сюжеты и образы, как некую противоположность окружающей их живой действительности. Для них задача художественного постижения истории сводится к умению как можно более верно и точно воссоздать старину, воскресить когда-то бывшие живыми, но ныне мертвые лица, события и предметы. При таком понимании, как раз на различии прошлого от настоящего основывается интерес картины с историческим сюжетом и строится психологический расчет художника в целях подчинения себе воображения зрителя и воздействия на его впечатлительность. Такая картина показывает зрителю нечто им еще невиданное, необычайное, даже « диковинное », начиная с костюмов и утвари и кончая действующими лицами и ситуациями. Множество таких картин отвечает антикварному интересу более или менее узкого круга любителей истории.

Впрочем, и на почве такого понимания задачи исторической живописи нередко создавались замечательные произведения, особенно в тех случаях, когда сюжетами их становились великие события прошлого, много говорящие патриотическому чувству. Таковы произведения Мейсонье, Менцеля, Матейки, Верещагина, чтобы назвать только наиболее известных. Различие художественной ценности этих произведений и им подобных огромно, но в смысле понимания задачи исторической живописи все они одинаково принадлежат к охарактеризованной выше категории.

Но есть и другое, гораздо более глубокое понимание задачи историка, и его-то мы находим в творчестве Сурикова.

Согласно такому пониманию, эпизоды прошлого, правда, представляют нечто единственное в своем роде и неповторимое, но это не значит, что прошлое и настоящее различны между собою. Различие их лишь в нашем

соотношении с тем и другим и в способах нашего восприятия того и другого, но для человеческого познания оба одинаково представляют собою материал фактов, в котором мы открываем некую непреходящую сущность человеческого духа и человеческой жизни. Постигнуть эту сущность и выразить ее в научных положениях и художественных образах — такова задача историка, будь он ученый или художник. Каким-то бессознательным чутьем Суриков стал на почву такого понимания задачи историка и потому, как исторический живописец, он представляет единичное явление не только в русском искусстве, но и в искусстве мировом.

Темою произведений Сурикова является прошлое русского народа, но моменты и эпизоды прошлого выбраны им не ради их внешней эффектности, их интересного антикварного аппарата, но потому, что они выражают собою самую сущность исторического развития русского народа и его духовных переживаний. В этом отношении замечательны первые картины Сурикова, особенно « Утро стрелецкой казни » и « Боярыня Морозова ». Их общая тема — это борьба национального быта, психологии и самосознания русского народа, т.е. его самобытной культуры, с идущим сверху, организующим, принудительным государственным началом. В художественных образах Суриков выразил трагедию исторической жизни русского народа, разыгрывающуюся с тех пор, как над великой народной стихией воздвиглось государство российское. Эта трагедия есть столкновение двух начал, народного и государственного, стихийного и организующего, в котором во имя целей и предначертаний, часто непонятных, чуждых и даже ненавистных народу, государство разрушает его быт, ломает его волю, гасит веру, душит мысль. В самом деле, в какой другой истории увидим мы государство и народ в этом постоян-

ном разладе и вражде то скрытой, то прорывающейся наружу? Сюжеты Сурикова — не просто эпизоды прошлого, воскрешенные фантазией художника, они — символы, запечатлевающие трагедию русского народа, тяготеющий над ним рок. Здесь именно лежит источник того потрясающего впечатления, которое производят картины Сурикова. « Боярыня Морозова » символизирует насилие над народной верой, « Утро стрелецкой казни » символизирует торжество чуждых иноземных форм над национальным русским бытом, наконец « Меншиков » — это образ попранной личности русского человека, жертвы жестокого произвола.

⁂

Замечательно, что к своему глубочайшему постижению русской истории Суриков пришел бессознательно, только путем художественной интуиции. В самом деле, Суриков считал себя чистым живописцем, мастером рисунка и краски. Его беседы были всегда посвящены чистому, т.е. бессюжетному искусству, задачам живописи, красочной гамме. В этих случаях имя Тинторетто не сходило с его уст, и в заграничных поездках он особенно изучал этого мастера композиции и краски. Об идеях, тенденциях в живописи Суриков не говорил никогда. Никогда не говорил он тоже об истории, тем более об ее научных проблемах, хотя он и интересовался ее фактическим материалом, черпая его в мемуарах и в « Историческом Вестнике ». Не проявлял он особенного интереса и к так называемым историческим « реалиям », т.е. предметам минувшего быта: утвари, оружию и костюмам. Недаром, когда разговор заходил об истории, он любил повторять слова: « Хороша старина, да Бог с ней ». Поэтому-то в своих исторических картинах Суриков весьма

мало обращал внимания на верность и точность этих « реалий », а иногда и умышленно искажал их. Так, в « Боярыне Морозовой » узор парчи на одежде не XVII-го, а конца XVIII века, казаки Ермака вооружены кремневыми ружьями, вошедшими в употребление столетием позднее, лицо Меншикова списано не с подлинного его портрета, но с какого-то провинциального учителя, ибо его черты и выражение казались Сурикову более соответствующими искомому образу ссыльного вельможи. Наконец, поза Морозовой в санях исторически прямо неверна, и тут Суриков сознательно отступил от документальности изображения, ибо оно помешало бы ему выразить сущность происходящей на картине драмы. Здесь им руководил эстетический такт, а также чутье психолога и историка. Для историка важны были не внешние аксессуары события в их документальной точности, но сущность исторического момента: конфликт национальной религиозности с попыткой навязать ей чуждые рациональные формы. Вдохновенный жест истинного знамения креста, горящие верой глаза Морозовой, сосредоточенная и замершая в общем чувстве толпа покидаемых друзей, лукавые и злорадные маски никониан — сущность изображаемой драмы здесь, а не в антикварных аксессуарах, якобы передающих « эпоху ». Повторяем, Суриков постигал идею русской истории интуитивно, он никогда не формулировал ее словами и не объяснял выбора исторического сюжета для своих картин. Напротив, по его собственным словам, зародыш каждой из них заключался в каком-либо зрительном впечатлении и вытекающей из него живописной проблеме. Так, живописный образ стрелецкой казни возник из эффекта отражения горящей свечи на белой рубахе, а сидящая на снегу черная ворона с оттопыренным крылом дала толчок живописному образу боярыни Морозовой.

⁂

Характеризуя художественное дарование Сурикова, важно отметить еще одну его черту, которая в огромной степени содействует впечатлению, производимому его картинами.

Все они имеют своей темой драму, выраженную почти всегда в действии, и участники этой драмы находятся в движении. Однако, живопись, как вид искусства, статична, в отличие от поэзии и музыки она не располагает временем, как средством выражения, и живописцу из всего процесса движения, т.е. развертывания драмы, дано зафиксировать только один момент. Какой же момент выбрать, чтобы в нем одном выразить весь смысл происходящего, чтобы всю драму отразить на плоскости одного мгновения ?

Драматическое действие вызывает в зрителе волнение самым процессом нарастания: близится какой-то страшный конец, и ожиданием его полно « Утро стрелецкой казни ». Это ожидание страшнее самого конца.

Зрелище заключительного момента драмы, т.е. самой казни, правда, вызвало бы у нас чувство ужаса, зато художественное впечатление было бы ослаблено чисто физическим отвращением при виде крови и мертвых тел. Чем натуральнее было бы это изображение, тем сильнее было бы вызываемое им отвращение, и тем слабее стало бы искомое впечатление психологической драмы. Его заглушила бы атмосфера мертвецкой или застенка. Таков именно эффект картины Репина: « Убиение Грозным сына ». Здесь восприятие психологической и исторической драмы целиком подавляется в зрителе чисто физическим отвращением при виде крови и потухающего взора умирающего. В этой картине как раз необычайное мастерство изображения всей сцены « как живой » разрушает ее основную цель.

Картина Репина — антихудожественна, и недаром какой-то нервный субъект бросился на нее и изрезал ее ножом.

Совсем иное у Сурикова. Он берет хронологически предпоследний, но внутренне самый важный момент драмы, когда привезенные к месту казни стрельцы среди рыданий близких обмениваются последним взглядом со своим победителем — царем. В картине казни художник устраняет все свидетельства физических мук и самой смерти. Только по беспомощным позам стрельцов зритель узнает о перенесенной ими уже раньше пытке. Все выражение — в их дико горящих глазах, говорящих о душевной муке. И потому зритель сосредоточивается не на физическом акте казни и смерти, но на духовной сущности момента, на конфликте двух начал и двух сил, воплощенных в страдающей группе жертв на первом плане и фигуре торжествующего победителя позади. Чтобы этой цели подчинить художественную композицию, нужны были верное чутье и такт. Виселицы отодвинуты далеко вглубь и даже не сразу заметны. А ведь как легко было поддаться соблазну усилить эффект, придвинув их ближе и даже введя в композицию тела первых повешенных ! [2]

Несомненно, картины Сурикова по самому своему духу революционны, хотя и не в узко политическом смысле этого слова: они с необычайной силой выражают борьбу народного духа против идущего сверху угнетения. Историческое прозрение и художественное

---

[2] Такой совет, по словам самого Сурикова, подал ему Репин. Суриков попробовал было написать повешенного стрельца, но тотчас же стер его. « Натуралист » Репин проявил здесь то же отсутствие художественного такта, которое уже отмечено нами выше в его « Убиении Грозным сына ».

чутье Сурикова объясняют нам, почему свои сюжеты он взял из эпохи раскола и петровских реформ, и почему, вопреки советам многих своих почитателей, он уклонился от изображения казацко-крестьянских бунтов или борьбы позднейших революционеров. Ведь эти темы попросту не соответствовали тонкой художественной разборчивости Сурикова, не вызывали в нем тех эстетических образов, которые он искал и умел находить с таким верным чутьем и тактом. Действительно, какие эпизоды этих движений пришлось бы ему брать? Кровавые сцены мести крестьян или жестокой расправы с ними их усмирителей? Виселицы с телами господ или виселицы с телами бунтовщиков? Но ведь таких то сцен, как мы видели, как раз и избегал Суриков. Также и сущность русской истории не усматривал он в классовом движении, напротив он любил повторять слова Пушкина: «Что может быть ужаснее, чем русский бунт, бессмысленный и беспощадный?»[3]

В русской истории Суриков искал универсального, всенародного. Потому-то он не брал своих сюжетов из времен удельной, еще только складывавшейся Руси, а остановился на XVII веке, когда наш народ уже вырос в нацию и возникло государство в современном смысле, когда впервые в полных драматизма событиях выявился конфликт этих начал, государственного и народного, конфликт, породивший на всем протяжении нашего духовного и общественного развития столько тяжелых, мучительных переживаний. Для раскрытия

---

[3] Последняя историческая картина Сурикова — «Стенька Разин» (около 1908 г.); ее судьба, думается нам, подтверждает наш взгляд. Взяв темою знаменитого своей жестокостью бунтовщика, Суриков изобразил его в спокойной позе раздумья. Художник сам чувствовал, что его произведение вышло неудачным и пытался его исправить, чего он никогда не делал со своими картинами раньше. Однако, если по содержанию своему эта картина совершенно не идет в сравнение с предшествующими, то живописные ее достоинства, по мнению художников, огромны.

этой неизменной сущности нашей истории Суриков остановился именно на XVII веке потому, что тогда по быту своему и духовному содержанию народ был един, между тем как со времени раскола и петровской реформы и бытие его и сознание потекли по многим отдельным руслам, как и само общество разделилось на части, между которыми залегла глубокая пропасть. И едва ли какое-либо событие послепетровского периода могло бы выразить универсальность народных переживаний так, как она выражена в « Боярыне Морозовой », где толпа представляет собою подлинный народ, где нищий, простолюдин и боярин стоят в одной группе и сплочены общим и единым чувством.

Впрочем, Суриков принес дань своего творчества и простой народной массе, возвеличив ее могучую силу, изобразив ее в действии, а не в страдании. Это — его картины « Ермак » и « Суворов ». Также и в них Суриков выявил нечто органически присущее русской народной стихии — широкий размах духа, порыв на вольный простор, к сказочным подвигам, испробовать силу богатырскую. « Покорение Сибири » символизирует стихийное движение народа-колонизатора, которое удалью передовых отрядов открыло ему для его устроения 6-ую часть земного шара. « Переход через Альпы » запечатлевает беспримерный подвиг русской армии, и центром этой картины является не театральная фигура полководца, а простая солдатская масса, преодолевающая невиданное ею чудовищное препятствие — Альпы.

Нам остается указать еще одну характерную черту творчества Сурикова — вскрытие им в художественных образах сущности религиозного сознания русского народа.

Мы видели, что три главные его картины, « Стрель-

цы», «Морозова» и «Меншиков», выражающие трагедию русской истории, дают образы страдания духа и личности русского человека. Но исчерпывается ли только этим фактом все содержание картин, весь их нравственный смысл? Значит ли это, что по мысли художника самое важное и существенное в нашей истории есть нечто жалкое, способное вызвать только чувство сострадания? В самом деле, протест стрельцов сломлен, ревнители веры гонимы, личность русского человека, в лице Меншикова, попрана. И все же образы Сурикова показывают, что и терпя внешнее поражение, народный дух спасает в себе главное, и что его поражение есть в сущности победа. Чтобы убедиться в этом и вместе подвести итоги его творчества, еще раз бросим взгляд на его картины.

В первой же из них фигура стрельца налево, обращенная лицом к Петру, с одной стороны, и фигура самого царя, с другой, представляют как бы крайние полюсы двух борющихся начал. Но перед гордым орлиным взором умирающего меркнет патетическая фигура самодержца. Морозова высоко и свободно поднимает скованную цепью руку и, расставаясь со своими, завещает им стойкость в вере до последнего конца. Чем же побеждают эти побежденные? Вот тут-то и раскрывается вся глубина постижения Суриковым русской религиозной психологии.

Один современный Сурикову критик[4] сетовал на отсутствие в этой толпе «мужественных, твердых характеров» и хотел бы, чтобы «блеснуло у кого-нибудь чувство злобы, мести, отчаяния». Трудно проявить большее непонимание религиозного смысла суриковских картин, того, что он вскрыл и запечатлел в глубинах русской народной религиозности. Где же искать твердых и мужественных характеров, как не

[4] Знаменитый В. В. Стасов в разборе «Боярыни Морозовой».

здесь? Правда, духовная их сила выражается по-своему: никто из этих людей не охвачен злобой, местью или отчаянием, никто не бросается освобождать узницу, но, благословляя ее на подвиг, никто не отказывается нести свой крест. И не в тупой покорности застыла эта толпа. Угодников власти и ханжей художник ясной чертой отделил от верных и твердых. В своих образах Суриков дал разгадку сущности народной борьбы за свои духовные идеалы, и разгадка эта кроется в религиозном миросозерцании русского народа. Если не признать выраженную Суриковым в образах формулу, то в нашем народе мы увидим только массу рабов, готовых подчиниться любому произволу. Эта формула гласит: когда борьба идет из-за духовных ценностей, когда насилие совершается над убеждением и совестью человека, то это насилие нельзя победить; нельзя даже отвечать на него таким же насилием. Верность убеждению можно запечатлеть только готовностью до конца нести за него страдание, надо и голову склонить и смирить свою гордыню, но не перед мирским, не перед победителем-человеком, а перед высшей правдой, которая стоит над обеими борющимися сторонами. В ней-то и лежит то примирение, тот синтез, которого нет и не может быть в запутанном лабиринте общественной борьбы, где с обеих сторон сталкиваются человеческие эгоизмы, где обе стороны одинаково неправы. Так именно Меншиков находит в Святом Писании убежище от собственной гордыни, примирение двух полюсов своего бытия — величия и ничтожества, наконец, утешение в своем страдании. Нам вспоминаются слова знаменитого расколоучителя, протопопа Аввакума, который, расставаясь с тиранившим его сибирским воеводой, говорит: «Не знаю, кто кого больше мучил, он ли меня или я его». Здесь выражено чисто русское религиозное сознание, что в этом мире вполне правых нет, как нет в нем и вполне виноватых.

И потому-то Суриков не брал темою своих картин моментов бунта и кровавой мести. Вдохновение, одушевленность большим и высоким чувством, — вот что возвеличивает он в своих картинах, а ведь русский народ, оставаясь себе верным, даже когда он бунтует и мстит, не вдохновляется ни бунтом, ни местью, и, в конце концов, не верит в способность грешного человека создать царство правды на земле. Зато он верит в очищающую силу страдания, в обязанность каждого искупать свой и общий грех. Это русское религиозное сознание Суриков с изумительным проникновением показал нам в своих образах. И потому-то не случайно, что так или иначе во всех его картинах играют роль символы религии. Даже в казни стрельцов погребальные свечи как бы говорят о панихиде за упокой мятежных душ. Суворовский солдат идет на подвиг, осеняя себя крестным знамением. Казаки Ермака сомкнулись вокруг хоругви с ликом Спасителя, как вокруг своей твердыни. Нужно ли говорить, что религиозные переживания, экстаз веры и утешение в вере представляют все содержание « Боярыни Морозовой » и « Меншикова » ?

Русские искусствоведы ставят Сурикова в один ряд с лучшими нашими колористами; все же среди них он не является ни первым, ни новатором. Его значение лежит в содержании его картин и в их художественном выражении. Повторяем, здесь он представляет явление исключительное, единственное не только в нашем искусстве, но и в мировом. Ибо он открыл глубокую и важную черту русской истории, можно сказать, ее сущность. Он сделал это интуитивно и самостоятельно, как не сделал до него ни один ученый историк, всю жизнь свою проведший над источниками и документами.

Москва. 1925 г.

СОВРЕМЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ХРИСТИАНСТВО [1]

Соединяя в моей лекции два эти явления — христианство и цивилизацию, я под этим последним термином понимаю совокупность того, что относится к человеческому общежитию, что создано людьми, благодаря общежитию и для нужд общежития. Как видите, в таком понимании термин этот покрывает нечто очень обширное и сложное, собственно весь уклад жизни, весь жизненный порядок вещей. Наряду с термином « цивилизация » таким же ходовым является термин « культура ». Он тоже относится к человеческому быту и творчеству, но если слово « цивилизация » имеет в виду строительство жизни в плане общественности, то « культура » имеет в виду по преимуществу индивидуальное творчество. Таким образом, произведения художественные, литературные, музыка принадлежат к области культуры, политические учреждения, экономика, промышленность, общественные нравы — к области цивилизации. Само собою разумеется, что в живой жизни явления того и другого порядка часто нераздельны и потому употребление терминов до некоторой степени произвольно.

Я выбрал термин « цивилизация », потому что все человеческие явления, также и культуру, рассматриваю дальше в плане общежития.

---

1 Лекции, прочитанные в церкви в Аньере в феврале 1949 г.

⁂

В истории человечества сменился целый ряд цивилизаций. Все они протекали во времени по общему закону — зарождение, юность, расцвет и смерть.

Наша цивилизация носит название христианской. В дальнейшем мы посмотрим, действительно ли она является таковой.

Ее возраст — почти 2000 лет. Ей предшествовала цивилизация языческая, так называемая античная или греко-римская.

Ареной обеих этих цивилизаций является Европа, античной — юг Европы, нашей — вся Европа, но по преимуществу ее Запад.

В своем развитии эта последняя европейская цивилизация прошла ряд ступеней или стадий, находящихся между собой в преемственной связи.

Последняя стадия — современная. Ее возраст приблизительно 70 лет. Это возраст старейшего поколения живущих сейчас людей, это мой возраст, моя жизнь, и выбранная мною тема представляет в значительной степени мое личное переживание.

При мысли о современной цивилизации почти каждый скажет — она переживает кризис, или находится в упадке, или умирает.

Вот об этом-то кризисе я и поведу речь, и о том, в каком отношении стоит к нему христианство, и как должно смотреть на этот кризис с христианской точки зрения.

Сейчас — кризис, но ему предшествовал подъем небывалый. 70 лет назад и цивилизация и культура европейские находились в восхождении. Всеобщее мнение было таково, что европейское человечество стоит перед зенитом своей цивилизации и культуры.

В чем же собственно этот зенит ? Какая цель стояла перед развитием цивилизации ?

Все дело, в сущности, очень просто. Жизнь человеческая состоит из зла и добра, бедствий и благоденствий. Цель жизни и усилий человека — достигнуть счастья. Удалось — жизнь прожита не напрасно; в противном случае это участь неудачника.

Соответственно этому, последние успехи цивилизации заключались в достижении все большего перевеса суммы благ над суммой бедствий. Всем казалось, что в общем итоге в жизни европейского человечества блага перевешивают бедствия. Его развитие понималось, как идущее вверх, преуспевающее. Оно называлось прогрессом, и прогресс этот в будущем представлялся обеспеченным и бесконечным.

На чем основывалось это убеждение ? На опыте целых четырех веков, предшествовавших середине 19 столетия, но в особенности, непосредственно последних ста лет. Оглядываясь на это прошлое, историки, невзирая на множество отрицательных фактов и явлений, уверенно и обоснованно констатировали неуклонное улучшение условий общежития, т.е. неизменный прогресс.

Какие же блага были достигнуты и какие сулило будущее ? Прежде всего свобода. Свобода была гордостью 19 века в европейских странах и в Америке, а в начале 20 века даже и в России. Четыре столетия предшествующей истории представляли борьбу за эту свободу.

Повсюду на земле было уничтожено рабство. В Европе благодаря конституционным режимам, повсюду была достигнута политическая свобода, даже в России.

Всякий имел свободу мыслить, говорить, писать и печатать все, что ему угодно, почти без ограничений, проповедывать свои идеи в прессе и на собраниях; всякий имел религиозную свободу, и эти последние свободы были достигнуты также путем долгой борьбы с когда-то господствовавшими монархами, аристокра-

тией и Церковью. Свобода от предрассудков. Свобода от всяких стеснений прихоти и каприза. Драгоценным благом была также свобода передвижений по всему земному шару, благо, которое мы оценили, только когда его потеряли.

Тесно связано со свободой было равенство всех перед законом, равный доступ каждого ко всем возможностям деятельности и выдающегося общественного положения. Независимо от происхождения, в принципе, каждый способный человек мог достигнуть высших ступеней общественной лестницы.

Другим огромным достижением цивилизации была гуманность. Можно сказать, что человек, забота о нем, его оберегание, содействие его преуспеянию были поставлены во главу угла современной цивилизации. Об этом говорит множество учреждений, как школы, приюты, больницы, санитарный надзор, охрана труда, помощь старикам и инвалидам, смягчение нравов, проникновение начал гуманности во все междучеловеческие отношения. Достаточно указать на окончательное уничтожение пытки и вообще жестокого обращения с заключенными и осужденными, на пропаганду против смертной казни в тех странах, где она еще существовала.

Третье благо — общее обогащение европейского человечества. Это достижение многим казалось спорным. Указывали на рост имущественного неравенства, на крайние полюсы богатства и нужды, на ужасы и несправедливости капитализма, на эксплуатацию трудовых масс. Однако против этих отрицательных явлений были наготове весьма действенные средства, о которых будет речь ниже. А кроме того положительным фактом являлись: во-первых, абсолютное увеличение народного богатства всех европейских стран и Соединенных Штатов Америки; и, во-вторых, несомненное повышение благосостояния, комфорта, удобств,

возможностей развлечения и наслаждения для широких масс, по крайней мере городских. Достаточно сравнить уровень жизни мелкого горожанина, крестьянина и рабочего в Германии в конце 19 века с жизнью их предков два или три столетия назад. Германия, правда, в этом отношении была передовой страной; но по ее пути шли и другие страны, не исключая и России.

Наконец, но не в последнюю очередь, гордостью современной цивилизации был рост просвещения и знания, их колоссальный подъем вверх и распространение вширь. Тут-то и заключается ключевой пункт прогресса, источник веры в будущее европейской цивилизации, а с нею вместе и всего человечества. Я имею в виду успехи науки и научного знания, а в связи с ними так называемого просвещения умов, расширения умственного кругозора.

Вот тут-то мы и подходим к главному пункту. Основою всего прогресса нашей цивилизации и его мощным двигателем было развитие науки и связанной с нею техники. Это развитие шло в геометрической прогрессии. Оно преобразовывало весь характер цивилизации, перестраивало весь уклад жизни. Все представления о природе и о вселенной переживали коренной переворот. В этом отношении характерна появившаяся в Германии в 70-х годах, нашумевшая тогда статья знаменитого физиолога Дюбуа-Реймона: «История культуры и естественные науки».

Значение естественных наук Дюбуа-Реймон усматривает не только в огромной сумме знаний о природе и ее законах, но также и в особенности в научном методе, как могучем и безошибочном средстве дальнейшего приумножения этих знаний, а равно в применении их к целям техники. В результате наука делает человека властителем природы, которую он использует

для увеличения своего могущества, благосостояния и наслаждений.

Роль естественных наук в современной цивилизации столь огромна, что Дюбуа-Реймон считает их наличие поворотным пунктом в истории человечества. В течение предшествовавших 2000 лет человечество не двигалось с места. Путем открытий во всех областях наступил технико-индуктивный век науки. До возникновения естественных наук мировая история представляла собою кровавый хаос бессмысленных событий, войн и захватов. Только появление естественных наук внесло смысл в эту историю. Они, эти науки, являются абсолютным, безусловным орудием культуры, и история естественных наук, собственно говоря, и есть настоящая история человечества.

Таким образом, с точки зрения выдающегося представителя науки только теперь начинается настоящая история, т.е. настоящая жизнь человечества. Сила и значение естественных наук, по мнению Дюбуа-Реймона, в том, что они гарантируют, обеспечивают будущее человечества. Цивилизация, предшествующая в Европе нашей, так называемая античная, погибла оттого, что, будучи ярко выраженной в художественном отношении, она была абсолютно беспомощна в отношении научном и техническом. Античный мир вследствие этого впал в варварство. Наша же цивилизация застрахована от обратного впадения в варварство и тем более от дикости, и это именно благодаря естественным наукам. Они дают нашему существованию обеспеченность и прочность, которые воспринимаются нашим сознанием, как нечто само собою разумеющееся, настолько мы привыкли к действию этого могучего направителя и охранителя нашей повседневной жизни.

Прошу вас запомнить эту уверенность крупного ученого в прочности и перспективах нашей цивилизации, покоящейся на научной основе. Она разделя-

лась всеми его современниками, она разделялась и последующими поколениями, а в молодости и представителями моего поколения. Эта самоуверенность, этот энтузиазм были общи всему образованному и тем более всему полуобразованному слою европейского общества.

Здесь перед нами величайший, еще никогда в прошлом не бывавший оптимизм насчет человека, его возможностей и его судеб. Оптимизм этот был, можно сказать, всеобщим. Люди были горды уже имевшимися достижениями и ожидали еще больших. Создалась легенда о способности цивилизованного человека к бесконечному совершенствованию, о его как бы полном перерождении под действием общего прогресса, направляемого прежде всего наукой. Распространилось ожидание подъема нашей цивилизации на новую ступень, где будут изжиты еще существующие недостатки и пороки человечества, общественные и индивидуальные. Усовершенствуется общество, станет лучше сам человек; пережитки дикости, жестокости, варварства, умственной ограниченности исчезнут навсегда. Водворится некое подобие земного рая.

В целях устранения всех еще существующих недостатков и достижения этого земного рая работали прогрессивные общественные силы. Всякий консерватизм, приверженность к существующему укладу и быту, всякая осторожность в начинаниях, опытах и преобразованиях считались прямо-таки преступлением против человечества, отсталостью, мракобесием. Лозунгом побеждающих сил был прогресс, движение вперед. Среди этих передовых общественных сил главной был социализм, этот заклятый враг капитализма, строивший свои предвидения, планы, тактику на основе научного опыта, доказывавший свои принципы научным методом. Социализм был всецело проникнут научным духом, он ратовал за преобразование об-

щества на основе науки и за распространение научного знания среди широких масс.

В каком отношении весь этот прогресс (т.е. эта сущность современной цивилизации) стоял к христианству, и как в свою очередь, относилась к нему христианская церковь ? Были ли этот прогресс вообще и научное развитие в частности определенно противоположны и враждебны христианству ? Имела ли церковь определенную установку в отношении такого именно развития цивилизации ?

Взаимоотношения этих двух сил не были выражены вполне ясно и определенно. Вышеописанные явления выросли постепенно рядом с традиционными, идущими из далекого прошлого факторами жизни, одним из которых являлась христианская Церковь. К тому же самый прогресс содержал в себе явления, которые по всей очевидности представлялись идущими в полном согласии с целями и деятельностью Церкви, как бы выполняя заветы Христа о любви и сострадании к труждающимся и обремененным. Сюда относится все то, что в самых разнообразных формах было направлено к облагоображенио жизни, к увеличению благосостояния, благополучия, просвещения всех людей вообще и в особенности всякого рода « малых сих ». Всем этим действиям и явлениям Христианская Церковь давала свое благословение. Она, особенно в России, и не могла бы не давать их, поскольку она была в зависимости от государственной власти, а государство во многом поощряло прогресс.

Но в двух отношениях цивилизация объективно находилась в конфликте с Церковью. В глазах прогрессивных сил, действовавших в сфере политической и социальной, Церковь была реакционным явлением, ибо она была связана с существующим порядком, подлежащим упразднению, и давала ему свою рели-

гиозную санкцию. Враждебность этих сил к Церкви была тем сильнее, чем крупнее являлся авторитет Церкви и чем ревностнее она стояла за существующий порядок. Во-вторых, что еще важнее, научное миросозерцание, победоносно шествовавшее вверх и распространявшееся вширь, было непримиримо с христианским миросозерцанием и подрывало его. Ибо в общем миросозерцание это было ярко материалистическим, и наличие некоторых ортодоксально по-христиански верующих ученых нисколько не нарушает этого факта.

Материалистической была однако не одна наука; материалистическими были весь тон, характер, тенденции и цели этой высшей стадии европейской цивилизации. Материалистической была эта цивилизация не только в ее материальной сфере, но и в сфере духовной. Она не только всячески хлопотала о повышении с помощью науки и техники всей совокупности земных, вещественных благ, усовершенствовала и повышала количество и качество производства, увеличивала промышленность и торговлю, строила дороги, паровозы, пароходы, фабрики, заводы, добывала нефть, уголь, золото и всевозможное сырье, но она создавала новые физические потребности, повышала и поощряла все чувственные проявления человеческой природы, усиливая страсть к наслаждениям. Мало того, соблазнами богатства, роскоши и довольства она делала эти материальные блага целью деятельности представителей благороднейших сторон человеческого духа — художников, поэтов, писателей, врачей, общественных деятелей. Высшие духовные ценности становились предметом купли и продажи. При все более быстром и напряженном темпе жизни, при растущей конкуренции рядом с корыстью успех и слава становились целью всякой деятельности и всякого творчества. Выводы естественных наук, видевших в борьбе

за существование двигатель органического развития, были перенесены на область междучеловеческих отношений и, в полном конфликте с христианским учением о любви к ближнему, санкционировали во мнении все растущей массы людей право сильного и безразличие в выборе средств для борьбы за достижение успеха во что бы то ни стало. Мне нет надобности слишком задерживаться на всех этих фактах; они достаточно известны. Нет также никакого сомнения в том, что победоносное шествие прогресса, научного миросозерцания и всей вообще современной цивилизации означало параллельную потерю христианской церковью тех господствующих позиций, которые она до начала этого научного развития занимала и в общем житейском укладе, и в душах отдельных людей. Во Франции государство находилось в прямой борьбе с нею; здесь она почти целиком потеряла народные массы. В Англии церковь держалась не столько верою, сколько бытовой традицией средних классов, в Германии она потеряла всю интеллигенцию, да и вообще в протестантизме утратила свой подлинно христианский дух. В России церковь находилась в печальной зависимости от государства, была в значительной степени орудием его политики; высшее общество в огромном большинстве было индифферентно, интеллигенция атеистична и активно враждебна церкви, народная масса верила, но при приниженности духовенства была лишена религиозного и нравственного руководства.

Современная цивилизация с ее успехами означала торжество « мирского ». « Божественное » все более изгонялось из жизни. Это была гуманистическая цивилизация, центром которой стал человек, освободившийся не только от подчинения высшему, абсолютному божественному началу, но и от признания самого существования такого начала. Употребляя евангельское

выражение, современная цивилизация все более становилась державою князя мира сего.

Резкие и глубокие переломы в истории человечества происходят сравнительно редко, особенно переломы идеологические и духовные. Эти последние в противоположность политическим переворотам совершаются постепенно. Сейчас, когда мы стоим по другую сторону разрыва, отделяющего нас от описанной выше эпохи последнего подъема нашей цивилизации, нам особенно ясны ее основные направляющие факторы — материализм и утилитаризм. Но в то время эти факторы существовали рядом со старыми и традицонными, с идеализмом и религиозностью, они в значительной степени маскировались гуманностью и казались действующими в духе христианской культуры в направлении к общей цели человеческого блага.

Мы — люди моего поколения — в нашей молодости были свидетелями этого подъема цивилизации, в массе своей наше поколение работало в ее духе, верило в прогресс и, несмотря на отдельные зловещие симптомы тогдашней современности, питало оптимистические надежды на будущее.

Страшный удар и этому оптимизму и всем достижениям цивилизации нанесла первая мировая война и ее прямые и косвенные последствия. Произошло нечто неожиданное, непредвиденное, казавшееся исключенным раз навсегда: человечество стремительно покатилось вниз.

Нужно ли мне здесь описывать этот упадок цивилизации ? Ведь он несомненен для всех. Однако, если факт и осознается всеми, то перечувствовать его со всей полнотой во всей его реальности могут только те люди, которые пережили современный кризис цивилизации во всех его аспектах, которым пришлось стоять лицом к лицу со зрелищем ее крушения. Если

для личного существования этих людей такая участь является несчастием, страданием, то в смысле опыта и поучения она является счастьем и благом. Да не покажутся слова мои хвастовством или самопревозношением, но я должен сказать, что к такой категории людей принадлежу и я; и я благодарю Бога за то, что Он сохранил меня во всех испытаниях, сподобил меня пережить и наблюдать эту историческую катастрофу и, по мере моего разумения, дать себе отчет в значении всего происшедшего.

Итак, много говорить об упадке современной цивилизации, о ее пока еще частичном, не окончательном крушении я не буду, а укажу только самое главное.

Главное же здесь то, что та уверенность в незыблемости ее достижений, которую высказывал Дюбуа-Реймон и которая основывалась на всемогуществе науки и техники, оказалась иллюзией, самообманом. Оказалось, что наука не гарантировала ничего, не застраховывала цивилизацию от обратного впадения в варварство и даже дикость. Теперь мы видим воочию, что все достижения прогресса: свобода, гуманность, неприкосновенность человеческой личности, ценность человеческой жизни, все это висело на волоске. То, что казалось навсегда преодоленным, навсегда ушедшим в темное прошлое, вернулось вновь и иногда с удесятеренной силой. Жизнь человеческая вновь не ценится ни во что; войны ведутся с беспощадностью языческого мира по римской формуле ferro ignique vastare, но в невиданных никогда масштабах, по милости еще небывалой техники истребления. Восстановлена пытка, но в новых утонченных формах сообразно изобретательности цивилизованного зверя, каким стал современный человек. Вернулось рабство, юридически прикрытое, но тем более тяжелое морально, а физически усугубленное тем, что в прежнем откровенном рабстве владелец был заинтересован в прокормлении раба, а

современный рабовладелец-государство использует его, как рабочую силу до отказа, не заботясь о сохранении его жизни.

Ненависть во всех видах — национальная, расовая и классовая — вместо того, чтобы постепенно погасать от науки и от прогресса, как то предсказывали оптимисты, вспыхнула вновь и стала большим злом, чем в эпоху языческой античной древности или в Средневековье, когда она находила себе известные препятствия в требованиях религии; теперь же она оправдывает себя в собственных глазах квази-научными основаниями.

Но что важнее всего в нынешнем упадке цивилизации — это полный крах науки, ее настоящее банкротство. Эти слова, я знаю, удивят многих. Ведь существует как будто бы обоснованный взгляд, что войны повышают научную деятельность воюющих наций и умножают число изобретений и открытий. За время, истекшее от начала первой мировой войны, были достигнуты огромные успехи во всех областях естественных наук; для примера достаточно указать на открытия в учении об атоме, на теорию относительности, а в области техники на атомную бомбу и достижения в авиации. И тем не менее мы можем с полным правом констатировать банкротство науки, как духовного фактора в деле преодоления зла и насаждения добра, в деле обеспечения устойчивости и длительности современной гуманистической и гуманной цивилизации.

Пусть развивается наука еще во стократ интенсивнее и действеннее, теперь ясно, что никаким фактором морального усовершенствования и прогресса она не является, да и в области материального устроения жизни, при нынешних общих условиях, она гораздо более содействует разрушению, нежели созиданию. Главное же здесь то, что именно научные достижения современности создали угрозу тотального и окончательного разрушения не только цивилизации,

но и всей органической жизни на земле, а может быть и гибели самой нашей планеты.

Но банкротство науки сказывается еще в другом, более глубоком и важном смысле. Я имею в виду невозможность научного объяснения конечных тайн бытия. Наука непрерывно открывает все новые факты и существующие между ними отношения причинности и закономерности. Но все эти открытия лишь раздвигают пределы жизни в двух направлениях — бесконечно великих и бесконечно малых величин. И это все. « Высшая и последняя загадка бытия » остается для нее так же недосягаема, как и при первых шагах научной мысли. Мне нет надобности вдаваться в длинные рассуждения на этот счет. Пределы научного знания ясно сознаются и утверждаются настоящими учеными, и только поверхностное полузнание может верить, да, именно слепо верить в науку, как в средство проникнуть в эти навсегда закрытые для человеческого ума высшие тайны, искони веков и до сегодняшнего дня составляющие область религиозной веры.

Каково же должно быть отношение верующих христиан к этому краху цивилизации и науки ? Отношение это определяется тем, в какой мере мы считаем благом науку и нашу еще недавно столь богатую и великолепную цивилизацию ?

Совершенно понятно, что мы не можем относиться к ним целиком отрицательно. Мы родились в лоне этой цивилизации, мы к ней привыкаем, как к абсолютному явлению, наравне с явлениями природы, раньше, чем входим в сознательный возраст. Мы тоже сыны века сего. И будучи таковыми, мы не можем отказываться от ее средств, возможностей и преимуществ. Это значило бы отказываться от участия в жизни и во множестве случаев делать себя самих слабее в сфере нашей собственной к христианским целям направленной дея-

тельности. В силу этой органической связи нашей с цивилизацией, ее крушение есть также и наше крушение: это гибель многого того, к чему привязывала нас любовь, надежда и даже вера.

Но кроме того, если бы даже это и не было так, если бы мы всецело стояли вне этой жизни, оставаясь внутренне в высокой духовной сфере, зрелище бедствий, зрелище революций и войн, и ожидание новых бедствий, повидимому неотвратимых, и, наверное, еще горших, не может не восприниматься и нами, как трагедия. Если это так с христианами, то это тем более относится к людям, которые всю жизнь свою, ум свой и сердце связали с этой цивилизацией, которые верили в науку, а не в Бога. Для них нынешняя катастрофа есть действительно потеря всего, есть полный крах их жизни.

Однако, несмотря на те понятные чувства, которые возбуждает современность также и в христианине, его отношение к ней, если только он действительно верующий христианин, по самой сущности своей является иным и прямо обратным. Крах цивилизации должен возбуждать в нем радость. Почему ? Да потому, что крах этот только подтверждает присутствие в мире промысла Божия и истинность христианства.

На это, может быть, скажут: да разве надо было такое подтверждение, такими именно страшными средствами ? Разве и промысел Божий, и истинность христианства для верующих не была ясна всегда, и без таких катастроф, в самые спокойные времена ?

Я отвечу на это: да, отвлеченно, умственно, головным, так сказать, способом это было ясно для всех христиан, ибо этому учит Св. Писание, но чувством, нутром это не ощущалось вовсе, ибо если бы ощущалось, то и христиане были бы иными, и самый мир не дошел бы ни до такой цивилизации, ни до такой катастрофы.

Дело в том, что христианство изменило своей сущности, осуетилось. Здесь я делаю оговорку: под христианством я понимаю в данном случае не учение Христа, а христианский люд, в том же смысле, как мы говорим « крестьянство » или « офицерство » о совокупности крестьян или офицеров. И Церковь земная, как совокупность христиан, а в лице своих высших представителей, иерархов, еще более чем масса христианская, осуетилась и предалась миру сему. Это произошло уже давно, когда христианская Церковь получила признание со стороны государства и вступила в союз с ним, а ведь по существу своему христианство, как учение, находится во вражде с миром и должно быть всегда гонимо. Об этом говорят непререкаемо слова самого Христа и Его апостолов.

От союза с Церковью для мира и государства получилось благо. Учение Христа бросило свой свет на пребывавший дотоле во тьме язычества грешный мир, во многом очистило его и возвысило.

Так расцвела христианская культура Средневековья, смиренно стоявшая под сенью Церкви, склонявшаяся перед заповедями Христа. Но в дальнейшем трагедия европейского человечества заключается в том, что со времени Возрождения мир, т.е. мирское начало, противоположное христианству, но как будто покорившееся ему, стало перерастать христианство, возвышаться над ним, закрывать его своею тенью, глушить его, как в поле сорные травы глушат драгоценный злак. Всего этого мирское начало достигло блеском, мощью, соблазнами своей гордой цивилизации, развившейся с эпохи Возрождения и достигшей своей высшей точки на повороте от 19-го века к 20-му. Мне не надо возвращаться к ее характеристике, чтобы доказывать, что, несмотря на все ее блага, по сущности она была служением мамоне, державой князя мира сего. Она импонировала массам своим могуществом, реальностью

и физической ощутимостью своих достижений и как будто бесспорностью своих утверждений и своих обещаний на будущее. И массы все более переходили от христианства на сторону мирского, и сама Церковь, в лице ее руководителей, робела и пасовала и смущенно лепетала, что миропонимание христианства примиримо с выводами естественных наук, а истинно христианское поведение может быть согласовано с требованиями века сего.

Многие, также и верующие христиане, утверждают, что наука сама по себе есть благо, ибо она от разума, а разум дан человеку самим Богом, и не для того, чтобы он лежал втуне. Ссылаются при этом также на притчу о талантах. То, что достижения науки часто употребляются людьми во зло, отнюдь не подрывает ее абсолютную ценность. Кроме того, если настаивать на этих злых результатах науки, то что это значило бы ? Отказ от всех результатов человеческого разума, человеческой наблюдательности и изобретательности, вплоть до применения простого колеса или пользования огнем, ибо где в этих достижениях можно найти границу, до которой они являются благодетельными, а после которой опасными или вредными ?

Допустим, что это так. Согласимся, что вся беда оттого, что наука употребляется во зло. Но как гарантировать ее употребление только во благо ?

Вот тут-то и забывается древнее библейское откровение о первородном грехе. В чем этот грех ? Он в том, что по внушению диавола человек восхотел знания и через него божественности. С помощью современной науки человек дерзнул в управлении и своей судьбой, и самой природой стать на место Бога. По сравнению с этим святотатством отдельные благие результаты науки являются ничем. В этом основном зле науки были скрыты все начала разрушения, которое выявилось окончательно только теперь. Благами

науки и созданной ею цивилизации могли обольщаться предшествовавшие поколения, не дожившие до нынешних результатов. Только нам становится ясно, что в происходящей катастрофе совершается суд миру, что князь мира сего изгоняется вон.

Разве не должен радоваться этому христианин ? Разве не является это подтверждением его веры ? Разве не доказывается здесь истинность христианства объективно, внешним и рассудочным образом перед лицом самих неверующих ?

Но, подобно тому как во Израиле среди общего подпадения греху вставали отдельные пророки, так и в эпоху нашей цивилизации уже рано появились люди, которые ясно видели, куда в конце концов приведет человечество наука. В 20-х годах 19-го века глубокий французский мыслитель и автор философских сочинений Жозеф де Местр писал: « Si on n'arrête pas les progrès de la science, les maux qui nous attendent sont incalculables ».

Эти слова, сказанные накануне научного расцвета 19-го века, поразительно предвидели нынешний крах нашей цивилизации. Но характерно, какой отклик нашли эти пророческие слова в самый разгар этого расцвета во второй половине 19 века. Знаменитый романист Флобер, занес эти слова в тетрадку, в которой он записывал глупости, сказанные умными людьми. Действительно, в эпоху преклонения перед наукой, когда писал Флобер, слова де Местра должны были казаться глупостью. Теперь они звучат иначе.

***

Выше я сказал, что с христианской точки зрения тому, что происходит сейчас в мире, несмотря на все творящиеся ужасы, надлежит радоваться, как новому хотя и страшному подтверждению присутствия над

нами Промысла Божия и доказательству истинности христианского учения.

Но тут надо уберечься от одной ошибки, очень опасной: смотреть на кризис науки и цивилизации с злорадным торжеством, как бы говоря самим себе: вот, мол, мы, христиане, знаем, отчего произошла катастрофа, наше дело сторона, мы ходим в церковь, мы молимся, соблюдаем посты, веруем в Господа Бога, вы же, неверы, богоотрицатели, все это от вас, которые возмечтали создать здесь свой земной рай, хотели взять приступом небо и спихнуть с престола самого Творца вселенной.

Такое злорадство было бы не только величайшей ошибкой, но и величайшим грехом. Нет, именно тем, которые считают и называют себя христианами, надо обратить взоры на самих себя и на сообщество, которое они составляют, т.е. на Церковь земную. Ведь если мы хоть сколько-нибудь христиане, то и совесть и самая простая логика должны говорить нам, что коль скоро это гнев Божий разражается над миром, то и направляется он против наиболее ответственных. Кому больше дано, с того больше и взыщется. Вспомним, что в посланиях апостолов христиане называются избранными и святыми. Это показывает, какое требование предъявлялось к ним апостолами. Вина за торжествующее в мире зло лежит на всех, но самая тягчайшая вина лежит на тех, кто, веруя в Бога и открыто исповедуя Его, творили те же дела, что и « невидящие Его и неищущие ». И потому противопоставлять грешному миру сему надо не современное христианство, а то, сияющий образ которого запечатлен в Священном Писании Нового Завета, и от которого мы так далеко отклонились.

В Евангелии и посланиях есть целый ряд текстов, содержащих слова Спасителя и апостолов о надлежащем отношении христианина к миру, о христианском

идеале человека и о том, что такое этот окружающий нас мир. Тексты эти самые недвусмысленные, не требующие никаких толкований, самые категорические и самые верные. Мы читаем их, кто чаще, кто реже, мы на мгновение как будто поддаемся их действию, но по существу дела проходим мимо и в повседневной жизни нашей отдаемся как раз обратному. Это-то и показывает, что наше христианство есть выдохшееся христианство. К заповедям Христа, к содержащимся в Св. Писании оценкам даже среди христиан уже давно стало принятым относиться лишь наполовину всерьез, постольку, поскольку. Верно говорит на этот счет один современный французский автор, что среди христиан лишь редко встречались души настолько верующие, чтобы жить этой верой. Масса же выбирала из христианства то, что ей не обходилось почти ни во что, все же прочее она предоставляла « святым ». Но, может быть, так и естественно ? Ведь на то и греховна человеческая природа, на то и подвержена она « насильству смертного сего телесе », чтобы дойти до полного, до окамененного нечувствия в отношении даже к величайшей своей святыне, к самому зерну заповеданной Христом истины. Но если именно так относиться к ней, то не более ли честно, не более ли даже праведно было бы отвернуться от нее совсем, постараться ее забыть. Приведу замечательное изречение еще одного француза, высказанное лет 60 тому назад: « Dieu dans sa sagesse préfère ceux qui le nient à ceux qui le compromettent ».[2] Разве не относятся эти слова именно к нашей эпохе ? И не лежит ли истинное значение этой эпохи в том, что кара Господня разразилась над миром и человечеством не за науку и технику, а за полумертвое наше христианство ? Не потому ли и торже-

[2] Cherbuliez.

ствует сейчас в мире то, что выступает как антихристианство ?

Но на то и посылаются человечеству кризисы и кары, чтобы открылись наконец умы и сердца для настоящего восприятия Христовой истины, чтобы нам действительно постараться проникнуть в значение слов Св. Писания и принять их всерьез.

Существует взгляд, проповедуемый благодушными и искренне верующими христианами, которые приемлют и науку, и технику, и весь прогресс как находящиеся в гармонии с христианским учением, ибо они де направлены к уменьшению зол и умножению благ, к тому, чтобы сделать жизнь всех людей легкой, счастливой и приятной во всех отношениях. Но как же в этом случае, примирить этот взгляд и слова Христа на Тайной Вечере, значит в самый торжественный момент Его Божественной миссии: « в мире скорбны будете »[3] (т.е. в мире будете иметь скорбь). Эти слова можно понимать так, и, повидимому, их и принято понимать так, что они относятся к первым ученикам, апостолам, и вообще первым христианам, которые будут стоять среди враждебного им языческого мира. Скорбь окончится, когда язычество будет преодолено и христианство получит всеобщее признание.

Можно ли именно так разрешить эту проблему ?

Нет нельзя, и эти слова Христа и другие, Его же слова, и апостольские не допускают такого толкования. Скорби предвидятся и предуказываются не как временное состояние, а как постоянное, нормальное, вытекающее из самой сущности христианского учения. Не мог же Христос рассчитывать лишь на какой-то ограниченный промежуток времени и не мог Он считать признание своего учения языческим государством,

---

[3] Ио. 16, 33.

сначала в качестве равноправного, а потом и в качестве господствующего, какою-то важной вехой в его дальнейшей судьбе. Вслед за Евангелием то же положение высказывают и апостолы. Павел в « Деяниях » говорит: « Многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие ».[4] В I послании ап. Петра христиане призываются страдать вслед за Христом, « ибо страдающий плотию перестает грешить ».[5]

Скорби естественны, ибо христианство не отмирно. « Аз несмь от мира сего » [6] и « Царство мое несть от мира сего » [7], говорит Христос в Евангелии от Иоанна. « Мир меня прежде вас возненавидел » [8], говорит он там же. Но и учеников Его мир возненавидел « яко не суть от мира » [9] и « Он избрал их от мира ».[10]

Итак, мир и учение Христово, и Его последователи, т.е. в конечном счете все подлинные христиане, также и мы, если мы действительно хотим быть ими, это две противоположности, враждующие, непримиримые. О выделении христиан от мира говорится также в первом послании Петра: « ... не тленным серебром или золотом *искуплены вы от суетной жизни* ... но драгоценною кровью Христа ».[11]

Почему скорбь и отвращение от мира ? I послание Иоанна отвечает: « все, что в мире, — похоть плоти, похоть очей и гордость житейская — не есть от Отца, но от мира (сего) ».[12] Удаление христианина от мира и претерпевание им скорбей отнюдь не значит, что он отступает и пасует перед ним. Христос дает ему мир

---

4 Деян. 14, 22.
5 I Петр. 4, 1.
6 Ио. 8, 23.
7 Ib., 18, 36.
8 Ib., 15, 18.
9 Ib., 17, 14.
10 Ib., 15, 19.
11 I Петра, 1, 18-19.
12 I Ио. 2, 16.

в Себе и призывает его к дерзанию: « дерзайте, яко Аз победих мир ».[13]

Мне не нужно приводить много евангельских текстов и тратить много слов для того, чтобы показать, до какой степени образ христианина, каким он должен быть, — образ, начертанный самим Христом, — непримирим с типом человека, каким его делает современная цивилизация, все более теряющая дух и идеалы христианства. Гений, талант, ум, сильная воля, для женщины физическая красота и привлекательность — вот высшие духовные ценности в глазах современных людей. Вот чему мы завидуем, чем мы гордимся, чему мы аплодируем, что мы хотели бы видеть в наших детях. Все это ценно не только и не столько само по себе, сколько потому, что это дает первенство в жизни, успех, положение, власть, богатство. Но все это ценности для слоя избранного умственно и, пожалуй, нравственно, для так называемой « элиты » европейского общества; для широкой же массы все эти высшие ценности там где-то в облаках, тогда как самое главное, это « успех » и природная или приобретенная опытом способность добиться этого успеха каким бы то ни было способом, какою угодно ценою. О способах в наше время не спрашивают. Заставь говорить о себе, обеспечь себя материально, а еще того лучше наживи капитал — вот главное требование, которому должен удовлетворять так называемый дельный человек. Но будь ты человек семи пядей во лбу, будь ты даже гений, однако неспособный пустить его в оборот и добиться успеха, и ты прослывешь неудачником и во мнении большинства твоим уделом будет снисходительное сожаление. Высокие нравственные качества — мужество, гражданское и военное, чувство чести, великодушие, самоотверженность, сострадание,

[13] Ио. 16, 33.

честность — в современном мире, правда, имеют официальную ценность как нечто парадное и декоративное, но в повседневном быту не по ним оценивается человек; их относят к разряду «добродетелей», о которых принято декламировать в торжественных случаях, иногда не без соображений выгоды, но в жизни о них говорят с некоторой иронией, в кавычках. Впрочем слишком распространяться обо всем этом значило бы повторять общие места. Современная жизнь полна людьми такого типа, но нам, простым смертным, бросаются в глаза только самые яркие его образцы. Зато реалистический роман новейшего времени — английский, французский, русский — ими полон, ибо ими полна и действительная жизнь. Ими полна также современная литература мемуаров. Я бы мог назвать здесь много авторов, но достаточно напомнить вам хотя бы одного Чехова с его галереей современных ему типов, мелких, пошлых, погрязших в материальных интересах.

Но если даже мы возьмем положительный тип этого современного человека — прогрессиста, демократа, социалиста, радеющего об общем благе, об общем просвещении, активного, гуманного, честного, даже, если хотите, милосердного и способного на самоотвержение, все же этот положительный, даже идеальный образ человека будет противоположен образу строго христианскому и непримирим с ним. Более того, из слов Святого Писания выходит, что именно этот-то положительный тип современности всего более непримирим с христианством. Вершиной христианства мы считаем Заповеди Блаженства, с которых начинается Нагорная Проповедь. В них-то и выражен Новый Завет, подобно тому как Ветхий был выражен в десяти заповедях Моисеевых скрижалей. Ну а есть ли в этих Заповедях Блаженства хоть одна из тех духовных ценностей, которыми гордится совре-

менная цивилизация, считая их conditio sine qua non прогресса ? Возвеличиваются ли там человеческий гений, ум, талант, воля, ученость, знание, благородное честолюбие и так далее, т.е. то, что составляет цель стремлений и предмет восхищения современного человека ? Нет, нищие духом, т.е. смиренномудрые, плачущие, кроткие, ищущие правды и страждущие за нее, чистые сердцем, милостивые, миротворцы и гонимые за Христа — вот чьим уделом является блаженство. Далее в Нагорной Проповеди и в других местах Евангелия Христос говорит о всепрощении, о любви к врагам, о непротивлении злу, о стремлении быть первым в услужении и подчинении всем, об отвержении от себя, о несении креста и, наконец, о приобретении чистой детской веры. Апостол Павел в знаменитой 13-ой главе 1-го послания к Коринфянам высшей и собственно единственной христианской добродетелью объявляет любовь, ибо без нее и всякое познание, и вся вера, и сам мученический венец суть ничто, а человек, лишенный любви, есть медь звенящая и кимвал бряцающий.

Давно уже замечено и сказано, что все эти христианские добродетели пассивны и не деятельны, и что стремление к ним означает собственно полный отказ от деятельной практической жизни. Подкрепляется этот взгляд и указанием на слова: « Марфа, Марфа, ты хлопочешь и печешься о многом, единое же есть на потребу ».[14] Но взгляд этот совершенно неверен. Жизненная установка человека, предписываемая Христом, не содержит никакого осуждения и никакого запрета практической деятельной жизни. Во всех Его притчах и наставлениях весь человеческий быт во всем своем разнообразии проходит перед глазами слушателей, но

14 Лк. 10, 41-42.

представляется как нечто объективно и естественно данное, как сама собою разумеющаяся реальность, которая и дает поводы, возможности и необходимости для проявления христианской морали. Христос говорит о труде и хозяина, и наемника, и рабочего, и пахаря, и сеятеля, и виноградаря, о промысле купца, говорит и о плате, и о строительстве, и о приумножении имущества трудом и усердием, которые одобряет и рекомендует, и о услаждении себя отдыхом, достатком и пированием. Но все это нейтрально, так сказать, это conditio sine qua non жизни, как воздух для дыхания. Жизнь христианина, его *блаженство* не в этом, а в дарах духа и в стремлении к приобретению их. « Ищите прежде Царствия Божия и сия вся приложится Вам ».[15] В противоположность этому мир и в особенности современная цивилизация, весь центр тяжести переносит именно на эту внешнюю сферу политического делания, возвеличивая нужные для ее преуспеяния способности, качества, дарования и таланты, а внутреннему миру придает какое-то относительное значение лишь для проформы или в лучшем случае из уважения к старой еще не угасшей христианской традиции или, точнее, превращает его в объект для наблюдений или литературного изображения, развлекающего и поучающего.

Мало того. В самом отношении к делам мира сего, т.е. к практической жизни, точки зрения мирская и христианская глубоко различны, и различие это высказывается в Евангелии устами самого Спасителя. « Я есмь Лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот сотворит обильный плод; ибо без Меня не можете творить ничего ».[16] По точному смыслу этих слов явствует, что все, что создано без Христа, вне Христа, т.е. не в духе Его заповедей, Его учения, как бы ни

---

[15] Мф. 6, 33.
[16] Ио. 15, 5.

казалось оно привлекательно, полезно, благодетельно и даже возвышенно, есть ничто.

Почему же отвергается в мире все, что стоит вне Христа ? Ответ на это дает то же Евангелие от Иоанна несколько выше: « Славы от человеков не приемлю . . . Я пришел во имя Отца Моего, и вы не приемлете Меня. Если придет некто другой во имя свое, того вы примете. Как можете веровать вы, которые приемлете славу друг от друга, а славы, которая от Единого Бога, не ищете?»[17] В том же духе говорят еще два текста Евангелия от Иоанна: « Ибо возлюбили более славу человеческую, нежели славу Божию »[18], и на Тайной Вечере: « Уже немного мне говорить с вами, ибо идет князь мира сего и во Мне не имеет ничего ».[19]

Все эти последние речения Христа с поразительной ясностью противопоставляют христианское миросозерцание, ставящее в центре всего Бога, и мирское, т.е. атеистическое, в котором человек в центр всего ставит самого себя. Наступление этого последнего и предсказывает Христос, говоря о грядущем князе мира сего и о некоем другом, который придет во имя свое и будет принят миром. И не только к современному материализму, но и к безрелигиозному идеализму и гуманизму нашего времени можно отнести слова евангелиста Иоанна в его 1-м послании: « . . . всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога, но это дух антихриста, о котором вы слышали, что он придет и теперь есть уже в мире ».[20] Эти слова можно понять так, что антихрист уже давно в мире и представляет собою нечто собирательное — все, что, под видом духовных ценностей, противится Христу или просто обходится без Него. Тем более со-

---

[17] Ib. 5, 41, 43, 44.
[18] Ib. 12, 43.
[19] Ib. 14, 30.
[20] I Ио. 4, 3.

временная, гуманистическая и гуманная цивилизация, поскольку она в сущности своей материалистична, исходит из человеческого разума (особенно с эпохи французского просвещения 18-го века) и не признает Христа как Бога, есть от антихриста. К ней вполне относится та характеристика ложной привлекательности, которая дается антихристу. В непосредственно следующих словах своего послания Иоанн указывает на противоположность представителей двух начал: « Дети, вы от Бога, и победили их (т.е. лжепророков, о которых говорилось в послании несколько выше) ; ибо Тот, Кто в вас, больше того, кто в мире. Они от мира, потому и говорят по-мирски, и мир слушает их. Мы от Бога: знающий Бога слушает нас; кто не от Бога, тот не слушает нас. Посему-то узнаем Духа истины и духа заблуждения ».[21]

Из приведенных мною цитат выходит, как будто бы, что антихристианское начало господствует в мире. Как же в таком случае понимать слова Христа, что Он победил мир, в связи с чем Он призывает апостолов к дерзанию, — слова, уже приведенные мною раньше? Как понимать и процитированные только что слова послания Иоанна о победе христиан над лжепророками ? О характере *этой* победы христианства я буду говорить ниже, непосредственно же сейчас остановлюсь на тех конкретных чертах, какими Св. Писание характеризует господствующее в мире зло.

Мне нет надобности приводить здесь всем известные речения ап. Павла, в которых подробно перечисляются господствующие в мире пороки, как блуд, лукавство, корыстолюбие, зависть, злоречие, гордость и т.д. [22]; но из целого ряда мест в посланиях явствует, что все эти пороки, которые должны особенно уси-

---

[21] Ib. 4, 4-6.
[22] Рим. 1, 29-31.

литься и распространиться в последние времена, являются лишь следствием одного главного зла, господствующего в мире, — гордыни человеческого ума.

Сам Христос осудил эту гордыню, поставив образцом для христианина детскую веру и смиренномудрие и сказав: « Славлю Тебя, Отче, что Ты утаил сие от премудрых и разумных и открыл то младенцам ».[23] Эта заповедь развивается в целом ряде мест из посланий. Я выберу из них только самое существенное: У погибающих и неверующих « бог века сего ослепил умы »[24], говорит ап. Павел во 2-ом послании к Коринфянам. « Мир Божий ... превыше всякого ума » говорит он же в послании к Филлиппийцам.[25] Особенно резко и ярко выражают эту мысль послания к Римлянам и I к Коринфянам; « они ... осуетились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце ... называя себя мудрыми, обезумели ... »[26] Далее в 1-ом послании к Коринфянам. « погублю мудрость мудрецов и разум разумных отвергну. Где мудрец ? где книжник ? где совопросник века сего ? Не обратил ли Бог мудрость века сего в безумие ? Мы проповедуем Христа распятого, для иудеев соблазн, а для эллинов безумие ... немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков ». Далее: « Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное ».[27]

Во 2-ой главе того же послания апостол с еще большей силой продолжает: « И слово мое, и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы, чтобы вера ваша

---

23 Мф. 11, 25.
24 2 Кор. 4, 4.
25 Фил. 4, 7.
26 Рим. 1, 21, 22.
27 I Кор. 1, 19-27.

утверждалась не на мудрости человеческой, но на силе Божией.[28] И наконец еще две коротких цитаты из того же послания:

«...если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтоб быть мудрым. Ибо *мудрость мира сего есть безумие пред Богом*».[29]

«*Знание надмевает, а любовь назидает*. Кто думает, что он знает что-нибудь, тот еще не знает так, как должно знать. Но кто любит Бога, тому дано знание от Него»[30].

Здесь мы подошли к самому центру нашей задачи выяснить истинное отношение христианского учения к современной цивилизации. Для всякого ясно, что эта цивилизация, более чем какая-либо другая, построена на мудрости века сего, т.е. на человеческом разуме, на человеческом гении и его достижениях. Я уже говорил, как относится к цивилизации нынешнее христианство. Ниже я привожу цитаты из Евангелия и апостолов, чтобы показать отношение к цивилизации христианства в эпоху его основания. Особенно резко и категорично звучат последние приведенные мною слова ап. Павла: «знание надмевает» и «мудрость мира сего есть безумие пред Богом». Разве не содержат они приговор всей человеческой цивилизации и культуре с их благами и блеском, но и с их суетностью? В этой связи напомню одно событие из Евангелия, внешне как будто мелкое, но имеющее глубокий внутренний смысл. Перед великолепным Иерусалимским храмом один из учеников Христа обращает Его внимание словами: «Учитель, посмотри, какие камни и какие здания». Вместо того, чтобы разделить восторг ученика, Спаситель отвечает ему: «Видишь эти великие

---

[28] Ib. 2, 4-5.
[29] Ib. 3, 18-19.
[30] Ib. 8, 1-3.

здания ? все это будет разрушено, так что не останется здесь камня на камне».[31] Не случайно это отношение Христа к величайшему архитектурному памятнику иудейского народа, составлявшему не только его религиозную святыню, но и национальную гордость. Ибо Христос, все притчи и слова Которого проникнуты такою любовью к природе и ко всем явлениям простого человеческого быта, нигде не выказывает восхищения перед человеческим гением и создаваемой им цивилизацией и культурой.

Еще раз повторяю: приговор, произнесенный Христом и апостолами над человеческой, земной мудростью, следовательно над цивилизацией и культурой, ясен и неумолим. Приговор этот создает для христианина совершенно определенную отрицательную установку в отношении к миру, и установки этой держалась христианская Церковь в век апостольский, в эпоху гонений, а позже она осуществляла эту установку уже только в лице Отцов Церкви и святых, ныне же она свидетельствует о своей по крайней мере принципиальной верности такой установке только в лице монашества.

Но много ли среди христиан монахов ?

Выходит, следовательно, что христианство, т.е. христианская Церковь, практически отказалось от строгого евангельского отношения к миру, к мирскому началу и пошло с ним на компромисс. Но компромисс означает, в конце концов, отказ от полной евангельской истины, измену ей.

Как это случилось ? Рассказать это — значило бы изложить историю Церкви, чего мы здесь сделать не можем, да это для нашей цели и не нужно.

Но следствие этого факта ясно: христианство не побороло мирского начала, хотя и осудило его. Значит,

---

[31] Марк. 13, 1-2.

оно оставило зло существовать в мире, особенно гордыню ума, который шел все развиваясь, усиливаясь, совершенствуясь, изощряясь, самоутверждаясь, пока не затмил христианство убедительностью, импозантностью, как бы самоочевидностью своих открытий и изобретений во все ускоряющемся прогрессе науки и техники, и этим, в глазах полуобразованных масс, сделал христианство ненужным.

Значит, христианство оказалось бессильным выполнить свою задачу переделать мир и принести победу добра над злом ?

Существует очень распространенный взгляд, на котором держится практическое претворение в жизнь христианских принципов, а именно, что в чистом своем виде христианство неприменимо в жизни, и потому-то оно и преобразовалось в процессе исторического формирования Церкви.

Однако, выше я привел слова Христа, обращенные к апостолам: « дерзайте, яко Аз победих мир »[32], также слова апостола Иоанна в его 1-м послании: « Дети, вы от Бога, и победили их (т.е. лжепророков), ибо Тот, Кто в вас, больше того, кто в мире ».[33] Об этой победе говорят также слова Христа: « ныне князь мира сего изгоняется вон ».[34] Наконец, сюда же можно отнести знаменитое завещание ап. Павла: « всегда радуйтесь » и « за все благодарите ».[35]

Как же разрешить это противоречие между фактом торжества зла в мире и уверенностью Христа в своей победе ?

Разрешение его в следующем:

Убеждение, будто бы христианство ставило себе задачей спасти человечество здешним земным спасе-

---

32 Ио. 16, 33.
33 I Ио. 4, 4.
34 Ио. 12, 31.
35 I Фес. 5, 16-18.

нием, и что оно в конце концов выполнит эту задачу и создаст рай Божий на земле, представляет собою глубокое и опасное заблуждение. В католицизме оно привело к притязанию установить на земле теократию, т.е. господство Церкви, частично осуществившееся в форме Церковного государства римского папы. В этом государстве римская теократия с неизбежностью восприняла худшие недостатки светской власти и всевозможные пороки мира сего, в особенности властолюбие, гордыню и стяжательность, ввергла множество верующих в сомнение и отрицание и дала оружие критики в руки врагов христианства.

Христос никогда не ставил себе целью преобразование мира в его внешнем порядке и устроении. Он никогда не думал изгнать зло не только из междучеловеческих отношений, т.е. как мы теперь выражаемся научно, из области социальной, политической и международной, но и из души человеческой, из внутренней ее жизни. В конечном итоге человеческой истории Христос предвидел победу зла и угасание веры. Ибо такой именно смысл имеют его слова о том, что перед кончиной мира будет такая « великая скорбь, какой не было от начала мира и доныне »[36], что « по причине умножения беззакония во многих охладеет любовь »[37], также Его вопрос: « Сын Человеческий, придя (вторично), обрящет ли веру на земле? »[38] Также и апостол Павел во 2-ом послании к Тимофею говорит, что « в последние дни наступят времена тяжкие ».[39] И далее перечисляет все пороки, на борьбу с которыми, казалась бы, и выступало христианство, но которых оно, как явствует из этих слов апостола, не победит. Кстати,

[36] Мф. 24, 21.
[37] Ib., 12.
[38] Лк. 18, 8.
[39] 2 Тим. 3, 1.

пороки эти характерны как раз для нашего времени. И апостол заканчивает свою картину, указывая, что «...все желающие жить благочестиво будут гонимы; злые же люди и обманщики будут преуспевать во зле, вводя в заблуждение и заблуждаясь».[40] Когда читаешь эти слова, то поражаешься, до какой степени они характеризуют именно наше время.

Христос открыл людям доступ к Царствию Небесному исключительно путем внутреннего перерождения каждого, заключающегося в построении своей жизни на вере и любви. Вот это и есть Его победа над миром и победа каждого, кто следует заповедям Христа. Возможность такой победы открыта нам всем и зависит от нашего свободного выбора. Из того, что Христос и апостолы осудили мирское начало, не следует, что нужно отказаться от всякой цивилизации и культуры, остановить прогресс науки или даже вовсе ее уничтожить, вернуться к примитиву в понятиях и общем укладе жизни. Это значило бы остановить жизнь, что невозможно. И Сам Христос предвидел, что все пойдет именно тем естественным путем, каким оно шло в истории и идет на наших глазах, и придет именно к такому концу. Но Он же дал своим последователям установку — предпочитать духовное материальному, служить Богу, а не мамоне, искать Царствия Божия, которое только внутри нас. Христос создал предпосылки для земного блаженства верующего даже среди бедствий и несчастий, но Он же предвидел, что лишь немногие пойдут полностью по этому пути. Обесценив мирское в глазах верующего христианина, Он однако не проклял это мирское, но заповедал побеждать, преодолевать и преобразовывать его и самое зло силою любви. Вот почему любовь есть величайшая

---

[40] Ib., 3, 12-13.

христианская добродетель, ибо она заключает в себе все остальные. « Любите врагов ваших »[41], сказал Христос. « Бог есть любовь »,[42] читаем у Иоанна, а по Павлу, кто не имеет любви, тот « медь звенящая и кимвал бряцающий ».[43] Любовь, заповеданная Христом и апостолами, не имеет пределов, перегородок и обусловленностей « ... ибо Он повелевает солнцу своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных »[44] и если мы идем вослед Христа, то должны помнить, что Он « пришел призвать не праведников, а грешников к покаянию ».[45]

Стоит только немного вдуматься в значение этих заповедей Христа, т.е. самых главных и в сущности единственных Его заповедей, ибо сравнительно с ними все остальное второстепенно, а ценность приобретает лишь как следствие этих главных, стоит, говорю я, вдуматься в значение этих заповедей, и мы поймем, что христианство невыполнимо и, как я уже говорил, при самом его основании не предполагалось к реальному конкретному его осуществлению в мире сем.

Тут мы, как будто, заходим в какой-то тупик: Христос, Спаситель, Бог Слово, ставший человеком, дает человечеству заповедь к его спасению, но такую заповедь, которая по высоте своей и по своему противоречию естественному земному закону является невыполнимой для рядовых людей и даже для избранных, невыполнимой полностью и целиком, ибо ее выполнение означало бы полное прекращение жизни на земле. Эту невыполнимость знает и Сам Христос, который, напротив, предвидит умножение зла на земле, чем ближе дело будет подвигаться к развязке, т.е. фи-

---

41 Мф. 5, 44, Лк. 6, 27, 35.
42 I Ио. 4, 8.
43 I Кор. 13, 1.
44 Мф. 5, 45.
45 Ib., 9, 13.

налу человеческой истории. Если применять сюда мерку обычного здравого смысла, то все это кажется противоречивым, непонятным и даже жестоким. И современный здравый смысл человеческих масс, отошедших и отходящих от христианства, объявляет его нежизненным, абсурдным, ложным. Этот аргумент приобретает тем больший вес, чем более человеческое миросозерцание сосредоточивается на здешнем, посюстороннем, мирском. Но ведь в том то и дело, что вся установка христианства потусторонняя, и только для верующих в потустороннее она имеет смысл, притом всеобъемлющий, так что, собственно, для подлинно верующего христианина одна только эта установка и имеет смысл. Этим-то и объясняется то резкое отрицательное суждение о делах мира сего, которое мы читаем в Евангелии и апостольских посланиях. Ведь сказал же ап. Павел, что, если Христос не воскрес, то и мы не воскреснем [46], следовательно, загробной жизни нет, нет и конечного возмездия, ни блаженства, ни мук, а если это так, то падает и все христианство с его заповедями, и человек весь предается миру сему. « Станем есть и пить, ибо завтра умрем » [47], говорит ап. Павел, и весь смысл бытия человеческого только в этом. И вот к осуществлению на деле этого аргумента апостола Павла и приходит сейчас мир, приходит, повидимому, прочно и, может быть, даже окончательно.

Очевидно, выходит так, что с точки зрения самого же апостола Павла мир действует последовательно и оказывается прав. Если вера в божественный абсолют разрушена, то остается одно — идти путем века сего, руководствуясь исключительно собственным усмотрением, повинуясь собственным инстинктам, что назы-

---

46 I Кор. 15, 14-17.
47 Ib., 32.

вается, без всякого зазрения совести, ибо совесть может быть действенна лишь тогда, когда она чувствует себя во власти высшего, абсолютного, независимого от нашего « я » начала. Иначе она пасует как перед нашим животным инстинктом, так и перед неотразимым аргументом разума и научной очевидности. И вот наступает век свободы разума и эгоизма, разумного или безумного — все равно, ибо и тот и другой имеют одинаковые права по воле моего субъективного сознания и субъективного инстинкта. А в переводе на общедоступный обывательский язык это значит: нраву моему не препятствуй. И при слагающемся на таком сознании и таких инстинктах порядке какой-то минимум скудного, рудиментарного полу-зоологического общежития возможен только на основе универсального применения силы и принуждения, что и обозначается теперь термином — тоталитарный режим.

Моя тема озаглавлена « Современная цивилизация и Христианство ». С какой точки зрения я веду мое рассмотрение? Этих точек зрения у меня две: одна — верующего христианина, другая — точка зрения здешнего, мирского здравого смысла, даже не отрешившегося от христианства. С первой точки зрения, тождественной с Христовой и апостольской, все в мире прах и суета. С этой точки зрения собственно и разговаривать нечего, все ясно, все определяется возвещенной в Евангелии истиной. Тут не надо ничего доказывать, аргументировать, убеждать. Но мы все, также и верующие христиане, живем не только Евангельским откровением и вытекающими из него суждениями и оценками. Мы руководствуемся также нашим житейским здравым смыслом, его выводами и оценками. Здравый смысл ставит нас вне рассматри-

ваемых нами предметов и заставляет нас смотреть на них со стороны. Он-то и привел нас к заключению вместе с ап. Павлом, что вне веры в воскресение Христа, загробную жизнь и возмездие, христианство падает, оно неприменимо к жизни, оно — абсурд. С точки зрения здравого смысла неверующий получает право искать другого осмысления жизни или даже не искать его вовсе, а жить своим животным инстинктом. Он во всяком случае получает свободу от христианских предписаний, свободу взять из них кое-что для удобства, ради пользы или по прихоти, а остальное отбросить как ненужное.

Можно рассуждать еще и таким образом, что, мол, Павел ошибся в одном очень важном: отрицание Христа вовсе не означает другую крайность, т.е. возвращение к скотству. Есть и третий путь: искание смысла жизни с помощью разума, который ведь тоже дан нам Богом, и устроение этой жизни на основе разума. Путь этот был закрыт для Павла и ему подобных, ибо в лучшем случае им было доступно греческое философское умозрение, приводившее к шатким и разноречивым выводам. Только теперь, нашему времени открыт этот настоящий путь разума, способный привести нас к истине, благодаря появлению наук о природе с их безошибочным экспериментальным методом. Разве не держится наша современная цивилизация на этой точке зрения ? Разве не заключается в ней и верная, настоящая оценка роли христианства, а также источник гордости, самоуверенности и оптимизма нашего времени ?

Как бы то ни было, тут уже не христианство судит цивилизацию, а цивилизация в лице науки, построенной на разуме, судит христианство.

Станем же и мы на эту точку зрения и посмотрим, какой получится вывод.

Пусть христианство оказалось невыполнимым в

чистом своем виде; оно оказалось жизненным, настолько жизненным, что, как мы видим теперь, без него, вне его сама жизнь оказывается несостоятельной, становится невозможной и даже разрушается. Своим появлением христианство физически и духовно спасло угасавший античный мир от гибели, дав ему новое содержание, новые идеи, новые эмоции, новую нравственность. В историческом процессе европейского человечества оно оказалось могучей формирующей силой, которая, собственно, и определила всю 2000-летнюю историю европейских стран, создав новую, отличную от античной христианскую цивилизацию и культуру. Этим дается ответ на поставленый мною вначале вопрос, являются ли наша цивилизация и культура христианскими.

Да, вопреки всему современному материализму и все распространяющемуся неверию и отрицанию именно христианства, несмотря на все ужасы нынешних войн и революций, цивилизация и культура наши все еще остаются христианскими, даже в Советской России. Ибо тот идейный и нравственный заряд, который был дан европейскому человечеству христианством, все еще сохраняет свою силу и, несмотря на враждебные ему новые факторы, продолжает действовать.

Со времени ап. Павла, отрицавшего земной мир с его злом, много этого зла осталось, но появилось и много добра, много новых ценностей, неизвестных тому времени, в котором жил Павел. И все это было внесено в жизнь христианством, воплощенным в христианскую Церковь. Эти ценности и добро добывались неустанными усилиями и борьбой всех новых поколений, и на знамени трудившихся и боровшихся были написаны христианские идеалы. Все те блага, которыми еще недавно и с полным правом гордилась европейская цивилизация, — свобода, равенство, человечность, просвещение, самый социализм — все это

было результатом той христианской атмосферы, которою все еще дышало человечество, хотя оно и перестало в огромной своей части по-христиански ортодоксально веровать. Как импозантны были христианские ценности, как заразительна была эта христианская атмосфера показывает пример самого Маркса, который в одной из своих газетных статей, возмущаясь захватнической политикой Англии в Китае в середине прошлого века, указывает на недопустимость ее для государства, именующего себя христианским.

Сменившая античную цивилизацию новая европейская цивилизация была христианской не потому, что созданный ею жизненный уклад сколько-нибудь походил на земной рай, в котором всякому бы жилось без труда, забот и горя. Нет, о таком рае ни Христос, ни апостолы не помышляли и не мечтали. Христос даже высказал, что не хлебом единым жив будет человек, осудил богатство и материальное довольство и подчеркнуто заявил, что Он принес миру не мир, а меч, т.е. борьбу. Но какую борьбу, за какие цели? Не за выгоды материальные, не за «жизненные пространства», не за рынки, не за прибыли, власть и почет, а борьбу за преодоление материи духом, за победу человека над своими страстями и животными инстинктами, за создание в нашем материальном мире самодовлеющей, автономной области высшего Духа, в которую мог бы, если бы того возжелал, уходить каждый индивидуальный дух, создавая этим Царствие Божие внутри самого себя. Такой открытой для каждого области духа античная цивилизация и культура не имели. Она была впервые дана человечеству только христианством.

Все мы знаем молитву, произносимую в православной церкви в самые значительные и святые дни нашей религиозной жизни: «Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный; но одежды не имам да вниду в

онь. Просвети одеяние души моея, Светодавче, и спаси мя». Эта молитва, как никакая другая, выражает значение христианства в здешней земной жизни всего человечества и каждого из нас: присутствие в этом грешном земном мире высшего идеала, универсального, каждому понятного, каждому доступного, одновременно божественного и человеческого, все проникающего, всестороннего и в то же время самого простого. Этот идеал дан человечеству только в христианстве, как высшая точка его духовного развития. Дальнейшего пути вверх от этой точки нет, с нее возможен только спуск вниз.

Этот спуск человечества вниз и совершается ныне на наших глазах. Сущность христианства и его историческая роль — это победа духа над материей, это жизненная установка наперекор так называемому здравому смыслу и естественному закону, это вера в абсурд, это предпочтение каких-то неосязательных обещаний явным и непосредственным выгодам. Под этим знаком европейское человечество существовало полтора тысячелетия, но потом оно постепенно стало от него освобождаться и переходить на другую точку зрения, господствовавшую когда-то в античном мире, точку зрения «гедонизма», т.е. земных, чувственных радостей, материальных выгод и очевидностей здравого смысла. По выражению здравомыслящих людей прогресса, у человечества, затуманенного религиозной мистикой средневековья «постепенно начали открываться глаза». Разум со времен Декарта стал единственным бесспорным доказательством реальности бытия. С тех пор развилась вера в разум, убеждение, что именно разумом мы до всего дойдем, все преобразуем, все усовершенствуем. Этот переход к новому миропониманию был постепенен. Он начался с Возрождения и в конце 19 века достиг своей высшей точки, когда непреложная вера в разум и его достижения

стала колебаться. Сомнения появились лишь у отдельных избранных, которые стали даже озираться назад. Однако общая тенденция века продолжалась, захватывая все более широкие массы рядовых людей.

Вера в разум, в науку и в прогресс — это одно и то же. Это убеждение, что путем науки и техники все будет переустроено к лучшему и в конце концов будет достигнут земной рай. От христианства отказывались и обращались к разуму и науке, видя именно в них абсолютную силу и абсолютное благо, притом, в противоположность христианским абсолютам, не какие-то там мистические, исходящие из заоблачных сфер, а самые реальные, осязательные и близкие, представленные нашим человеческим мозгом и нашими мускулами.

Теперь окончательно сложился новый духовный полюс, противоположный христианству. Знаменитым словам Павла в послании к евреям о вере[48], как источнике познания и жизни, этот новый полюс противопоставляет свое исповедание разума и науки, как движущих начал человеческого прогресса, т.е. жизни.

Эта противоположная точка зрения имеет свои градации в смысле ее последовательного проведения в теории и на практике. И мы сами являемся очевидцами и в известной степени также участниками борьбы различных течений.

Одни останавливаются на полдороге и даже только в начале пути. Надо сказать, что все мы, нынешние христиане, не чужды этой точки зрения, поскольку мы верим в науку и прогресс, пользуемся их плодами, и в то же время стараемся оставаться христианами в смысле апостола Павла. Отсюда наша половинчатость и слабость.

---

[48] Евр. 11.

Другие идут всецело за наукой, но с уважением относятся к христианству за его историческую роль, за его заслуги в прошлом. Это основная масса западно-европейского и американского общества, из соображений политики или по привычке поддерживающая Церковь, но по существу материалистичная. В лучшем случае людям этой категории хотелось бы и Бога, но сердце их все же предано мамоне.

Наконец, третьи, это последовательные материалисты, крайние, решительные и в известном смысле более честные, чем предыдущие. Они смотрят на уступки христианскому или идеалистическому миропониманию, как на слабость. Это настоящие антиподы ап. Павла, которые считают, что, какова бы там ни была роль христианства и религии вообще, в наше время триумфов научного материалистического миросозерцания им не место: это хлам, который мешает устроению человечества на новых и теперь уже окончательных началах. В целях этого устроения и обеспечения человечеству действительного реального счастья, хлам этот надо выкинуть без всякой пощады.

Представители этого третьего течения и берут теперь на себя задачу вести человечество по пути разума, науки и прогресса. Благодаря победившей в России большевистской революции они теперь и производят там свой первый опыт.

Париж. Февраль 1949 г.

Отдел Документов

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ СОВЕТСКАЯ [1]

I

Данное мною выше определение интеллигенции в дореволюционном прошлом России, а равно понимание этой социальной категории Лениным позволяет уяснить себе роль интеллигенции в революции, а также сущность так называемой советской интеллигенции и ее отношение к интеллигенции дореволюционной.

Причины революции 1917 года чрезвычайно сложны, и здесь не место входить в их рассмотрение, однако, для всякого, кто знает историю России предшествующего полувека, ясно, что она в значительной мере была подготовлена русской интеллигенцией и получила от нее свой характер. Когда в феврале 1917 года старый порядок рухнул почти сам собой, интеллигенция в лице ее крайних групп и просто безответственные анархические элементы безустанно будоражили массы, содействовали хаосу и всеми силами мешали элементам порядка из среды военных и буржуазии т. е. умеренной интеллигенции. Эта умеренная « буржуазная » (по терминологии Ленина) интеллигенция, которая незадолго до того тоже ожидала революции, надеясь на возможность ее самоограничения, была быстро вытеснена со сцены крайними элементами. Своими действиями радикальная и социалистическая интеллигенция (главным образом меньшевики и эсеры) подготовили путь большевикам, которые представляли собою тот же тип революционеров и лишь превосходили цельностью, решимостью и беспощадностью своих половинчатых и слабонервных товарищей. События первой кратковременной ста-

1 Продолжение статьи « Интеллигенция дореволюционная ». Окончательной формы эта статья не получила. Собранные автором материалы печатаются в том виде, в каком он их оставил.

дии революции, от февраля до октября, показывают, что ее ход, приведший к победе большевиков, был закономерным процессом, фактором которого в первую очередь являлась сама интеллигенция. Сами большевики представляли ту же интеллигенцию в ее исконной сущности, описанной мною выше, лишь в самом крайнем выражении ее идеологии и психологии. Большевики вместе с эсерами, меньшевиками и прочими революционерами, несмотря на свои программные расхождения и на взаимную грызню, представляли, так сказать, квинтэссенцию исконной русской интеллигенции, традиционные черты которой воскресли в них с новой силой под влиянием такого возбудителя, каким явилась революция. Большевики, даже более чем какая-либо другая революционная группа интеллигенции, воплотили в себе тот традиционный дух анархизма, нигилизма, революционности, максимализма, дух Бакунина, о котором я говорил в своей основной характеристике интеллигенции. Ибо большевики в самой идее социальной революции в России, в подготовке октябрьского переворота, фактически явились отрицателями того научного марксизма, который они в теории исповедовали и которым они первоначально отличались от русского народнического бунтарства. И во всем своем эмоциональном и идеологическом облике большевики воскресили старый интеллигентский тип, с его религиозным исповедованием теории, с его оторванностью от народа, разрывом со всеми историческими традициями, атеизмом, обоготворением материи, слепой верой в науку. Лишь эмоционально, своей беспощадностью и готовностью практически идти до конца они явили собою разновидность в общей массе интеллигенции. И потому в начале борьба большевиков с другими революционными группами представляла попросту расправу победившей фракции с фракциями побежденными. Так было разогнано Учредительное Собрание, состоявшее в подавляющем большинстве из эсеров. Так были усмирены различные восстания, поднимавшиеся под руководством эсеров же, и подавлены организованные ими заговоры и покушения. Однако, параллельно этой фракционной борьбе, члены побежденных групп с каждым месяцем все в большем числе шли на сотрудничество с большевиками, не говоря уже о том, что не малое их количество, тотчас после октябрьского переворота, перекрасилось в большевиков.

Таковы были отношения между различными фракциями революционной интеллигенции во время переворота и в первые годы после него. То обстоятельство, что как крайности большевистской практики, так и ставка Ленина уже в 1917 году

на немедленную мировую революцию не находили себе внутреннего сочувствия у этой интеллигентской массы, да, впрочем, и у многих большевиков, не помешало ей стать слепым и покорным орудием тогдашнего большевистского партийного руководства. Этот факт свидетельствует о том, что огромное большинство революционной (в широком смысле) интеллигенции не имело настоящих принципов, ни самостоятельного характера, чтобы не идти на компромиссы. Вся история взаимоотношений между массой революционной интеллигенции и большевистским ее крылом в неприглядном свете раскрывает ее интеллектуальные и моральные черты.

Впрочем, надо сказать, что такую же беспринципность, лживость, бесхарактерность и трусость проявили члены различных группировок внутри самой партии, в течение всего времени ее властительства, в процессе постепенной кристаллизации так называемой генеральной линии партии и ее борьбы с оппозицией всех видов и оттенков.[2] Эти-то отрицательные черты сначала выбросили с политической арены, а потом свели в могилу всех противников Сталина и примкнувшей к нему группы политических и умственных ничтожеств.

Я говорил до сих пор о судьбе революционной части интеллигенции, продолжательнице традиций первоначального, так сказать «классического» типа русской интеллигенции. Что же касается до той массы демократической прогрессивной интеллигенции, о которой шла речь выше и которую Ленин называет «буржуазной» и «мелко-буржуазной» и при случае ставит ее обозначение в кавычки, то эта интеллигенция в общем встретила февральскую революцию сочувственно, но в дальнейшем разбилась по тем социальным группам и политическим партиям, к которым принадлежали ее члены, и в большинстве разделила судьбу этих групп и партий. Этой интеллигенции захватившие власть большевики с самого начала противостали, как и всему существующему социальному и политическому порядку России. К широкой массе «демократической» интеллигенции, которая не была революционной, но сочувствовала революции, весьма приложимы ядовитые слова Ленина: «Рабочие и крестьяне нисколько не заражены сентиментальными иллюзиями господ интеллигентиков, всей этой новожизненской

---

[2] Впрочем, действительная картина внутренних отношений партии остается от нас скрытой, ибо преднамеренная политика генеральной линии в отношении оппозиционеров заключалась в том, чтобы предавать гласности только свои триумфы и моральные поражения противника, тогда как примеры стойкости и твердости побежденных оппозиционеров оставались скрытыми в недрах партии и в застенках ГПУ.

и прочей слякоти, которые «кричали» против капиталистов до хрипоты, «жестикулировали» против них, «громили» их с тем, чтобы расплакаться и вести себя подобно побитому щенку, когда дошло до дела, до реализации угроз, до выполнения на практике дела смещения капиталистов». (Ленин, соч. XXII, 161). Однако, справедливость требует признать, что, не считая случаев анархических проявлений вражды к отдельным интеллигентам, как к «буржуям» или «господам», со стороны шедших за большевиками рабочих или вообще распоясавшейся черни, принципиального преследования интеллигенции, как таковой, со стороны большевиков с самого начала не было. Однако, на разнуздавшуюся чернь косвенно действовала пропаганда большевиков против всего, что было связано со старым режимом, что пахло «буржуем» и белой костью. В связи с этим интересно познакомиться с отношением к интеллигенции Ленина после переворота и захвата власти большевиками.

То, что Ленин в своей записке «Как организовать соревнование?» говорит о «господах буржуазных интеллигентах», называя их «лакеями денежного мешка, холопами эксплуататоров», еще не означает травли интеллигенции, как таковой. Правда, тут же он восклицает: «никакой пощады этим врагам народа, врагам социализма, врагам трудящихся. Война не на жизнь, а на смерть богатым и их прихлебателям, буржуазным интеллигентам, война жуликам, тунеядцам и хулиганам». Однако, было бы натяжкой видеть в этих словах травлю интеллигенции, как таковой. Здесь говорится обо всех, вольно или невольно сопротивляющихся социализму, в том числе и о всяких паразитах — «жуликах, тунеядцах и хулиганах».

Ленин обрушивается здесь на буржуазную интеллигенцию, не как на образованный класс, а как на представительницу буржуазии. Он говорит: «Образованные люди уже теперь выделяются, переходя на сторону народа, на сторону трудящихся, помогая ломать сопротивление капитала». И дальше: «Интеллигенты нашей среды не могут пожаловаться на недостаток внимания и товарищеского уважения со стороны рабочих и крестьян» (XXII, 158 и сл.). К тому же записка оставалась в рукописи до 1929 года и, следовательно, не могла служить широкой пропаганде. В 1919 году по поводу открытого письма профессора Дукельского Ленин пишет: «Если бы мы «натравливали» на «интеллигенцию», нас следовало бы за это повесить. Но мы не только не натравливаем народ на нее, а проповедуем от имени партии и именем власти, необходимость предоставления интеллигенции лучших условий работы. Я это

делал с апреля 1918 года, если не раньше». Отвечая на требование Дукельского очистить партию от негодных элементов, Ленин говорит: «... чтобы очищение шло полнее и быстрее, надо, чтобы искренняя беспартийная интеллигенция помогла нам в этом». (XXIV, 186 и сл.)

Отношение Ленина к интеллигенции и его понимание ее как социальной группы, равно как и его понимание взаимоотношений между интеллигенцией и революцией весьма ясно формулировано в следующих словах брошюры «Великий почин», выпущенной им в 1919 году: «Господа буржуа и их прихвостни, включая меньшевиков и эсеров, которые привыкли считать себя представителями «общественного мнения», разумеется, издеваются над надеждами коммунистов ... смеются над ничтожным числом субботников по сравнению с массовыми случаями хищения, безделья, упадка производительности, порчи сырых материалов, порчи продуктов и т. п. Мы ответим этим господам: если бы буржуазная интеллигенция принесла свои знания на помощь трудящимся, а не русским и заграничным капиталистам ради восстановления их власти, то переворот шел бы быстрее и более мирно. Но это утопия, ибо вопрос решается борьбой классов, а большинство интеллигенции тянет к буржуазии. Не с помощью интеллигенции, а вопреки ее противодействию (по крайней мере, в большинстве случаев) пролетариат победит, устраняя неисправимых буржуазных интеллигентов, переделывая, перевоспитывая, подчиняя себе колеблющихся, постепенно завоевывая все большую часть их на свою сторону».[3]

Судьба высококвалифицированной «буржуазной» интеллигенции, интересовавшей советскую власть как «спецы» и нужной ей для ее административных и в особенности технических задач, общеизвестна, и мне нет надобности слишком подробно останавливаться на этой теме. Уже в марте 1918 года был поднят вопрос об использовании буржуазных специалистов, и по этому поводу Ленин писал: «... привлечение к работе буржуазной интеллигенции является теперь очередной, назревшей и необходимой задачей дня» (XXII, стр. 421). 8 месяцев спустя в речи к делегатам комитетов бедноты Московской области он в подобающем моменту демагогическом тоне говорил: «Если понадо-

3 Ленин, соч. XXIV, 340. Здесь интересно обратить внимание на то, что если в 1913 году и раньше он, по крайней мере в своих оценках, проводил довольно резкую грань между верхами буржуазной интеллигенции и интеллигенцией «крестьянского звания», демократической и революционной, то теперь он всю интеллигенцию, включая меньшевиков и эсеров, сваливает в одну кучу с буржуазной интеллигенцией, противополагая их всех пролетариату и коммунистам. Несколько ниже, на этой же странице он снова говорит: «Буржуазная интеллигенция, в том числе меньшевики и эсеры».

бятся интеллигенты-специалисты, мы их пошлем. Они, в большинстве, хоть и контрреволюционеры, но комбеды сумеют их запрячь, и они будут работать для народа не хуже, чем работали раньше для эксплуататоров. Вообще наши интеллигенты уже успели убедиться, что своим саботажем, умышленной порчей работы им не скинуть рабочей власти» (XXIII, 283 и сл.). В более мягких тонах говорит он около этого же времени об интеллигенции на собрании партийных работников Москвы: «Она (т. е. интеллигенция) не в силах продолжать саботаж и настроена так, что теперь она занимает позицию по отношению к нам самую добросовестную, и мы должны брать эту интеллигенцию, ставить ей определенные задачи, следить и проверять их выполнение...» (Ib. 321).

Действительно, интеллигенция — в первую очередь инженеры и техники, но также учителя, профессура, врачи, артисты, лица всякого рода свободных профессий все большими массами шли на сотрудничество с советской властью, образуя новый класс так называемых «служащих». Этот процесс в особенности усилился в 1920-21 г.г. после крушения надежд на близкую реставрацию вместе с неудачей интервенции и гражданской войны. Конечно, на советскую службу их большинство погнал голод, который вообще много содействовал укреплению советской власти. На службе у большевиков погибла масса высококвалифицированной интеллигенции «спецов». Это факт общеизвестный, и входить в подробности на этот счет нет никакой необходимости. Скажу только, что причины этого факта — не в какой-либо специфической ненависти или враждебности советской власти к интеллигенции, а в самом существе дела, в противоестественности сотрудничества двух сторон, принципиально расходившихся во взглядах, как на постановку задач, так и на способы их разрешения. Для специалиста любой научной или технической дисциплины при наличии большевистских установок и директив приходилось действовать вопреки своему собственному здравому смыслу и убеждениям, часто против своей профессиональной совести, и в то же время брать на себя ответственность за результат.[4] Такое положение было чревато бесчисленными

---

[4] Положение специалистов на советской работе становится ясно из следующих слов Ленина в его докладе в Петроградском Совете 12 марта 1919 года: «Совершенно незачем выкидывать полезных нам специалистов. Но их надо поставить в определенные рамки, предоставляющие пролетариату возможность контролировать их. Им надо поручать работу, но вместе с тем бдительно следить за ними, ставя над ними комиссаров и пресекая их контрреволюционные замыслы. Одновременно необходимо учиться у них. При всем этом — ни малейшей политической уступки этим господам, пользуясь их трудом всюду, где только возможно». (XXIV, 36).

опасностями и приводило множество лиц к катастрофе, однако многих постигла катастрофа также и по другой линии, просто по линии общего террора ГПУ или НКВД, но в этом отношении спецы и интеллигенты страдали не как таковые, а просто разделяли общую участь лиц привилегированных классов.

II

В положении, создавшемся в результате революции 1917 года, заключался один удивительный жизненный парадокс. Интеллигенция оказалась против конечного результата этой революции, против порядка, созданного октябрьским переворотом, а между тем этот порядок в сущности был воплощением в жизнь лозунгов прежней « классической » русской интеллигенции.

Вместе с марксизмом и большевиками победил тот самый дух, который вдохновлял нашу интеллигенцию героического периода. Если припомнить многое из теории и практики большевиков эпохи Октября и ближайшего к нему времени, то становится ясным, что в России воцарился дух Бакунина с его лозунгом: « страсть к разушению — творческая страсть », с его формулой: « мы призываем анархию, убежденные, что из этой анархии, т. е. полного выражения разнузданной народной жизни, должны выйти свобода, равенство, справедливость, новый порядок ». При всех теоретических различиях и даже противоположности между Бакуниным и большевиками, разве убеждения, деяния и устремления этих последних не являются воскрешением духа Бакунина, который в крестьянской бедноте и люмпен-пролетариате прозревал « весь ум и все будущее социальной революции », который считал, что русский народ, этот « прирожденный бунтарь », произведет социальную революцию во всем мире. Воцарение большевиков означало немедленное провозглашение и постепенное воплощение в русскую жизнь именно тех идеалов и той психологии, которые были столь характерны для прежней классической интеллигенции: это — материализм, атеизм, низвержение всех прежних авторитетов, отрицание исторических традиций, вера в науку, религия прогресса, утилитарное отношение ко всем ценностям и, наконец, новый общественно-экономический порядок — социализм.

Глядя на такое осуществление идеалов прежней интеллигенции, многие, конечно, говорят, что это не осуществление, а искажение их большевиками. Однако, так всегда бывает в ре-

волюциях, достаточно вспомнить великую французскую. Воплощение никогда не бывает похоже на идеал, и против преждевременной радости интеллигенции, что истина найдена и ее остается лишь претворить в жизнь, предупреждал в свое время Гоголь. Понять и оценить его предупреждение выпало на долю нам, переживающим завершение всего революционного процесса.

Как бы то ни было, коль скоро идеалы интеллигенции, ее программа перестройки общества выполнены, интеллигенции в прежнем смысле этого термина, как группе, стоящей в оппозиции существующему порядку и стремящейся к противоположному, идеальному порядку, более нет места. От отрицания она переходит к утверждению, от критики к действию. В самом деле, в лице большевиков и советской власти русская интеллигенция становится господином положения, она берет власть и судьбы России в свои руки.

В этом нет никакого противоречия тому общепринятому мнению и вполне правильному представлению, что интеллигенция с самого начала стала в оппозицию большевикам, что часть ее и вообще-то не приняла революции 1917 в целом, а левые, революционные группы — меньшевики и эсеры — не приняли сначала также и октябрьской революции. Все эти группы оказались fahnenflüchtig, как говорят немцы, отшатнулись от «дела» интеллигенции, когда естественный процесс развития поставил их перед окончательными логическими его следствиями. К ним, этим робким и непоследовательным, справедливо относятся презрительные слова Ленина о том, как многие «расплакались» и стали вести себя подобно щенку, когда дошло до дела, до реализации угроз, до выполнения на практике дела смещения капиталистов (XXII, 161). Только большевики остались верны идеалам и программе интеллигенции, меньшевики и эсеры от нее отшатнулись. Впрочем, часть их, которая не погибла в первые годы революции или не ушла в эмиграцию, постепенно примкнула к большевикам и разместилась по второстепенным командным местам правящего аппарата.

Те выводы, к которым я прихожу здесь, нисколько не противоречат сказанному мною выше о противоположности между большевиками и революцией, с одной стороны, и массой интеллигенции, с другой. Все дело здесь в двусмысленности самого термина «интеллигенция».

В противоположности и оппозиции к большевикам находится интеллигенция, понимаемая как «образованный класс», как группа специалистов, по социальному признаку относящаяся в большинстве к буржуазии. В этом смысле и понимали интелли-

генцию Ленин и большевики, говоря о ее враждебности к революции и о необходимости использовать ее специальные технические знания.

Все предшествующее изложение показывает, что вопрос об интеллигенции, ее роли и значении в общественной жизни России представляет собою нечто специфически русское, совершенно особенное, не знакомое ни одной стране мира. Ни в одной стране не существует интеллигенции как особого класса, который играл бы такую роль в общественных движениях, как русская интеллигенция, о котором шли бы такие горячие споры, давались бы такие противоположные характеристики и т. д., как это было у нас в России, как это отчасти происходит и теперь. Ни в Англии, ни во Франции, ни в Германии мы не найдем ничего подобного упомянутому выше сборнику « Вехи », в публицистике этих стран никогда не поднималось обсуждений и полемики, подобных тем, которые были вызваны появлением этого сборника. Все это потому, что « интеллигенция », в том смысле, как она описана мною выше, есть культурно-социальное явление, свойственное исключительно России, связанное и с прошлым русского народа, и с его национальной психологией.

В предшествующем я указывал также на то, что ее специфически русская роль окончилась. Во-первых, уже за несколько десятилетий до революции она стала утрачивать свой специфический характер, превращаться в обычный образованный класс и разбиваться на отдельные группы сообразно их социальной принадлежности. Казалось бы, вместе с прежним понятием интеллигенции должно бы было исчезнуть и самое слово, тем более, что у нас оно получило двусмысленное значение, а для многих, в том числе для лиц из самой же интеллигенции оно получило одиозный смысл. В особенности важно, что этот одиозный смысл оно получило уже задолго до октябрьской революции у большевиков.

Казалось бы, поэтому, именно большевикам подобало бы избегать этого слова в обозначении какой бы то ни было социальной группы в новом, сознательно создаваемом ими « советском обществе ». Это было бы естественно и в виду двусмысленности этого термина, и в виду того отрицательного отношения, которое вызывала к себе обозначаемая им группа. Однако мы видим как раз обратное. Старый термин не только удержан, но им обозначается целая новая группа, с нашей точки зрения целый класс (хотя большевики такое значение его отрицают), класс весьма важный, единственный из состава старого общества, который сохраняется в общей большевистской

ломке, наряду с двумя другими сохранившимися классами — рабочих и крестьян. Кроме того, вопрос об интеллигенции, ее сущности, ее роли в прошлом и настоящем чрезвычайно занимает советскую « общественность » и живо обсуждается на страницах советской печати.

Явление это весьма интересно и на нем следует остановиться. Оно имеет свои причины, и причины эти многообразны. Как ни одиозна интеллигенция для большевиков, самый термин этот слишком укоренился в русском словоупотреблении, чтобы можно было легко его выбросить. Большевики употребляют его по привычке. Кроме того играет здесь роль и то, что с этим явлением и термином связана определенная славная традиция русского общественного и освободительного движения, традиция, которую большевики не только признают и чтут, но которую они даже, так сказать, монополизируют для себя, считая именно себя преемниками той прежней, « классической » передовой и революционной интеллигенции, связанной с именами Белинского и Герцена, Чернышевского и Добролюбова. В этом смысле также и большевики, во главе с Лениным, как мы видели выше, говорят о подлинной « хорошей » интеллигенции, причисляют себя к ней, противопоставляя ее буржуазной интеллигенции, о которой говорят с презрением, ставя слово в кавычки, иронически, снабжая его вопросительными знаками, как это мы уже видели у Ленина.

Таким образом термин не может быть отброшен, ибо продолжает существовать социальная группа, к которой он прилагается в самом положительном своем смысле. Однако, в отличие от прошлого эта группа называется уже не просто интеллигенцией, а советской интеллигенцией.

Характеристике этой последней я и посвящу заключительную часть моей работы.

Вопрос о « советской » интеллигенции возник перед большевиками в связи с практическим разрешением задач как текущего государственного управления и руководства всей вообще жизнью, экономической, культурной и общественной, так и создания нового социально-экономического и политического порядка. Захватившим власть большевикам нужен был аппарат в огромном масштабе, гораздо большем, нежели какой бы то ни было государственной власти, ибо в их государстве вся частная инициатива и частное руководство были заменены правительственными. Вопрос о « спецах », о « кадрах » сделался острым с самого начала. Отсюда — во-первых, попытка привлечения к себе на службу старой интеллигенции, во-вторых, постановка на

очередь проблемы создания своей собственной, новой, советской интеллигенции.

Если уже Ленин говорил о том, что наряду с привлечением к советской работе старой интеллигенции большевикам необходимо создать свою собственную интеллигенцию,[5] то по-настоящему эту задачу поставил перед большевиками Сталин. Согласно официальному взгляду, Сталин и является создателем так называемой « советской интеллигенции ».

Как я уже говорил, вопрос об интеллигенции, и в особенности, советской, чрезвычайно оживленно обсуждается в советской печати. Однако, содержание всего того, что пишется по этому поводу, чрезвычайно однообразно. Для настоящей работы мне послужили пятнадцать статей — все, чем я мог располагать при настоящих условиях. Все эти статьи представляют прежде всего повторение того, что сказано об этом Сталиным, а затем с некоторыми вариантами, официальную характеристику советской интеллигенции в ее отличие от прежней русской интеллигенции и от современной интеллигенции других стран.

Чтобы составить себе представление о советской интеллигенции, надо прежде всего познакомиться с этим официальным материалом. Это тем более важно, что самый материал этот, идущий от « вождя » и от представителей советской интеллигенции, много дает для характеристики этой последней.

В своей речи на VIII Всесоюзном съезде ВЛКСМ 16 мая 1928 г. Сталин особое внимание уделил задачам подготовки интеллигенции из рабочего класса. Между прочим он сказал: « Рабочий класс не может стать настоящим хозяином страны, если он не сумеет выбраться из некультурности, если он не овладеет наукой и не сумеет управлять хозяйством на основе науки ». И далее: « Нам нужны теперь целые группы, сотни и тысячи новых кадров из большевиков, могущих стать хозяевами дела в разнообразнейших отраслях знаний. Без этого нечего и говорить о быстром темпе социалистического хозяйства нашей страны. Без этого нечего и говорить о том, что мы сумеем догнать и перегнать передовые капиталистические страны ». (Сталин, Речь на VIII Всесоюзном съезде ВЛКСМ).

В речи на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. Сталин поставил себе задачу « добиться того, чтобы у рабочего класса СССР была своя собственная производственно-техни-

---

5 « А организационных талантов в крестьянстве и рабочем классе много, и эти таланты только-только начинают сознавать себя, просыпаться, тянуться к живой, творческой, великой работе, браться самостоятельно за строительство социалистического общества ». (XXII, 161 ст.)

ческая интеллигенция» (Вопросы ленинизма, 10 изд., 459). Эту задачу Сталин ставит в связь с нуждами социалистического строительства и с прогрессирующим расширением этого последнего. В той же речи, несколько выше, он говорит: «...мы не можем уже обходиться тем минимумом инженерно-технических и командных сил промышленности, которыми мы обходились раньше... Нам нужно теперь обеспечить себя втрое, впятеро больше инженерно-техническими и командными силами промышленности, если мы действительно думаем осуществить программу индустриализации СССР.

«Но нам нужны не всякие командные и инженерно-технические силы. Нам нужны такие командные и инженерно-технические силы, которые способны понять политику рабочего класса нашей страны, способны усвоить эту политику и готовы осуществить ее на совесть. А что это значит? Это значит, что наша страна вступила в такую фазу развития, когда **рабочий класс должен создать себе свою собственную производственно-техническую интеллигенцию**, способную отстаивать его интересы в производстве, как интересы господствующего класса.

«Ни один господствующий класс не обходится без своей собственной интеллигенции. Нет никаких оснований сомневаться в том, что рабочий класс СССР также не может обойтись без своей собственной производственно-технической интеллигенции.

«Советская власть учла это обстоятельство и открыла двери высших учебных заведений по всем отраслям народного хозяйства для людей рабочего класса. Вы знаете, что десятки тысяч рабоче-крестьянской молодежи учатся теперь в высших учебных заведениях. Если раньше, при капитализме, высшие учебные заведения являлись монополией барчуков, то теперь, при советском строе, рабоче-крестьянская молодежь составляет там господствующую силу. Нет сомнения, что мы получим скоро из наших учебных заведений тысячи новых техников и инженеров, новых командиров нашей промышленности.

«Но это только одна сторона дела. Другая сторона состоит в том, что производственно-техническая интеллигенция рабочего класса будет формироваться не только из людей, прошедших высшую школу, — она будет рекрутироваться также из практических работников наших предприятий, из квалифицированных рабочих, из культурных сил рабочего класса на заводе, на фабрике, в шахте. Инициаторы соревнования, вожаки ударных бригад, практические вдохновители трудового подъема, организаторы работ на тех или иных участках строительства — вот новая прослойка рабочего класса, которая и должна составить

вместе с прошедшими высшую школу товарищами ядро интеллигенции рабочего класса, ядро командного состава нашей промышленности. Задача состоит в том, чтобы не оттирать этих инициативных товарищей, **смелее выдвигать их на командные должности, дать им возможность проявить свои организаторские способности,** дать им возможность пополнить свои знания и создать им соответствующую обстановку, **не жалея на это денег** ». (ib. стр. 457 сл., подчеркнуто в подлиннике)

С точки зрения обычного понимания интеллигенции является несколько странным, что Сталин так настойчиво прилагает этот термин к обладателям узко-технических знаний. Термин этот к такой категории специалистов раньше никогда не прилагался и, очевидно, словоупотребление Сталина не случайно, но имеет особое и притом важное значение, о чем я буду говорить ниже.

Пространную характеристику советской интеллигенции дает Сталин в докладе о проекте Конституции СССР 25 декабря 1936 г. Указав, что после уничтожения прежних эксплуататорских классов общества в Советском союзе остались рабочий класс, класс крестьян и интеллигенция, Сталин говорит об этой последней следующее: « Перейдем, наконец, к вопросу об интеллигенции, к вопросу об инженерно-технических работниках, о работниках культурного фронта, о служащих вообще и т. п. Она также претерпела большие изменения за истекший период.[6] Это уже не та старая заскорузлая интеллигенция, которая пыталась ставить себя над классами, а на самом деле служила в своей массе помещикам и капиталистам. Наша советская интеллигенция — это совершенно новая интеллигенция, связанная всеми корнями с рабочим классом и крестьянством. Изменился, во-первых, состав интеллигенции. Выходцы из дворянства и буржуазии составляют небольшой процент нашей советской интеллигенции, 80-90 процентов советской интеллигенции — это выходцы из рабочего класса, крестьянства и других слоев трудящихся. Теперь она должна служить народу, ибо не стало больше эксплуататорских классов.[7] И именно поэтому она является теперь равноправным членом советского общества, где она вместе с рабочими и крестьянами, в одной упряжке с ними, ведет стройку нового бесклассового социалистического общества.

---

[6] С 1924 по 1936 год.

[7] Отмечу здесь удивительный ляпсус в речи Сталина, мимо которого, однако, проходят все советские авторы, тысячи раз цитирующие это место. По смыслу слов Сталина выходит, что советская интеллигенция служит народу лишь потому, что эксплуататорских классов больше нет. Значит, будь они налицо, она служила бы им ? !

« Как видите, это совершенно новая, трудовая интеллигенция, подобной которой не найдете ни в одной стране земного шара ». (ib. 11-е издание, 512).

Наконец, в отчетном докладе на XVIII съезде партии 10 марта 1939 г. Сталин говорит о внешнем положении советской интеллигенции в Союзе, причем осуждает высказываемое ей презрительное отношение со стороны некоторых членов партии. Вот, что мы читаем в докладе:

« Несмотря на полную ясность позиции партии в вопросе о советской интеллигенции, в нашей партии все еще имеют распространение взгляды, враждебные к советской интеллигенции и несовместимые с позицией партии. Носители этих неправильных взглядов практикуют, как известно, пренебрежительное, презрительное отношение к советской интеллигенции, рассматривая ее как силу, чуждую и даже враждебную рабочему классу и крестьянству. Правда, интеллигенция за период советского развития успела измениться в корне, как по своему составу, так и по своему положению, сближаясь с народом и честно сотрудничая с ним, чем она принципиально отличается от старой, буржуазной интеллигенции. Но этим товарищам, повидимому, нет дела до этого. Они продолжают дудеть в старую дудку, неправильно перенося на советскую интеллигенцию те взгляды и отношения, которые имели свое основание в старое время, когда интеллигенция находилась на службе у помещиков и капиталистов ».

Далее, со свойственной ему развязностью, Сталин дает совершенно безграмотную характеристику старой интеллигенции, зная, конечно, что никто его не остановит и не укажет ему, что с такой характеристикой, в виду ее грубого схематизма и фактических искажений, не согласился бы ни Ленин, ни какой либо иной из прежних русских теоретиков марксизма.

« В старое, дореволюционное время, в условиях капитализма интеллигенция состояла прежде всего из людей имущих классов — дворян, промышленников, купцов, кулаков и т. п. Были в рядах интеллигенции также выходцы из мещан, мелких чиновников и даже из крестьян и рабочих, но они не играли и не могли играть там решающей роли. Интеллигенция в целом кормилась у имущих классов и обслуживала их. Понятно поэтому то недоверие, переходившее нередко в ненависть, которое питали к ней революционные элементы нашей страны и прежде всего рабочие. Правда, старая интеллигенция дала отдельные единицы и десятки смелых и революционных людей, ставших на точку зрения рабочего класса и связавших до конца свою судьбу с

судьбой рабочего класса. Но таких людей среди интеллигенции было слишком мало, и они не могли изменить физиономию интеллигенции в целом».

После этой каши, в которой все определения интеллигенции и в вертикальном и в горизонтальном разрезах смешаны в одну кучу, Сталин дает краткий трафаретный очерк истории взаимоотношений старой интеллигенции с советской властью и затем продолжает:

«Но наряду с этим мучительным вопросом дифференциации и разлома старой интеллигенции шел бурный процесс формирования, мобилизации и собирания сил новой интеллигенции. Сотни тысяч молодых людей, выходцев из рядов рабочего класса, крестьянства, трудовой интеллигенции пошли в вузы и техникумы и, вернувшись из школ, заполнили поредевшие ряды интеллигенции. Они влили в интеллигенцию новую кровь и оживили ее по-новому, по-советски. Они в корне изменили весь облик интеллигенции, по образу своему и подобию. Остатки старой интеллигенции оказались растворенными в недрах новой, советской, народной интеллигенции. Создалась, таким образом, новая, советская интеллигенция, тесно связанная с народом и готовая в своей массе служить ему верой и правдой».

Далее Сталин говорит, что, если недоверие и даже борьба в отношении старой интеллигенции были вполне понятны и законны, то «для новой интеллигенции нужна новая теория, указывающая на необходимость дружеского отношения к ней, заботы о ней...» «Между тем в партии еще имеются, оказывается, люди, пытающиеся старую теорию, направленную против буржуазной интеллигенции, применить к нашей новой, советской интеллигенции... Эти люди, оказывается, утверждают, что рабочие и крестьяне, недавно еще работавшие по-стахановски на заводах и в колхозах, а потом направленные в вузы для получения образования, перестают быть тем самым настоящими людьми, становятся людьми второго сорта». (ib., 11-е изд. 607-609)

Таковы главные высказывания Сталина о новой, советской интеллигенции. Как видно, они весьма несложны и не глубоки, ограничиваются лишь констатацией чисто внешних фактов. Сталин отождествляет принадлежность к интеллигенции с обладанием знаниями, в особенности техническими, и ограничивает деятельность интеллигенции практическими утилитарными задачами управления страной, хозяйства, в особенности строительства социализма. Эта интеллигенция либо создается государством посредством пропуска молодежи через школы, либо

возникает самопроизвольно через выдвижение способных элементов из рабочей массы. Однако и этот процесс развития интеллигенции материально поощряется государством. Интеллигенция, далее, должна удовлетворять непременному условию быть способной понять политику рабочего класса, усвоить эту политику и осуществлять ее на совесть. Наконец, назначение интеллигенции — « идти в одной упряжке » с рабочими и крестьянами и вести стройку бесклассового социалистического общества.[8]

Сталинские высказывания являются той канвой, на которой советские авторы расшивают узоры своих собственных характеристик новой интеллигенции, причем иллюстрируют ее различными фактами и данными. Общий тон этих характеристик неизменно хвастливый, советская интеллигенция изображается как еще небывалое культурное явление мировой истории и противополагается упадочным явлениям окружающих капиталистических стран. Соответственно советской психологии главную роль при этом играют количественные показатели, качественные же показатели либо вовсе игнорируются, либо заменяются общими неубедительными фразами. Как я уже говорил выше, все эти статьи советских авторов чрезвычайно однообразны и в наибольшей части своего содержания повторяют друг друга. В основу моего дальнейшего изложения, как материал, я положу наиболее интересную и содержательную статью Ем. Ярославского « О роли интеллигенции прежде и теперь » (Историк марксист. 1939, 4, 23-52), параллельно делая дополнения из других статей.

Сославшись на директиву Сталина о создании своей собственной производственно-технической интеллигенции, автор говорит: « Со всей силой взялись большевики за решение этой трудной задачи ». Затем идут потрясающие цифры: « В старой, царской России накануне империалистической войны было 19,8 тысяч врачей. В СССР было в 1932 г. 76,4 тыс. врачей, в 1937 г. — 105,6 тысячи. Только в США (по переписи 1930 г.) число врачей больше, чем в СССР (153,8 тыс.), для остальных же главнейших государств мы имеем такие цифры: в Германии 48,1 тыс. (в 1932 г.), в Англии 39,4 тыс. (в 1936 г.) и т. д. » (ib. 41). Далее идут цифры, сравнивающие количество учащихся вузов в СССР и в прочих странах, причем оказывается, что в СССР их больше, чем в Германии, Франции, Англии, Испании и Японии, взятых вместе, а также больше, чем в США (ib., 42).

8 Значит, это собственно чиновничество на службе у государства с его задачами.

Во всей дальнейшей характеристике на первом плане стоят советская власть и партия, которые то-то и то-то делают для интеллигенции. «Советское правительство израсходовало огромные средства для того, чтобы поднять всю народную массу на более высокую степень культуры, знаний, овладения наукой». (ibid). «Советская власть и коммунистическая партия делают решительно все, чтобы поднять материальный уровень советской интеллигенции. Огромную заботу и внимание проявляют партия и правительство по отношению к советской интеллигенции. Такое отношение советской власти к интеллигенции вытекает из самого характера нового строя.

«Ленин и Сталин неоднократно указывали, что социализм-коммунизм является высшим типом человеческого общества... Коммунизм не может осуществиться на базе низкой техники и культуры. Наоборот, необычайно высокое, невиданное и невозможное при капитализме развитие производительных сил и культуры всего общества и каждого отдельного члена его — характернейшая черта коммунизма. Гигантская работа, проводимая советской властью по перестройке экономики и сознания людей, означает одновременно увеличение количества интеллигенции, перестройку ее сознания, общий рост интеллигентности в нашей стране. Интеллигенция готовится у нас не только в вузах, но и на бесчисленных курсах, в кружках, в порядке самостоятельной работы над собой, в системе заочного обучения и т. д. Кадры интеллигенции выковываются в общественных, партийных, комсомольских, профсоюзных, кооперативных и других организациях. Вчерашние батраки и домашние работницы становятся государственными деятелями и удивляют буржуазных наблюдателей своей культурой и организованностью.

«Учится вся страна. То, о чем говорили Ленин и товарищ Сталин, что только после завоевания власти пролетариатом начнется настоящая культурная революция, теперь наступило. В нашей стране каждый может и должен стать интеллигентным. Скоро вся наша молодежь будет иметь не меньше, чем среднее образование; пройдет немного времени — и каждый молодой человек нашей страны сможет окончить вуз» (ib., 43 сл.).

Другой автор, белорусский академик Вольфсон, пытается дать характеристику внутренних качеств интеллигенции. В его статье «Интеллигенция, как общественная прослойка» читаем:

«Приток в ряды интеллигенции значительных кадров из лучших людей рабочего класса и трудящегося крестьянства оказал в высшей степени благотворное влияние на облик этой общественной прослойки.

«Эти люди принесли с собой пролетарскую настойчивость, волевое напряжение, революционную страстность, идейную непримиримость, беззаветную преданность социалистической революции — качества, имеющие исключительную ценность для советского интеллигента.

«Для советской социалистической интеллигенции уже не характерны те черты, которые типичны для буржуазной интеллигенции: индивидуализм, недисциплинированность, идеологическая неустойчивость и т. д. Советский интеллигент — равноправный и полноценный гражданин социалистического государства... Он носитель новой морали, пропагандист социалистической культуры, ему свойственны высокие качества советского гражданина.

«Советская интеллигенция состоит из множества отрядов, представляющих различные профессии работников умственного труда. Нет среди них ни одного, который не почувствовал бы раскрепощающего и вдохновляющего влияния социализма.

«Так социалистическая революция сняла с инженера цепи рабского служения капиталисту... Положение советского врача коренным образом отличается от положения врача в капиталистических странах... В социалистическом государстве разрушена стена, отделяющая врача от народной массы. Советский врач избавлен от тягостного сознания бесплодности своей работы в условиях нищеты и голодания масс... Наш врач уверен в общественной полезности и плодотворности своей деятельности.

«...В СССР учитель является одной из самых замечательных фигур в среде интеллигенции. Он поставлен в благоприятные духовные и материальные условия, поднят на высоту, которая не мыслима в капиталистических странах.

«Советский работник искусства — не чванливый «жрец искусства», порожденный уродливыми условиями классового общества и поглядывающий сверху на народные массы, это и не комедиант, забавляющий «ликующих, праздно болтающих». Работник советского искусства — носитель и творец социалистической культуры, активный борец на фронте культурной революции, деятель советского государства.

«Могучее, освобождающее влияние социалистической революции особенно испытывают работники науки. В буржуазном обществе на пути развития науки находятся тягчайшие препятствия. Оно тормозится во всех тех случаях, когда противоречит интересам господствующих классов. Частнособственнический интерес не дает научному исследователю продвигаться вперед, если результаты его исследования являются невыгодными ка-

питалистическим трестам, если они угрожают ущербом магнатам финансового капитала. Социализм же создает новые, небывалые еще возможности коллективного научного творчества на плановых началах ... Творческая мысль советских ученых открывает все новые источники теоретического обогащения в многогранной практике социалистического строительства: в образцах стахановского труда, в рекордах героических летчиков, в развитии производительных сил страны социализма ...

« Советский народ высоко ценит преданность интеллигенции социалистической родине. Партия и правительство окружают трудовую интеллигенцию таким вниманием и такой заботой, которые обеспечивают ей плодотворную творческую деятельность. Советский народ любит трудовую интеллигенцию, как свое собственное детище ...

« Доказательством такого внимания, которое партия и правительство уделяют интеллигенции, является награждение высшими наградами советского государства лучших представителей советской интеллигенции. Указом Верховного Совета СССР от 31 января 1939 года за выдающиеся успехи и достижения в развитии художественной литературы награждены орденами 172 писателя; указом от 1 февраля 1939 года награждены 139 особо отличившихся работников кинематографии; указом от 4 мая 1939 г. за выдающиеся успехи в деле школьного обучения и советского воспитания детей в сельских школах, за отличную постановку учебной работы и активное участие в общественной жизни в деревне награждены орденами и медалями 4318 учителей сельских школ. Орденоносцами являются многие сотни советских ученых, артистов, инженеров, врачей ». (Под знаменем марксизма, 1939, 8, 36 сл.).

Похвалы по адресу советской интеллигенции расточаются советскими авторами обильно, но напрасно было бы искать у них конкретно обоснованной характеристики внутренних качеств этой интеллигенции. В статье Ф. Чернова « Советская интеллигенция — интеллигенция нового типа » читаем: « Впервые в истории цивилизованного человеческого общества практика и наука, люди физического и умственного труда не разделены, а объединены в нашей стране, органически связаны между собой единством цели, единством стремлений, равенством прав и обязанностей перед обществом. Впервые в истории общества образование интеллигенции происходит у нас, как результат мощного культурного роста людей труда. Стахановское движение является наиболее ярким примером, как органической связи умственного и физического труда, связи труда и мысли, так и

великого культурного подъема, охватывающего весь советский народ...

«Советская интеллигенция есть новая интеллигенция, прежде всего по своей социальной, классовой природе. Она на 80-90 % состоит из выходцев из рабочих и крестьян.

«Вот, например, данные о социальном происхождении делегатов I Всесоюзного съезда писателей, характеризующие социальную природу такого важного отряда советской интеллигенции, какими являются советские писатели: выходцев из рабочих было 27,3 %, из крестьян — 42,6 %, мещан — 20,3 %, трудовой интеллигенции — 12,9 %, служащих — 5,5 %, дворян — 2,4 %, торговцев — 1,4 %, служителей культа — 1,7 %, кустарей 3,8 %. Следовательно, уже в 1934 году основная масса советских писателей состояла из выходцев из рабочего класса и крестьянства. [9]

«Или, например, из 592 руководящих работников Наркомфина СССР 119 человек являются выходцами из рабочих, 174 — из крестьян. Сам нарком финансов, тов. Зверев — бывший рабочий — текстильщик.

«За годы социалистического строительства сотни тысяч детей рабочих и крестьян окончили высшие учебные заведения; к умственному труду, к руководству государством, народным хозяйством и другими областями общественной жизни поднялись тысячи тысяч рядовых рабочих и крестьян... сотни тысяч советских интеллигентов выросли в колхозах».

Далее автор заявляет, что «советская интеллигенция является интеллигенцией нового типа и по своему морально-политическому облику». Однако половину текста единственной страницы, посвященной этой теме, он тратит на отрицательную характеристику прежней буржуазной интеллигенции. По части же положительных «морально-политических» качеств советской интеллигенции он ограничивается несколькими фразами вполне в духе советской пропаганды: «Советская интеллигенция характеризуется прежде всего и главным образом своей глубокой, всесторонней органической связью со всем советским народом». Отсюда — «сознание своей силы, сознание необходимости честно служить народу». Далее «морально-политический облик

[9] Замечу здесь же, что статистика нашего автора чисто советская: сумма слагаемых равна 117, 9. Его выводы не менее замечательны. Если уж говорить о преобладании, то оно принадлежит крестьянам, которые вместе с кустарями дают 46,4 %. Характерна также эта исключительно количественная оценка духовной деятельности. Поскольку среди дворян находился граф Алексей Толстой, а среди интеллигентов Борис Пастернак, можно сказать, что и советская литература более чем наполовину представлена дворянством и интеллигенцией.

советской интеллигенции характеризуется патриотизмом, высоко развитым чувством общественного долга, творческими исканиями, героизмом». Как примеры, приводятся несколько никому не известных и ничего не говорящих имен героев Хасана и рекордсменов авиации. Приведенные фразы и составляют всю «морально-политическую» характеристику советской интеллигенции. Отсюда заключения: «Она является солью земли советской... Такой интеллигенции не знала еще история человечества». (Под знаменем марксизма, 1938, 12, 99 сл.)

Впрочем, не все советские авторы держатся исключительно панегирического тона. Вот некоторые признания отрицательных сторон советской интеллигенции: «Однако было бы неверно утверждать, что к настоящему времени преодолены все отрицательные, специфические интеллигентские черты, о которых говорилось выше.[10] Наша новая, молодая интеллигенция, выросшая за годы пролетарской революции, учащаяся в советских учебных заведениях, всего менее могла быть заражена пережитками капитализма. Было бы неверно утверждать, что она гарантирована от многих язв и пороков старой интеллигенции. Было бы политической близорукостью если бы мы, отмечая все новое, что характеризует нашу интеллигенцию, что отличает ее от интеллигенции любой капиталистической страны, упускали из вида то старое, что сохранилось еще и цепко держит в своих руках многих и многих представителей советской интеллигенции.

«Мы не можем забывать, что острая классовая борьба получает свое отражение и в среде интеллигенции, что капиталистическое окружение ставит ставку на определенные круги интеллигенции, вербует и пытается вербовать из ее среды вредителей, шпионов, диверсантов. На процессах троцкистско-зиновьевско-бухаринской агентуры фашизма — на скамье подсудимых, среди лютых врагов советского народа, среди изменников и предателей, продавшихся фашизму — мы видели инженеров, врачей, профессоров. Среди преступников из антисоветского «право-троцкистского блока» были лица, которые причисляли себя к «интеллигенции». Все что было и есть отвратительного и смрадного, темного и проклятого в старом, капиталистическом мире: алчность, двурушничество, обман, боязнь за «свое местечко», карьеризм и т. д. — нашло свое гнусное выражение в действиях группы врачей-фашистов, умертвивших лучших представителей советского народа...

«Мы имеем примеры блестящей работы лучших представи-

---

10 Выше говорилось об отрицательных сторонах старой интеллигенции.

телей нашей интеллигенции, которые высоко подымают знамя советской науки, литературы, искусства, техники. Мы знаем прекрасные образцы подлинно стахановской работы инженеров, техников, агрономов, химиков, педагогов и других мастеров культуры. Среди орденоносцев, десятки депутатов Верховного Совета СССР выдвинула из своей среды советская интеллигенция. Наряду с этим советская общественность должна выкорчевать такие отвратительные черты, как лузинщина, вредительство, обман и двурушничество в области науки и искусства. Наряду с подлинными стахановцами культурного фронта мы имеем, к сожалению, довольно большое количество примеров безответственного, несоветского отношения к своему труду и к своим обязанностям со стороны представителей интеллигенции. Наша печать за последнее время разоблачила немало псевдонаучных учреждений и институтов, которые были настоящими « кормушками » для бездельников от науки и литературы. А сколько подобных затхлых углов еще не разоблачено, сколько еще имеется учреждений и институтов, в которых происходит беспардонная растрата государственных средств ! Ведь только совершенно безучастным, безответственным отношением к делу, только прямой враждебностью к советскому строю или тонко скрываемым вредительством можно объяснить такое положение, когда в научно-исследовательском институте, в котором работают десятки и сотни квалифицированных научных работников, профессоров и докторов, кандидатов и доцентов, в течение длительного времени занимаются такой « темой », как ... доение голубей, вместо нужных и актуальных тем для социалистического строительства ». (Митин. Интеллигенция Советского Союза, Большевик, 1938, 8, 59 сл.)

Задаваясь целью извлечь из советских печатных материалов подлинные факты жизни, надо помнить, что писания советских авторов, как общее правило, бывают инспирированы, носят пропагандистский характер и придерживаются хвастливо-панегирического тона. Поэтому сообщение ими отрицательных фактов является исключением, и даже в случае таких сообщений, факты приводятся в виде исключений и с различного рода смягчающими комментариями. И поэтому читатель имеет право, не погрешая против объективной истины, во много раз увеличивать приводимые в печати отрицательные явления. В данном случае, в статье Митина (кстати сказать, крупного советского « идеолога ») отрицательные явления взяты слишком односторонне, связаны с определенными событиями (процесс троцкистов и т.д.), ограничены слишком тесным кругом высшей интеллигенции.

Нужно было бы написать особую, обширную работу, если бы я захотел дать исчерпывающую бытовую характеристику того слоя советской человеческой массы, которой официально дается название интеллигенции. Все же, для освещения этой стороны дела, я считаю не лишним привести несколько свидетельств тех же советских авторов и советской информации. Выступая на X съезде Комсомола в 1936 г., Косарев между прочим дал такие характеристики советских культурных людей, т. е. интеллигентов: « . . . у нас не только малограмотные плохо читают и пишут, но, нечего греха таить, иногда этим страдают и студенты, и молодые специалисты, бывает, что даже и некоторые люди, претендующие на звание молодых ученых. Иные даже кичатся своей малограмотностью, считая, что пролетарию не обязательно знать грамматику ». А вот характеристика советского « культурного » человека, данная тем же Косаревым. « У нас развелись люди, которые различные мещанские атрибуты выдают за зажиточную, культурную жизнь. Их помыслы не идут дальше костюма иностранного покроя, патефона и книг издания « Академия ». Подобно попугаям, они блистают своим пестрым оперением, под которым скрыто убогое существо невежд. . . . У нас развелось много людей, которые считают, что раз они « проработали » « Поднятую целину » или « Как закалялась сталь », значит они могут получить патент на культурность ». (Советское студенчество, 1936, 5, стр. 5, сл.)

Такова действительность пресловутой советской культурности. С только что приведенной иллюстрацией интересно сопоставить такое заявление другого автора: « Советская интеллигенция представляет собою культурную силу нашего социалистического общества ». (Под знаменем марксизма, 1938, 12, 104) Много говорит также для постижения советской действительности сопоставление с фактами такого пожелания, выраженного на этой же странице: « Задача добиться полной победы социализма в области культуры исключительно многогранна. Она требует неустанной творческой деятельности всех отрядов советской интеллигенции, от сельского учителя до писателя и художника ». А вот как отвечают на это пожелание факты по крайней мере в отношении писателей: « К очень многим произведениям наших писателей относятся замечательные слова Белинского о том, что в них — в произведениях — « нет истинной жизни, нет действительности такой, как она есть, ибо все придумано, все рассчитано по расчетам вероятностей, как это бывает при делании или сочинении машин . . . » и далее: « Отставание некоторых писателей и поэтов от требований вре-

мени (пусть меня простят, ежели им это неприятно слышать, но это будет откровенно) объясняется тем, что они больше устремляются в погоню за длинным рублем и мало работают над качеством своих произведений. Они склонны чаще переиздавать свои произведения, чем создавать новые. Всем известно, что за границей крупнейшие писатели с мировым именем находятся в менее лучших условиях, чем так называемые начинающие писатели у нас». (Сов. студ. 1936, 5, стр. 6) А вот еще одно свидетельство статьи с громким заглавием «О кругозоре партийного и государственного работника»: «...некоторые наши партийные, советские и хозяйственные руководители отказываются от самостоятельной работы над повышением своего культурного уровня под тем предлогом, что якобы практическая работа неизмеримо важнее работы над своей идейной и культурной вооруженностью». (Большевик, 1940, 17, 11).

Впрочем, эти весьма конкретные иллюстрации отрицательных сторон советской интеллигенции я привожу лишь мимоходом, поскольку они попадаются в моем материале, но в мою задачу не входит всестороняя бытовая характеристика «советской интеллигенции». Моя цель дать определение этой своеобразной социальной группы в советском понимании и приведенный выше достаточно обильный материал из официальных источников имеет своим назначением оправдать нижеследующее мое определение.

Всматриваясь в сущность «советской интеллигенции», можно было бы сказать, что название свое она носит по недоразумению, если бы к этому не было некоторых реальных причин, однако, не внутренних, а внешних. Ибо по существу своему, и по функции в советском быту эта новая интеллигенция представляет скорее противоположность старой.

Прежде всего, старая русская интеллигенция возникла самостоятельно и самопроизвольно в недрах русского общества, как критически мыслящая группа, находящаяся в оппозиции государству и обществу. И даже, понимаемая просто как образованный класс, старая интеллигенция представляла результат органического духовного и культурного роста общества, роста, который совершался почти без воздействия государства. Правда, государство создавало школы и систему образования в значительной степени в своих собственных целях и интересах, однако цели эти были ограничены до минимума, в особенности по сравнению с всеобъемлющим и всепроникающим советским государством, а кроме того, в получении образования государственная школа представляла лишь один из тысячи разнообразных

путей. Иначе, каким образом могла бы сформироваться интеллигенция в оппозиции государству, как мог бы появиться сам Ленин с его предшественниками и соратниками ? Большевики утверждают, что интеллигенция, как представительница господствующих классов, фактически состояла у последних на службе без всякого формального договора, приспособляла свою идеологию к их интересам, однако, даже если это и было бы справедливо для некоторых групп интеллигенции, отношение между ними и господствующими классами основано в конечном счете на свободном выборе, в силу которого у каждого интеллигента остается возможность и не идти на службу, а также становиться на сторону подчиненных классов и в оппозицию существующему порядку. Ведь признают же сами большевики наличие в прошлом также и такой именно интеллигенции. Из предшествующего изложения как раз и явствует, что интеллигенция зародилась в атмосфере независимости, свободы и досуга, предоставленных дворянству, уже не обязанному больше служить, а затем рекрутировалась из лиц свободных профессий, главным образом журналистов и публицистов, которые предпочитали терпеть бедность, нежели продавать свое перо кому бы то ни было.

Вместе с воцарением большевизма новая советская интеллигенция превращается в противоположность старой. Она не растет самопроизвольно, она изготовляется правительством. Отчасти тем способом, каким советское государство действует теперь в производстве « интеллигенции », прежнее государство действовало только в подготовке собственных чиновников и военных. В случае увеличения состава армии, открывались новые кадетские корпуса и военные училища с расчетом получить столько-то молодых офицеров. Школа правоведения в Петербурге подготовляла чиновников министерства юстиции. Этот способ и эта государственная целевая установка распространена большевиками на всю область образования. Каждый год заранее прикидывается, сколько вузы должны дать специалистов, в связи с цифрами пятилетних планов открываются новые вузы, которые должны дать заранее определенные кадры для промышленности и управления. Это называется заботой партии и правительства о росте интеллигенции.

Указанная противоположность существует во всех других отношениях. Возьмем социальный состав. Большевики сами подчеркивают противоположность между советской и старой интеллигенцией в отношении состава, однако эту противополож-

ность они указывают неверно. Дело не в том, что старая интеллигенция была первоначально главным образом дворянская, а советская стала почти исключительно рабоче-крестьянской. Суть дела в том, что первая была пестра по своему составу и рекрутировалась свободно, без какого - либо нарочитого критерия подбора, тогда как новая первоначально сознательно набиралась из пролетариата или крестьянской бедноты и этот принцип исключительности поддерживался до тех пор, пока шел процесс истребления высших классов и деревенского «кулачества», вследствие чего с известного момента стало уже безопасно допускать в «интеллигенцию» жалкие остатки одиозных социальных групп.[11] Таким образом, прежняя интеллигенция представляла собою естественное, органическое социальное образование, советская же интеллигенция есть искусственное создание советской власти со специальным назначением — служить целям и делу большевистской партии и советского правительства. В конечном счете советская интеллигенция отождествляется с громадным бюрократическим аппаратом советского государства, состоящим из «служащих» всех категорий. Почти ко всем профессиям может быть приложен этот термин «служащий», который является вполне равнозначущим прежнему чиновнику, с тою лишь разницей, что положение этого последнего было неизмеримо определеннее, прочнее и в конечном счете независимее. «Для советской интеллигенции не может быть иного пути, кроме того, которым наша большевистская партия ведет советский народ и все прогрессивное и передовое человечество» — читаем мы в статье Ярославского (Историк-марксист, 1939, 1, 51). «Советская интеллигенция, — читаем мы в другой статье, — это тот руководящий аппарат, при помощи которого партия и советская власть осуществляют свое руководство государственными учреждениями и социалистическими предприятиями, ведут успешно свою внутреннюю и внешнюю политику». (Большевик, 1939, 2, 55) «Сейчас коммунистическая партия и советское правительство ставят перед советской интеллигенцией великие задачи» — говорится в другой статье, и далее: «Строительство коммунизма в условиях капиталистического окружения выдвигает на первый план задачу укрепления мощи и организованности советского социалистического государства... с особенной остротой эта задача ставится перед самым многочисленным и важнейшим отрядом советской интеллигенции — перед советскими государственными служащими».

---

11 Практически это выразилось в допущении детей известных социальных категорий в вузы и на службу.

« Советский служащий — проводник и исполнитель директив высших государственных органов... Именно от работы служащих зависит... быстрое и точное исполнение приказов и постановлений советских государственных органов». (Под знаменем марксизма, 1928, 12, 103 сл.) Однако ту же функцию, что служащий, под которым понимается не только служащий административного ведомства, но и инженер, техник, врач, судья, выполняют и лица свободных профессий. Ибо не только ученый и профессор двигает науку и ведет обучение молодежи в духе и согласно директивам высшего государственного и партийного руководства, но и люди искусства и литературы всецело подчинены этим директивам в виде так называемой тематики. Сообразно этой полной зависимости советской интеллигенции от партии и правительства в ее деловой и творческой работе, интеллигенция эта целиком состоит на содержании у государства и получает от него поощрения и награды орденами совершенно так же, как это было раньше с чиновничеством. Только в советское время, как правило, писатели стали получать награды и ордена от правительства.

Но если государство создает для себя свою интеллигенцию и содержит ее, совершенно естественно, что оно желает иметь ее такою, какая ему нужна для его специальных целей. Потому-то Сталин и говорит, что партии нужны не всякие командные и технические силы, а такие, которые « способны понять политику рабочего класса нашей страны, способны усвоить эту политику и готовы осуществить ее на совесть». Совершенно нет надобности распространяться о том, что такая установка совершенно исключает идейную самостоятельность интеллигенции. Интеллигенция служит целям партии и потому она должна иметь марксистский образ мышления. « В наших условиях», читаем мы в одной статье, « кадры интеллигенции, не овладевшие марксистско-ленинской теорией, не могут правильно руководить ни на одном участке социалистического строительства». (Большевик, 1939, 2, 56) Средство для овладения этой теорией было найдено без труда. « Партия обязала партийные организации восстановить правильное большевистское отношение к интеллигенции, обязала развернуть среди интеллигенции идейно-политическую работу. В постановлении ЦК ВКП(б) о постановке партийной пропаганды сказано: « Считать первоочередной и главной задачей парторганизаций в области пропаганды ликвидацию теоретической и политической отсталости кадров партийной и непартийной интеллигенции, обеспечив всяческую помощь советской интеллигенции в овладении большевизмом, в изучении истории

ВКП(б) и произведений классиков марксизма-ленинизма». Партия поставила своей задачей воспитание советской интеллигенции в духе марксизма-ленинизма и дала для этого могучее орудие — «Краткий курс истории ВКП(б)».

В результате «наши кадры, наша многомиллионная советская интеллигенция, самостоятельно изучая «Краткий курс истории ВКП(б)» и произведения классиков марксизма-ленинизма, могут свободно овладеть теорией» (ib., 56 сл.). Советскими авторами такое «воспитание» советской интеллигенции мыслится очевидно, как признак ее свободы, ибо вот что читаем мы дальше в этой же статье: «Если в капиталистических странах эксплуататорские классы отстраняют интеллигенцию от политики, превращают ее в орудие для выполнения своих эксплуататорских целей, то в нашей стране политика неотделима от работы каждого руководителя, в какой бы области он ни проводил свою работу. И чем дальше мы будем двигаться вперед, чем больше побед мы будем одерживать на фронте социалистического строительства, тем больше будет возрастать роль нашей советской интеллигенции, роль и значение марксистско-ленинской теории в деле вооружения наших кадров интеллигенции большевизмом». (ib. 57)

Советская интеллигенция на исключительной службе правительства, вооруженная официальной политической теорией — это прямая противоположность прежней русской интеллигенции.

Большевики на все лады твердят о связи интеллигенции с народом, о той любви, которой народ окружает свою интеллигенцию. В этом якобы заключается отличие советской интеллигенции от прежней, которая мол была оторвана от народа. «Новая, советская интеллигенция формируется из недр народа, и наш народ любит ее, окружает заботой и вниманием, доверяет ей», — говорится в только что цитированной мною статье (Ib. 51) «Сила советской интеллигенции и советской науки заключается в ее связи с народом» читаем в статье Ярославского (Историк-марксист, 1939, 1, 52). В действительности отношение как раз обратное. Оторванность прежней интеллигенции заключалась в том, что интеллигенция усваивала себе плоды чуждой народу западно-европейской идеологии, однако, отчуждение это было частичное. С другой стороны, интеллигенция всеми помыслами и устремлениями была обращена к народу, из которого она и рекрутировалась все больше, чем дальше шло время, рекрутировалась естественным капиллярным процессом. Напротив, советская интеллигенция, выходя из народной массы, сохраняет с ней связи родства, совместной некультурности и

общности интересов чисто материальных, но теряет с нею нравственную связь, поскольку все эти выходцы, точнее выскочки, превращаются в сущности в привилегированный класс, и недаром для новой интеллигенции придумано название « знатных » людей.

Из всего, что сказано выше о советской интеллигенции, ясно, что она образует новый привилегированный класс, который все больше становится средостением между народом и правительством, являясь орудием последнего и проводником его политики в стране. Народ инстинктивно чувствует это, и в нем постепенно возрастает ненависть к этому привилегированному классу. Большевики это отлично понимают и всячески стараются бороться против такой тенденции, действуя в то же время осторожно и стараясь не разоблачать самой сути положения. Суть эта заключается в том, что народ чувствует ненависть к новой интеллигенции, как к своему брату, « выбившемуся в люди » и разжиревшему на казенных хлебах. Эта ненависть подобна прежней ненависти к крепостному бурмистру, приказчику или к своему же деревенскому кулаку. Большевики же, замалчивая эту сторону дела, стараются видеть в таком факте остатки прежней ненависти народа к старой интеллигенции. Сталин на XVIII съезде партии, как мы видели, говорил об отрицательном отношении части партийцев к интеллигенции. В действительности явление это гораздо шире и потому-то оно так привлекает внимание советских авторов, которые в каждой статье об интеллигенции посвящают ему особое внимание. Вот что пишет, например, по этому поводу Ярославский:

« ... пренебрежительное, махаевское отношение к интеллигенции является диким, хулиганским и опасным для государства ... Пережитки махаевщины еще имеются в нашей стране. Они проявляются в разнообразных формах: в остатках « спецеедства », в пренебрежении к работе среди интеллигенции, в таком отношении к интеллигенции, когда ее ставят на положение второстепенного участника нашего социалистического строительства и т. д. и т. п. ».

« Иногда такое отношение к интеллигенции является плодом несознательности и недомыслия, но надо уметь находить здесь и руку классового врага, который, спекулируя на понятной настороженности рабочих и колхозников к интеллигенции, особенно к старым специалистам, часть которых так долго колебалась, а иногда и прямо вредила, пытается теперь разорвать союз науки и труда, помешать нашему движению вперед » (Историк-марксист, 1939, 1, 44).

Махаевщина, столь часто упоминаемая в связи с отрицательным отношением народа к интеллигенции, это теория польского революционера Махайского, который около 1900 года выставил против социал-демократии свою теорию о том, что «социалистическая интеллигенция потому выдвигает политические требования, что хочет, сваливши царское самодержавие, добиться для себя теплых местечек в государственном аппарате» (ib., 45).

«По учению махаевцев, социалистическая интеллигенция стремится вырвать власть у капиталистов и отобрать у них средства и орудия производства для того, чтобы остаться единственными владельцами национального дохода» (ib., 48). Каковы бы ни были прежние стремления социалистов, октябрьская революция привела именно к предсказанному им результату: властью в государстве, средствами производства и национализированным народным богатством завладела социалистическая интеллигенция в лице крайних ее представителей, большевиков. Себе в помощь, в преемство и для поддержки большевистские руководители и принялись формировать новый общественный класс — советскую интеллигенцию, которая и разделяет с ними власть над страной. Со старой интеллигенцией эта новая не имеет ничего общего, кроме имени.

Почему же, однако, удержано старое имя, почему оно так усердно подчеркивается? Выше я говорил уже, что здесь причина лежит отчасти в привычке, отчасти в некоторой преемственной связи. Однако, главная причина, думается мне, в том, что термин «интеллигенция» представляет удобный способ прикрыть этим понятием, взятым из истории, тот вопиющий факт, что в результате октябрьской революции и большевистского строительства воздвиглось господство новой, правда вербуемой из народа, но служащей не ему, а большевикам, бюро- и технократии.

1944 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Отдел документов:

A. ROSSEELS PRINTING C°
Vaartstraat 70 — Leuven
☎ (016) 219.62 — Belgium